

БОГИ на неполный рабочий день

РЕЙЧЕЛ ААРОН

Жизнь в магическом беспорядке СЗД непростая. Когда на тебе проклятие гордого дракона, жизнь почти невозможна.

Меня зовут Опал, и я — Уборщица. По крайней мере, я была такой. Из-за сверхъестественной неудачи, которая обращает все, что я делаю, против меня, нынче я — ходячая катастрофа. Избавиться от этого проклятия — единственный способ вернуть свою жизнь. К сожалению, магия дракона такая же опасная и хитрая, как сам дракон, и ее так же тяжело одолеть.

Но я никогда не сдавалась в тяжелых ситуациях. Я загнана в угол, но не побеждена, и в пробуждающемся городе, который управляет собой, драконы — уже не самая большая сила.

Перевод: Kuromiya Ren

ПРОЛОГ

Сеул, Объединенная Корея, 21 год назад

В Замке Великого дракона на пятнадцатом этаже за семью слоями охраны, отделяющими семейное крыло от публичных частей крепости Дракона Кореи, пятилетняя девочка в платье, которое стоило больше всех бальных платьев, стояла в центре магического круга, смотрела на линию темно-зеленых тыкв на мраморном полу перед ней, будто солдат на поле боя.

— Хорошо, — сказал ее наставник, нервно поправил круглые очки на морщинистом носу, закончив поправлять последнюю тыкву и заняв место у края круга. — Сделай, как я показывал, в этот раз. Притяни магию, чтобы наполнить круг, а потом двигай магию в заклинании, — он постучал туфлей по магическому уравнению, которое он написал большими символами, чтобы ребенок понимал, вокруг магического круга. — Заклинание скажет магии, как двигать тыквы. Тебе не нужно их касаться. Просто сосредоточься на круге. Понятно?

Девочка быстро закивала, и ее тонкие черные волосы взлетели, а старый наставник выдавил улыбку так, что напоминало гримасу.

— Начинай.

Девочка вытянула пухлые ладошки перед собой и закрыла глаза. Пару секунд ничего не происходило, а потом магия наполнила комнату с треском. Она прилетела так быстро, что наставник едва успел топнуть по уравнению безопасности, которое он вписал в заклинание, выпуская магию, пока она не перегрузила круг и взорвалась. Но, хоть он успел спасти их от магической отдачи, он не успел остановить все заклинание. Сила уже бежала по заклинанию, выжигая символы в каменном полу, а потом прыгнула к тыквам, и они взорвались, усыпав всю комнату оранжевой горячей мякотью.

— Ах! — закричал наставник, вскидывая руки, чтобы закрыть лицо, мокрая сварившаяся тыква падала на него. Девочка была не такой быстрой. Куски мякоти попали по ее лицу, покрывая ее от волос до ног слоем горячей жижи. — Нет! — закричал наставник, стряхивая тыкву с ладоней. Он повернулся разъяренно к неудачливой ученице. — Сколько раз я говорил: не так сильно! Ты чуть...

Остальная тирада была перекрыта, девочка откинула голову и завывала. Ее няня — она спаслась от дождя из тыквы у дальней стены большой изящной комнаты — подбежала, за ней — стая служанок с полотенцами.

— Все хорошо, — сказала няня, в бодром голосе звенели нотки отчаяния. — Ты можешь попытаться еще раз.

Девочка замотала головой, вопя громче, закрывая лицо в тыкке ладошками. От этого служанка, которая вытирала ее пухлые щечки, остановилась, и глаза няни стали дикими.

— Прошу, не надо, — взмолилась она. — Он тебя услышит.

Но девочка не прекращала. Она рыдала, пока ее лицо не стало алым. Она плакала всем телом, как умели только дети, игнорируя безумные попытки взрослых утешить ее. Они все еще пытались, когда двойные двери комнаты распахнулись с грохотом.

От звука все, кроме девочки, вздрогнули. Дитя рыдало, не замечая, но все остальные застыли, как испуганный олень на лугу, когда темная высокая фигура миновала порог.

Он выглядел как мужчина, но точно не был человеком. Ни один человек не вызывал ощущение когтей, когда входил, ни от кого так сильно не пахло дымом. Даже запах сварившейся тыквы оказался перекрыт запахом пепла, когда он прошел в комнату, и смертные отступали с дороги, пока он приближался к еще рыдающему ребенку.

Он замер, когда его тень упала на нее, ждал, пока она поймет. Пока испугается. Но девочка была слишком расстроена, чтобы слушаться инстинкта. Она даже не посмотрела на него. Она кричала и рыдала, пока даже дракон не перестал выдерживать это.

— Почему ты издаешь этот адский звук?

— Потому что не могу это сделать! — выла девочка.

— Что сделать?

Вместо ответа, как поступило бы разумное существо, она плюхнулась на липкий пол и стала молотить ножками. Дракон смотрел пару секунд с раздражением, а потом повернулся к кругу беспомощных взрослых, которые должны были справляться с этим.

— Что она делает?

Ее няня стыдилась. Рядом с ней престижный профессор тауматургии, которому он платил, чтобы это шумное существо обучили магии, кашлянул.

— Позвольте, великий дракон. У юной леди небольшие проблемы... с контролем.

— Так научи ее, чтобы это исправить, — резко сказал Великий Ён.

— Я пытаюсь, сэр, — едко сказал наставник. — Но очень сложно...

— Как это может быть сложно? — осведомился дракон, указывая на ребенка, устроившего истерику на полу. — У нее лучшие гены, какие могут купить деньги. Это должно быть просто для нее.

— Да, но она очень юна, — мягко напомнил ему наставник. — Многие дети в этом возрасте даже не знают, что у них есть магия. Может, ее мозг еще не развился до нужного уровня концентрации...

— Я не хочу оправдания, — прорычал дракон. — Моя дочь должна быть гением в магии. Обучи ее, или я найду другой университет.

— Да, великий дракон, — вяло сказал профессор, опуская голову.

Ён кивнул и повернулся к девочке, которая еще молотила ножками, словно пыталась бежать в пол.

— Прекрати немедленно.

Ребенок дернулся от его голоса и перестал бить ногами. Но рыдания не прекратились.

— Что я сказал?

— Я пытаюсь, — всхлипывала она, голос было сложно понять. — Но я... я...

Слова сменились воем, и ее няня поспешила к ней, но дракон поднял руку.

— Где ее мать?

Женщина низко поклонилась.

— Ваша супруга была тут пару минут назад, великий дракон. Ей пришлось уйти для экстренного звонка из вашего дома в Лос-Анджелесе насчет текущего трудового спора.

Ён нахмурился. Он не знал о трудовом споре в его владениях в Калифорнии, но было приятно иметь умелую Первую Смертную. Она заботилась обо всех мелких деталях, и он никогда о них не слышал. Но его супруга была идеальна во всем: легендарная красота, безупречный ум, вкус, грация, чувство такта превосходили даже его высокие стандарты. Но ее дитя...

Он хмуро посмотрел на маленькое существо, рыдающее на полу. Ее мать настаивала, что красота ребенка расцветет, пока она будет расти, но Ён видел множество поколений людей. Он знал, что ничего не поделать с квадратной челюстью девочки или тусклым карим цветом ее глаз, который не был редким оттенком медового ореха, как обещали генетики. Ее должна была спасти сильная магия, но даже это было для нее недостижимо. Хотя тесты показывали ее силу, она не могла понять даже простые концепты человеческой магии.

Может, это улучшится со временем, но Ён не надеялся. Пока что его дочь-человек была разочарованием во всем. Громкая, грязная, упрямая, слишком эмоциональная. Зверек с лицом, которое технически не было уродливым, но никогда не станет красивым, достойным дракона. Порой он не понимал, почему продолжал вкладывать ресурсы в это гибельное дело.

И все же...

Судя по тому, что, как он видел, мужчины-люди делали с малышами, Ён склонился и подхватил рыдающего ребенка с пола. Она тут же впилась в его грудь, как обезьяна. От этого его костюм испачкала липкая тыква, но хотя бы вой прекратился. Ён вздохнул с облегчением в чудесной тишине и посмотрел на глупое маленькое создание, уткнувшееся в его грудь.

— Ты перестала выть, собачка?

Как всегда, от прозвища она рассмеялась. Неожиданное веселье убрало остатки слез. Ён не знал, как можно было так быстро менять эмоции, но она всегда была переменчивым зверьком, даже по стандартам людей. Он был рад, что она уже не плакала. Он не мог думать в таком шуме. Он собирался отдать ее няне, но девочка отодвинулась и посмотрела на него, на лице появилась улыбка, от которой он перестал дышать.

Ах, вот и оно.

Его дочь улыбалась так же сильно, как плакала. От этого все ее тело сияло изнутри, и Ёну казалось, что он держал чистый свет солнца, и для него этого было достаточно. Даже смертные, которые были обязаны ему жизнями, не смотрели на него с таким идеальным доверием, бесстрашным восхищением. Когда она так улыбалась ему, было не важно, что ее лицо не удалось, глаза были не того цвета, и что она все еще была в тыкве. От этой улыбки все горы бед, которые она устраивала, казались мелочами. Он ощущал себя любимым. Ощущал себя богом.

И он дорожил этим.

— Думаю, ты уже достаточно пошалила сегодня, — он отвернулся от няни, ждущей, чтобы забрать ее. — Почему нам не оставить слуг убирать, а ты пойдешь со мной, пока твоя мама не закончит?

Это был дорогой подарок. Сегодня был плохой день для игры со смертными. Но любые неудобства, которые он создал этим для себя, стоили ее вопля искренней радости.

— Правда?

— Я не вру, — оскорбленно сказал он ей.

— Мы сможем посмотреть на твои сокровища? — быстро спросила она, подпрыгивая в его руках.

Он милостиво улыбнулся от ее восторга. Он не успел ответить, в дверь за ним постучали.

Хмурясь от вмешательства, Ён повернулся и увидел старшего клерка, стоящего на пороге с испугом на лице.

— Великий дракон, — сказал старик, голос дрожал. — Она тут.

Хорошее настроение Ёна стало дымом. Его клерку не нужно было говорить, кто. Ён уже чуял ее запах: едкий и горький запах наполнил его дом, он скрипнул зубами.

— Мне сказать ей уйти?

— Нет, — прорычал дракон. — Прогонять того, кто пришел без приглашения, это показывать, что ты их боишься. Я не дам ей такое преимущество, — он задумался на миг и резко кивнул. — Отправь ее в тронный зал. Я разберусь с ней там.

— Да, великий дракон, — старик поклонился и поспешил выполнять желание своего дракона.

Когда он ушел, Ён повернулся, чтобы отдать девочку няне, ведь это были дела не для ребенка, но малышка завывала в протесте.

— Ты обещал! — кричала она, впившись в его шею. — Ты сказал, что я могу пойти с тобой!

Ён замер. Он сказал так, да? Он не был обязан держать слово перед мелким существом, но она смотрела на него большими обиженными глазами, губа дрожала, будто она вот-вот заплачет...

Дракон вздохнул, сдаваясь.

— Нельзя, чтобы говорили, что Великий Ён не держит слово. Ты можешь пойти со мной, но только если пообещаешь молчать.

Девочка закивала, сжала губы. Когда он убедился, что она так и будет молчать, Ён вынес ее из комнаты в коридор к лифтам.

Тронный зал был необходимостью для правящего дракона. Обычно их украшали красивым оружием или головами побежденных врагов, но Ён считал такие выставки безвкусными и признаком уязвимости. Его тронный зал был наполнен его богатствами, включая большое окно с видом на реку Ханган, чьи берега усилили за его деньги, чтобы не было наводнений, это был его подарок народу Кореи. Другие стены были покрыты сокровищами, которые были достойны выставок в музеях, включая несколько картин мастеров Ренессанса, семь панелей гравюры с инкрустацией с золотом, показывающей дракона на тайфуне, вырезанного в традиционном стиле резьбы по дереву. А еще целая стена счетов, это была лучшая коллекция исторических предметов счета в мире.

Его дочь обожала счета. Она стала разглядывать полки бусин для счет, как только они вошли в зал, и Ён поднес ее и дал выбрать одни. Она выбрала золотую рамку с пятью рядами костяных бусин, которые когда-то принадлежали китайскому дракону, который в облике человека правил как три разных императора династии Тан. Конечно, они были самыми дорогими на стене, но он был не против дать ей поиграть с ними. В отличие от юных

существ, которые занимались разрушением каждого нового предмета, его дочь уважала красивые вещи. Стук костяными бусинами занял ее, и Ён опустилс с ней на трон, от которого и пошло название зала, высокий стул был вырезан из костей дракона и коронован рядами зубов.

Вид был жутким, и Ёна он уже не радовал. Он сделал трон в юности, когда такие символы были необходимы. Он часто думал заменить его чем-то, что больше подходило его нынешнему стилю правления, но сегодня он был рад, что не сделал этого. Сидеть на старых костях было уместно. Он снял испорченный пиджак, расстелил на коленях, чтобы его дочь не испачкала тыквой и штаны. Когда она устроилась, он поднял голову и приказал:

— Войдите.

Слово едва покинуло его рот, и железные двери в конце зала распахнулись, и драконша прошла в комнату. Как обычно, она была наряжена как королева, на ней было то, что современный дизайнер посчитал бы традиционным ханбоком, а замысловатая прическа добавляла почти фут к ее росту. Ён считал это безвкусным и чрезмерным, но его сестра не любила тонкость и мудрые решения.

— Почтенный старший брат, — сказала она, изящно поклонившись, так низко, что ее глупая прическа задела пол. — Быть снова в твоём роскошном присутствии — честь для меня.

— Белая Змея, — ответил Ён, признавая ее существование. И все.

Его сестра стиснула зубы от холодного приема. А потом улыбнулась, взмахнула ладонями и трепещущими рукавами, и идеально подобранные мужчины-люди внесли огромные подносы с шелковыми скатертями в комнату за ней.

— Что это?

— Подарки, — невинно ответила его сестра, люди опустились на колени перед его тронем, протягивая подносы. — Было бы оскорбительно прийти к самому богатому дракону Азии без платы.

— Ты должна чего-то сильно хотеть, раз пришла с взяткой, — ответил Ён, стуча задумчиво пальцем по древней кости на подлокотнике трона. — Хорошо. Скажи своим рабам оставить подношения и идти. Дела драконов — не место для людей.

Белая Змея посмотрела на смертное дитя у него на коленях. Ён в ответ властно опустил ладонь на чуть липкие волосы дочери, погладил ее, как кошку, глядя в глаза сестре.

— Конечно, — сказала она, хлопнула в ладоши. Слуги поклонились и ушли, закрыв за собой двери, оставив драконов наедине.

— Даю минуту рассказать, почему я не должен тебя убивать, — сказал Ён, когда они остались одни.

— Разве так общаются с единственной из твоей семьи? — ответила Белая Змея, недовольно приподняв голову, перестав играть невинность.

— Ты для меня — нарушитель. Я изгнал тебя из своих земель восемьсот лет назад. Я не впустил тебя последние десять раз, когда ты просила письменно. Почему ты решила, что я передумал теперь?

— До меня дошли слухи, — ответила Белая Змея, ее глаза цвета Желтого моря — отражение его глаз — посмотрели на девочку на его коленях. — Видимо, верные.

Ён молчал. Он сидел и гладил волосы девочки, пока она играла со счетами. Его сестра не смогла долго это терпеть.

— Серьезно, брат? — прорычала она, его дочь вздрогнула. — Ты удочерил человека? Ты

не подумал, как от этого будешь выглядеть для остального мира?

— Остальной мир меня не волнует.

— А должен, — отчаянно сказала она, хотя он не знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, было это игрой или настоящими эмоциями. — Ён, брат, ты — единственный дракон в мире, который настаивает на правлении в одиночку. Все остальные кланы правят вместе, работают вместе, и не зря! Современная страна, большая, как Корея, слишком велика для одного дракона. Ты собрал смертных, но они не заменят настоящую семью. Тебе нужен тот, кто понимает, как ты думаешь, еще один дракон, который может помочь с бременем...

— Когда ты «помогала» мне в прошлый раз, меня ударили в спину, — напомнил он.

— Ты был слаб, — сказала его сестра, словно это все объясняло. — Ты сделал бы так со мной.

— Не сравнивай меня с собой.

— Но мы одинаковые, — сказала она, улыбнувшись красными губами. — Ты убил Отца, когда он был слабым.

— Я убил Отца, потому что он губил нашу территорию, — сухо ответил Ён. — А потом, когда я еще истекал кровью от своей победы, ты вонзила коготь в мою спину, попыталась забрать ее у меня, но я все еще победил, — он оскалился. — Это делает тебя предательницей и неудачницей.

— Это было тысячу лет назад, — отмахнулась Белая Змея. — Мы оба тогда были другими драконами, и ты не понимал, что я могу предложить.

Она закончила, убрала шелковую ткань с ближайшего подноса, принесенного ее людьми. Под шелком были десять одинаковых статуй свернувшегося дракона, каждая была примерно в фут высотой, покрытая металлом, который казался издалека золотом, но был чеканной бронзой. Ён это знал, потому что у него были такие статуи. Они были частью Тысячи Драконов, дани, которую заплатило его отцу древнее Корейское королевство Когурё, чтобы дракон не сжигал их поля. Он все равно сделал это, потому что его отец не понимал, как сдерживаться, потому что Ён убил его. Зачем править землей, если сжигаешь ее? Но он сохранил хорошо сделанные статуи. Они были разбросаны в хаосе после смерти его отца, но он смог найти почти все за века с тех пор. Как бы он ни искал, он не смог завершить сбор. Теперь он видел, почему.

— Ты их забрала, — прорычал он.

— Мне нужно было что-то взять, — возмутилась его сестра. — Ты забрал остальное. Но смотри, — она убрала шелк с оставшихся трех подносов. — У меня тут последние сорок, все такие же идеальные, как в ночь, когда я украли их из сокровищницы отца. Это должно завершить твою коллекцию. Я знаю, как тебе это нравится, потому что понимаю тебя так, как ни один смертный не может.

— Ты понимаешь только шанс, — сказал Ён, отводя взгляд от сияющих статуй. — Думаешь, меня победить безделушками?

— А разве нет? — Белая Змея кивнула на стены в сокровищах. — Ты ценишь свои безделушки.

— Не выше своей жизни, — рявкнул Ён, потеряв терпение. — Ты честно думала, что это сработает? Ты не вернешься. Я убил отца и забрал его землю, чтобы не сталкиваться с такими существами, как ты. Я работал без устали тысячу лет, чтобы построить королевство, где я — единственный дракон, из-за которого нужно переживать. Зачем мне портить это счастье такой отравой, как ты?

— Потому что я нужна тебе, — Белая Змея смотрела ему в глаза. — Мир — это не только Корея. Клань драконов меняются. Бетезда Хартстрайкер размножается с поразжающей скоростью. Все те юные драконы жаждут земель, и они не могут сделать больше земель. Если они решат напасть, ты будешь один.

Ён оскалился.

— Думаешь, я боюсь щенков, которым всего сто лет?

— Угроза может быть любой, — возразила Белая Змея. — Мир полон новых врагов и новых фронтов, ты не справишься со всем сам. Я не равна тебе по силе или огню, но я годами в изгнании завоевывала место при дворе Циляня в Китае, построила связи с несколькими главными европейскими кланами. Я знаю нынешнюю политику, что они затевают. Я могу помочь.

— Бред, — Ён посмотрел на нее свысока. — Помочь ты можешь только себе.

— Но я...

— Хватит, — он встал. — Аудиенция завершена. Уходи с глаз долой и не возвращайся.

Его сестра с шипением вдохнула, как делала в юности. Да, потом последовал взрыв.

— Думаешь, ты справишься без меня? — взревела она. — Ты даже не знаешь, что они говорят! Остальные клань думают, что ты безумен, живешь тут один с бесконечными коллекциями и сотнями смертных. Я защищала тебя, потому что ты — моя плоть, но теперь я думаю, что они правы, — она указала на ребенка на его руках. — Посмотри на себя! Играешь с этим глупым и грязным мелким существом, словно она твоей крови. Только безумие может объяснить это. Она даже не милая.

Белая Змея нахально ухмыльнулась, ждала, что он обидится. Он не повелся на ее слова, и она попыталась снова:

— Где твоя гордость, Ён? — сказала она. — Ты не будешь ее защищать? Я думала, она — твой ребенок.

— Нечего защищать, — спокойно ответил Ён, глядя на замершую девочку. — Любой с глазами видит, что моя дочь — не красавица. Я знал это с ее рождения. Потому я назвал ее Опал, — он провел пальцем по неудачной челюсти девочки. — Ей это подходит: она — милый камешек, который мало стоит. Она не будет алмазом или жемчугом, чем-то редким и красивым, но я храню ее, как любое другое сокровище у себя: потому что она приносит мне радость, — его губы изогнулись в улыбке, он собрал немного тыквы с пухлой щеки девочки, ее глаза были огромными. — Она — мой громкий, неуклюжий и неумелый щенок, и я ценю ее короткую жизнь в тысячу раз больше твоей.

— Тогда ты бредишь, — презрительно сказала Белая Змея. — Смертные — для любования и пожирания. Они не заменяют семью. Подумай о своей гордости, Ён! Если продолжишь это безумие, будешь посмешищем мира. Другие будут звать тебя жалким и мягким, печальным старым драконом, заполняющим пустоту питомцами, и они будут правы. Но так не должно быть. Я могу тебе помочь, — она прижала ладони к груди. — Возьми меня обратно. Признай меня своим кланом, и я скажу всему миру, что ты не сошел с ума. Я...

— Нет, — холодно сказал Ён, выпрямился во весь рост, чтобы смотреть на нее свысока должным образом. — Ты много возомнила, змейка. Мы связаны кровью, но ты — не моя семья. Ты — предатель-червь, стоящий для меня не больше грязи, в которой ты ползаешь. Я еще не убил тебя за трату моего времени только из-за того, что не хочу, чтобы моя дочь видела такое. Прими жизнь, которую я пощадил, с честью и уйди. Я устал от тебя.

— Ты не можешь лишить меня того, что мое по праву рождения! — закричала Белая

Змея, ее милое лицо стало страшным от гнева. — Я — тоже дракон Кореи! Это мои земли, как...

Ён выдохнул дым, и магия ударила по комнате, словно щелкнула пасть. Девочка на его коленях вскрикнула от ощущения, но он ограждал ее. Белая Змея не была так защищена. Она упала на колени, задыхаясь, магия Ёна кусала ее. Он дал ей мучиться минуту, чтобы она ощутила разницу в силе костями, поняла на зверином уровне истинную разницу между такой, как она, и таким, как он. Только тогда он заговорил, голос гудел в здании, в земле, которую он выиграл кровью и огнем.

— Я — Дракон Кори, — сказал он, дым срывался с его губ с каждым словом. — Я заслужил это имя, убив нашего отца и забрав его огонь, но ты не заслужила ничего. Ты не сделала ничего достойного имени дракона, и потому ты ничего не получишь. Ты жива и можешь доставлять мне неудобства только по моей щедрости, так что лучше уползай с глаз долой, пока я не передумал.

Когда он закончил, магия в комнате была густой и острой, как лес ножей. Его сестра держалась еще пять секунд, а потом повернулась и убежала в двери, как крыса. Ён даже не знал, как быстро она ушла, пока его дочь не развернулась, озираясь в смятении, в его руках. Бедные смертные глаза не смогли уследить за побегом испуганной драконши.

— Куда она делась?

— Она убежала, — Ён забрал счеты из ее пальцев, покрытых тыквой. — Слабые всегда убегают. Это отделяет их от нас.

— Потому что мы — драконы, — гордо сказала девочка.

— Нет, ты — собачка, — Ён взял ее на руки и встал. — Я — дракон.

Девочка надулась.

— Но я тоже хочу быть драконом. Как я могу быть твоей дочерью, если я не дракон?

— Потому, что ты не дракон, ты можешь быть моей дочерью, — сказал он, возвращая счеты на полку. — Драконы — коварные, гадкие, жадные существа, которые видят в каждой слабости шанс для атаки. У них нет верности семье или чему-то еще, кроме себя. Каждый дракон, управляющий кланом, попал на свое место, убив того, кто был над ними. Я правлю Кореей, потому что убил отца и забрал его власть. Если бы ты была моей настоящей дочерью, я постоянно переживал бы, что ты сделаешь так со мной, но ты не такая. Ты — человек, и я могу свободно ценить тебя.

— Но ты сказал, что я — собачка, — расстроилась она. — Я даже не могу правильно колдовать.

— Это правда, — ее отец нес ее из тронного зала. — Ты — глупый щенок, который никогда не будет тем, что мне обещали. Но, несмотря на многие твои изъяны, ты все еще моя Опал, а я забочусь о своем.

Его дочь все еще была встревожена.

— Всегда?

— Вечно, — пообещал дракон, целуя ее в лоб, неся свое величайшее сокровище в свое логово.

Глава 1

СЗД, настоящее время

Полтора года я работала почти всегда в Подземелье, и подняться на Небесные пути было как попасть в другой мир. Чище, с лучшим запахом, зелеными листьями на деревьях, ухоженными тротуарами и ярко-синим небом, где было так много белых следов от самолетов, что оно выглядело как когтеточка.

— Ах-х-х, — голос Сибил застонал в наушнике, она удаленно управляла дешевым арендованным грузовиком, едущим за машиной Ника. — Приятно вернуться в цивилизацию. Тут поразительный Wi-Fi!

— Иначе быть не должно с их-то запросами, — буркнула я, вытащила телефон, чтобы переключить нас с премиум-интернета Небесных путей на тот, что был медленнее и раздражал рекламой, но оставался бесплатным.

— Тут твое старое излюбленное место, да? — спросил Ник рядом со мной, склоняясь, чтобы выглянуть из наклонного лобового стекла машины на причудливо старинные кирпичные здания, которые кто-то сделал старше, чем могли быть здания сверху. — Я узнаю его по фото на твоей полке.

Я рассмеялась.

— Это немного жутко, но да, тут я жила, когда училась. Главный кампус ИМИ в пяти улицах туда.

Я указала на бульвар, обрамленный деревьями и удобный для пешеходов, который не выглядел бы как находящийся на посту в восьмидесяти футах над землей, если бы порой не попадались лестницы, ведущие вниз. Все было продумано. Это была Дорога Колледжа — ДоКо по словам разработчиков, которые выкупили место у города — и ее продумали от земли до вершины, чтобы она выглядела как райский район, мечта для богатых детей, учащихся в Институте магических искусств. Все тут было причудливым и подходящим для социальных сетей, включая искусственно состаренную рекламу, нарисованную на кирпичных стенах.

Цена жизни в том, что было, по сути, тематическим парком студентов, была нелепой. Я не помнила точно, сколько Хейди брала за мою половину нашей двухкомнатной квартиры, но была уверена, что этого хватило бы мне теперь на год. Я могла бы, наверное, купить еды на неделю за то, что тратила каждый день на вычурные кофейные напитки.

Но, хоть было страшно вспоминать, сколько денег я выбросила, живя тут, моя старая расточительная жизнь сегодня пригодилась. Магазин магических предметов, где я часто бывала студенткой, появился утром на аукционе Уборщиков. Это был типичный бутик в нише в стене, дорогой, где много товаров массового производства запаковывали в бечевку и

коричневый картон, чтобы продать как «ручную работу», повысив цену на тысячу процентов, богатым детям, которые плохо в этом разбирались. Я не удивилась, что он закрылся, но на фотографиях место было таким, как я помнила. Я не знала, почему владелец бросил магазин, все еще полный товаров, но я хотела его. Модно или нет, магические товары всегда продавались.

По крайней мере, так я думала. Ник был убежден, потому что сделал ставку без возражений. Мы выиграли место за десять тысяч, что было не так много по стандартам нормального аукциона, но много для меня. Я была напарницей Ника всего неделю и еще привыкала к суммам, с которыми он работал. Моя нервозность была печальной, ведь я бы не моргнула от десяти тысяч за хорошую квартиру полгода назад, но это было до того, как папа проклял меня на жизнь ходячей черной дыры для выгоды.

Нынче я не могла добыть даже доллар из квартиры, так что приобрести дорогое место было серьезным делом. Если бы я не была так уверена, что мы все отобьем и заработаем еще, я бы паниковала, но это была самая безопасная ставка с тех пор, как мы стали ходить на аукционы командой, а не соперниками. В СЗД жило больше всего магов в мире. Если мы не могли распродать запасы магазина из мела для колдовства и зачарованной ленты за больше, чем десять тысяч долларов, мы не заслуживали работать Уборщиками.

— Должно быть за тем углом, — я указала в свое открытое окно. — Там винный бар, куда я ходила на чтение поэзии.

Ник фыркнул.

— Ты ходила на чтение поэзии?

— Поэзия — красивая, — возмутилась я. — И лучше всего ощущать это, когда ее читают, — и немного выпившим. И помогало то, что делал это талант мирового класса. ИМИ знал, что его студенты — и их богатые родители, что важнее — ожидали культурный опыт лучшего уровня, и они не жадничали и наняли нобелевского лауреата, чтобы он читал поэзию, пока мы пробовали редкие французские вина. Ах, простые были времена.

— Звучит изысканно, — сказал Ник без эмоций, и было сложно понять, шутил ли он. — Вот. Скажи своей ИИ остановить грузовик.

Я передала приказ Сибил, Ник повернул руль, выводя свою черную спортивную машину из утреннего потока на шоссе Небесного пути. Места для такого маневра у грузовика не было, из-за дворика, который устроило кафе по соседству, и я сказала Сибил провести машину в объезд, пока мы ехали проверять нашу покупку.

Магазин, который мы выиграли, был в дальнем конце переулочка возле решетки, которая скрывала урны здания. Кафе и другие магазины выходили на главную улицу за нами, и там было много людей, как и ожидалось в красивое утро субботы, но эти люди не ходили сюда, и потому магазин магии закрылся. Было сложно содержать магазин без постоянного потока покупателей.

Это было хорошо для нас. Уборка всегда была проще, когда не нужно было объяснять любопытным зевакам, что ты делал. Поразительно, как много людей в СЗД не знали о существовании Уборщиков. Из-за моей работы вызывали копов больше раз, чем я могла сосчитать. В таком хорошем районе они могли вызвать копов. К счастью, никому тут не было дела до нас. Мы с Ником вытащили из багажника его машины ящики вещей для Уборки, прошли к двери магазина. Я надеялась, что внутри будет хороший улов.

Выглядело многообещающе. Как на фотографии, которую Брокер показывал на аукционе утром, я видела полки, полные товаров, за стеклянной дверью магазина. Там были

тысячи вещей. Ник тоже воодушевился, потому что уже выгащил свою Отмычку. Он потянулся к ручке двери, но я схватила его запястье.

— Постой! — сказала я. — Ты себя не объявил!

— И не нужно, — ответил он, кивнув на стеклянную дверь. — Я вижу, что внутри.

— Это не значит, что люди не могут прятаться дальше, — нервно возразила я. — Мы все еще не знаем, почему прошлый владелец бросил магазин, полный вещей. Он может ждать за стеллажом с пистолетом.

Ник точно думал, что это было глупостью, но ему не нужно было переживать, как мне. У него была кибернетическая рука и пуленепробиваемые металлические пластины на половине тела, и он был в бронированной черной кожаной куртке, хотя тут было жарко. Я же была одета по погоде, в шорты и футболку. Я даже была без пончо, что было глупо, ведь мы собирались войти в магазин мага. Там точно были гадкие чары против нарушителей, хоть мы делали это по закону, но я не смогла заставить себя надеть пончо в августе. И я не хотела носить его, потому что было больно активировать чары.

Я несколько дней назад ударила ревущей магией Узлов по лицу Коффмана, и мышцы колдовства еще болели от этого. Я могла двигать магию, если сильно нужно было, но даже маленькие чары были как пытаться шагать с подвернутой ногой. Я не могла позволить поход к врачу, но все, что я читала в интернете, говорило, что магия исцелится, если оставить ее в покое, и я старалась как можно меньше колдовать. Это могло казаться слабостью, ведь работа требовала много магии, но работа с напарником имела много плюсов, которые я не ожидала. Ник умел поднимать почти все и выбивать двери без помощи магии, это было большим плюсом, когда колдовать не удавалось.

Но, хоть его способность останавливать пули была плюсом, броня Ника не поможет против злого владельца магазина с быстрым магическим кругом. Для этого требовалась осторожность, и я отодвинула его мягко в сторону, опустила очки на лицо, чтобы лучше видеть магазин внутри. Сканер Сибил не нашел ловушки, ждущие нас, и я отошла, чтобы в камере было видно адрес магазина.

— Готова, когда готова ты, Сибил.

— Я всегда готова, — гордо сказала моя ИИ, красный огонек записи появился в углу зрения с дополненной реальностью. — Это видеожурнал для здания 4733 коммерческого района Дороги Колледжа, Свободная зона Детройта, Небесные пути, Блок 74, чек #145443. Имена Уборщиков: Никола Кос и Опал Ён Э. Подтверждаете?

Я перевернула камеру как для селфи.

— Это Опал Ён Э, и я подтверждаю, — я улыбнулась своему изображению и повернула камеру к Нику, он многострадально вздохнул.

— Это нужно делать каждый раз? Никто в офисе Уборки это не проверяет.

Я приподняла очки, чтобы он видел мой недовольный взгляд, и он снова вздохнул.

— Это Никола Кос, и я подтверждаю.

Одобрительно кивая, я повернула камеру к двери.

— Продолжаю с уведомлением обитателя.

Обычно тут я стучала и представлялась, но Ник опередил меня.

— Уборщик! — закричал он, ударил по стеклу так, что я боялась, что оно разобьется. —

Вы просрочили плату за аренду, Собиратели не смогли с вами связаться и так далее. Мы купили ваше место на аукционе этим утром, так что мы заходим. Кричите, если вы против, потому что стрельба по нам плохо для вас закончится.

— Вот так профессионал, — проворчала Сибил.

— Меня устраивает, — сказала я, поднимая очки на голове, а Ник вставил Отмычку в замок. — Ответа не было. Продолжаем без ответа. Осторожнее с чарами!

Последнее было для Ника, но он уже открыл дверь. Я скривилась, а он шагнул внутрь. Я приготовила ноющую магию к тому, что могло произойти. Даже если чары охраны не работали, это была комната, полная магических товаров. Там должна быть хотя бы шоковая волна, но я ничего не ощущала. Воздух вылетел изнутри, и он ощущался не так волшебным, как воздух снаружи. Он ужасно вонял.

— Фу! — я закрыла лицо ладонью. — Что это? Воняет как гнилые хот-доги.

— Запах густой, — отметил Ник со стойкостью опытного Уборщика.

Я сама была опытной, но не хотела мучить нос без необходимости. Я вытащила из сумки ребризер, за три секунды прицепила его к лицу, затянула ремешок так, что придавила щеки.

— Что-то умерло? — нервно спросила я, помня последнюю вонючую квартиру.

Ник нахмурился.

— Возможно. Запах не как от умерших зверей. И ничто не выглядит потрепанным.

Точно. Звери, которые застревали внутри квартир, обычно рвали все на клочки, а потом умирали и наполняли место вонью, но, как было видно и снаружи, магазин выглядел отлично. Аккуратно, даже без пыли. Если бы я не знала лучше, я сказала бы, что место закрылось на ночь, а не на два месяца. Только запах намекал, что что-то было не так. А еще то, что в магазине не ощущалось ни капли магии.

Это начинало меня пугать. Даже после месяцев на полках магические товары, собранные вместе, должны были дрожать как камертон. Гул был обычно в магических магазинах, но, хоть тут было полно товаров, я ничего не чувствовала. Может, моя магия чудила, но я могла поклясться, что место было мертвым.

Растерянная и взволнованная, я полезла в корзинку у двери, чтобы взять один из ярких пакетиков с надписью «Натуральный усилитель чар из пера химеры». Моя ладонь не успела забраться глубоко в емкость с запечатанными якобы волшебными перьями, мои пальцы задела что-то мягкое и извивающееся.

Я отдернула руку с воплем, громким и резким, Ник вытащил пистолет.

— Что? — осведомился он.

Я не могла ответить. Я была занята, проверяя корзинку, чтобы узнать, что я задела. Наверное, это была крыса. Я надеялась, что это была обычная крыса, а не магический вариант, ведь я не была готова разбираться сегодня с ожогами третьей степени. Но, хоть я знала, что ощущала, я не видела в корзинке ничего, кроме пачек с перьями. На них даже не было пыли. Все было чистым. Корзинка, полки и пол были без пятен. Грязи не было, как и шерсти или крысиного помета, или чего-то, что ожидал в месте, которое было заперто восемь недель и воняло как канализация.

Желудок сжался, я опустила очки на глаза.

— Сибил, — тихо сказала я, подпирая дверь магазина ногой на случай, если придется быстро бежать. — Включи тепловое видение.

Вид за очками замерцал, моя ИИ слушалась, добавила поверх камер снимок с моего термографического фильтра. Да, теперь я видела тепло, кроме света, и видела, что слишком чистый магазин вовсе не был чистым. Все поверхности были покрыты тысячами продолговатых силуэтов, которые выделялись желто-красным среди голубого фона. Они

были и в корзинке, куда я полезла, шевелились массой, похожей на кадр из фильма ужасов.

Громко ругаясь, я полезла в сумку за перчатками из резины и стальной сетки, которые нужно было надеть с самого начала. Я полезла в корзинку с защищенными руками, сжала одну из больших сияющих штуковин. Она была длиной почти с мою ладонь, и, когда я вытащила ее из кучи, она напоминала слизняка, мягкого, как презерватив, наполненный желе. Оно дико извивалось, но, хоть казалось красно-лиловой сосиской на прохладной резине перчатки в моем термографическом зрении, я ничего не видела нормальными камерами. Оно не издавало звуков. Точнее, я те звуки не слышала. Судя по тому, как оно металось, оно кричало изо всех сил, хоть я не видела, где была голова. Будучи смертной, я не могла уловить его вопли. Я не видела и след жижи, когда подняла очки на волосы, хотя знала, что смотрела на него.

— Что происходит? — спросил Ник, подойдя и глядя на мою пустую ладонь.

— Последнее, что нам нужно, — буркнула я, разжала кулак, чтобы беззвучно кричащее существо упало в кучу собратьев. — Все это место заражено слизнями снов.

— Заражено чем?

— Слизни снов, — яростно повторила я. — Полуреальные стервятники, которые питаются остатками магии.

— Ладно, — медленно сказал Ник, поднимая пистолет. — Скажи еще раз, но чтобы я понял.

— Это как термиты, — объяснила я. — Но они невидимые и пожирают магию.

Ник встревожился от последней части.

— Они опасные?

— Не для живых, — я покачала головой. — Это стервятники, которые едят остатки маны в трупах, обычно, волшебных зверей, потому что это место ощущается таким мертвым. Маленькие гады все съели!

Теперь Ник растерялся.

— Но полки еще полные.

— Они не съели предметы, — объяснила я. — Только магию в них. Смотри.

Я сбила слизней и схватила коробку мела для колдовства.

— Все вещи, которые продают в таких магазинах, имеют в себе каплю магии. Этого мало, чтобы напитать заклинание, но это ведет себя как помощь при колдовстве. Конечно, такая помощь не нужна. Технически круг или заклинание можно нарисовать чем угодно, но маркеры и мел с каплей магии внутри помогают силе остаться в пределах линий, когда ты призвал ее для заклинания. Так и с бумагой для заклинаний, лентами и прочим, что люди берут, чтобы колдовать было удобнее. Все это заряжено магией. Это делает вещи ценными, а эти комки слизи все съели! Им даже не нужно было ломать упаковку. Они просто сели на коробку и все выпили. И, раз они невидимые, мы не знали, что все было испорчено, когда делали ставку! Теперь мы потеряли десять тысяч из-за бесполезного магазина!

Я кричала под конец. Я знала, что звучала истерично, но не сдержалась. Мы с Ником покупали новую квартиру каждый день на этой неделе — две в среду — и мы еще не получили выгодную. Это место должно было стать джекпотом, но, похоже, стало самой крупной потерей. Мы даже не могли продать маркеры, лишённые магии, как нормальные, потому что они были покрыты жижей слизи. Потому тут так воняло. Слизни не просто ели магию из товаров. Они еще и оставляли за собой повсюду отходы, пока ели. Экскременты были невидимыми, как и те, кто их оставил, но теперь я знала, что искать, и ощущала на

полках и полу вязкое месиво каждый раз, когда опускала ладонь. Все это место было провалом, но мы не могли его бросить, потому что все еще по контракту должны были очистить его, чтобы город мог сдать магазин кому-то другому. На очистку места могли уйти дни, чтобы СЗД это приняла. Дни, которые нам не оплатят. Я даже не могла посчитать, сколько это будет нам стоить.

И все было моей виной.

— Это не твоя вина, — резко сказал Ник, читая мысль на моем лице. — Мы оба видели фото и согласились сделать ставку. Ты не могла знать.

— Я злюсь не из-за этого, — мой голос был отчаянным. — Я не виню себя за то, что не видела невидимых слизней, но ты знаешь, какие шансы найти заражение слизнями снов в СЗД?

— Нет, — сказал Ник. — Но я даже не знал о слизнях до того, как ты рассказала, значит, низкие.

— Нулевые! — закричала я. — Они тут не живут! Они обитают в Африке к югу от Сахары. Я знаю о них, потому что смотрела много программ про загадочных созданий природы в детстве. Тут не должно быть слизней снов, но целая колония как-то оказалась в магазине, который мы купили.

Я хотела сжать его руку, но вспомнила, что на мне были перчатки в невидимой жиже.

— Не видишь? — я сжала грязные ладони в кулаки. — Это мое проклятие! Магия папы не может теперь портить все прямо, ведь покупки совершаешь ты, так что она нашла новые способы мешать мне заработать. Это все моя вина!

— Это глупости, — отмахнулся Ник. — Мы купили этот магазин утром. Слизни были тут неделями. Как проклятие могло подстроить это?

— Так же, как заставляло меня покупать плохие квартиры последние полгода, — недовольно ответила я. — Я не знаю, как это работает! Папа не учил меня тонкостям магии драконов, потому что я не его дочь, вылупившаяся из яйца, но ты знаешь, как и я, что что-то происходит. Мы — опытные Уборщики, и мы работали всю неделю, но все еще не получили выгоды. Теперь мы спустили десять тысяч зря!

Ник пожал плечами.

— Уборка — бизнес с взлетами и падениями.

— Не такими!

— Не все неудачи от магии, — упрямо сказал он. — Я понимаю, что ты проклята, но ты винишь во всем проклятие, узнав, что оно на тебе. Ты даже сказала, что от этого я пробил шину два дня назад.

— Это было проклятие! — завопила я. — Я видела шину, дыры не было. Ее спустило без причины, и так мы пропустили лучшую сделку ночи!

Я узнала позже, что ДеСантос планировал нанять меня и Ника помочь ему с камерами хранения. Нам платили бы за каждый час, но мы опоздали, и он дал работу кому-то другому. Звучало как очевидная работа проклятия, но, когда я сказала Нику, он стиснул зубы.

— Опал, все хорошо. Бывает плохое. Просто отпусти это.

Это не было хорошо, и я не собиралась просто отпустить. Я еще не говорила Нику, но в первую очередь, получив немного денег от него за продажу того, что мы смогли добыть — отнеся до этого Сибил к хакеру, чтобы он убрал слежку папы — я пошла снимать проклятие. Я попробовала двоих мастеров, но оба сказали одно: только драконы могли снять проклятия дракона.

Пожалуй, это было очевидно. Люди не видели, пока я не говорила им, что проклятие было там. Драконы его отлично видели, и это меня выделяло. Как Хартстрайкер, которая сообщила, что я была проклята, любой дракон, с которым я пересекалась, тут же знал, что я была под магией Ёна, и хоть многие драконы хотели бы задеть Дракона Кореи, освободив меня, я не хотела быть перед ними в долгу. Проклятие от папы было обидным делом, но он хотя бы не убил меня. Не было гарантий этого с другим драконом, особенно с тем, кому хватило бы смелости перечить моему отцу. Но если я не сниму проклятие, жизнь будет становиться только хуже.

— Сейчас не так плохо, — прошептала Сибил в наушнике. — Знаю, с Ником вышло не так, как ты хотела, но ты хотя бы перестала постоянно терять. Это уже лучше, чем ты справлялась сама.

— Скажи, когда мы узнаем, сколько эта работа будет нам стоить, — буркнула я.

— Ты просто ведешь себя пессимистично, — упрекнула меня ИИ. — Да, товары испорчены, но остальной магазин еще тут. Есть стеллажи, кассовый аппарат и прочие вещи. Ты можешь продать это, да?

Нет, если это было в фекалиях слизней.

Сибил цокнула от моего негатива, и это должно было разозлить меня, ведь я не сказала это вслух. Но я была слишком подавлена, чтобы переживать, что она читала мои мысли. Я опустилась на крыльце магазина, обдумывая это, но Ник сжал мое плечо и поднял меня.

— На это нет времени, — он сунул черный мусорный мешок мне в руки. — Это место — не полный провал. Еще может оказаться что-нибудь хорошее сзади. Может, сейф прошлого владельца.

Это было такой глупой надеждой, что я засмеялась.

— С каких пор ты — оптимист?

— Я не оптимист, — сказал Ник, снимая бронированную куртку и вешая ее на поручень у входа в магазин, где не было слизи. — Я реалист, и мы не можем ничего поделать с уже испорченными вещами. Лучше справиться тут как можно быстрее и взяться за следующую работу. Сейчас, — он указал на мой мешок. — Ты видишь слизней, так что ты их убираешь. Я займусь полками и кассовым аппаратом. Кто знает? Может, удастся что-нибудь спасти.

— Возможно, — сказала я, но не могла даже сыграть надежду. Я хотела расклеиться, но Ник был прав. Трата времени только усилит наши потери и даст папе победить, так что я заставила себя идти за Ником в магазин, фыркая в ребризер, чтобы запах гнили не проник в нос. Я стала хватить с пола склизких слизней и запихивать их в мусорный мешок, упрямо говоря себе с каждым комком слизи, что дальше будет лучше.

* * *

Сюрприз, лучше не стало.

После последнего полугодия я могла бы привыкнуть к поражениям, но сегодня было новое дно по моим стандартам. И дело было не в уборке гадких комков жижи, которые дико извивались и ужасно воняли. Просто я поднимала их с красиво сделанных коробок с ярлыками, где значилось «Оригинальная вода каппы» и «Недорогая Кричащая Мандрагора». От всего этого вычурного бреда хотелось кричать, потому что я была права. Это место могло стать кладом. Часть коробок, с которых я снимала слизней, была с ценниками в тысячах, но тупые слизи их высосали. Теперь все чудо-товары были просто тяжелым мусором, воняющим смертью, но слизи были настоящим оскорблением.

Можно подумать, было просто собирать нечто без глаз, не движущееся, но это было

ошибкой. Даже с тепловым зрением, помогающим видеть их, ловить слизней снов было отвратительной работой. Как бы старательно я ни убирала их в мешок, они находили способ выбраться. Я поймала одного, протискивающегося сквозь мешок, и от этого я задумалась, как слизи вообще тут оказались. Или они не были тут заперты? Может, они остались поесть.

Как бы там ни было, я час собирала их. Я собиралась выбросить их в урну в здании, но после их попыток побега бросать их в открытый бак казалось приглашением вернуться. И они воняли. Я не хотела быть рядом даже с ребризером, так что я обошла здание и выбросила все мешки в мусоропровод. Надеялась, что их сожгут, но меня устраивало и то, что я их не видела. Как только я выбросила последний мешок в дыру, я стряхнула слизь с перчаток, как могла, и пошла проверять прогресс Ника.

Как обычно, он сделал больше меня. Пока я почти ползала по полу, подбирая слизней, он выбросил все испорченные товары и снял всю рекламу с магазина в переулке. Как и ожидалось от заведения высокого класса, полки были милыми: большие плиты красивого прочного дерева, соединенные без гвоздей. На боках стеллажей даже были вырезаны чары, чтобы продлить жизнь магических материалов. Мебель была хорошего качества. В обычных обстоятельствах за стеллажи мы отбили бы цену всей работы тут, но обстоятельства не были нормальными. Это была моя жизнь. Судя по лицу Ника, проклятие папы еще держалось.

— Они — фигня, — недовольно сказал он, опустив ладонь в перчатке на сияющее дерево. — Серьезно. Выглядят хорошо, но на них жижа невидимых слизней, и кто знает, что еще. Я потер одну полку, обработал, чтобы проверить, можно ли спасти, но грязь впиталась в дерево. Видишь?

Я сняла перчатку и провела ладонью по месту, по которому он стучал, а потом отдернула ее с гримасой. Он был прав. Дерево выглядело хорошо, но ощущалось как жирный брезент, а пахло еще хуже. Запах был таким сильным, что я ощущала его на языке за ребризером. От этого глаза слезились, хотя это могли быть слезы возмущения. Полки были последним шансом превратить эту работу в доход, а они были испорчены сильнее, чем товары.

— Хоть что-то удалось спасти? — спросила я, стараясь не расклеиваться.

— Я нашел диван в комнате сзади, — сказал он, кивнув на переулок, где Сибил смогла втиснуть наш арендованный грузовик.

Я взбодрилась. Диваны были хорошим делом. Я могла продать диван. Но, добравшись до грузовика, я поняла, почему Ник не был воодушевлен. Диван был гадкого оттенка оранжевого. Я заметила во время чистки, что слизней не было в крохотной комнате сзади, наверное, потому что там не было ничего магического, так что диван не вонял. Это делало его лучше всего, что мы нашли, но подушки были протертыми и уродливыми. Теперь я была ближе и видела, что гадкий оранжевый был покрыт не менее ужасным узором крохотных искаженных птиц. Или это были листья? Не удавалось сказать.

— Как думаешь, сколько это стоит? — спросил Ник, подойдя ко мне.

Я вздохнула.

— Если покупатель слепой? — я толкнула диван. — Основа крепкая, но никто с глазами не выберет эту ткань.

— Мы можем его улучшить?

— Нет, если хотим получить доход, — но было обидно просто выбрасывать его. Если проигнорировать, что от него кровь текла из глаз, диван был идеально рабочим. Хорошей

длины, довольно мягкий, ножки в хорошем состоянии. Он был намного лучше моего дивана, который все еще лежал кучек обломков в гостиной, благодаря бандитам Коффмана.

— Можно его забрать? — спросила я у Ника. — Мы не можем его продать, а у меня сейчас с мебелью беда.

— Бери, — сказал Ник. — Мы платим за грузовик, полный он или нет. Можно его и использовать, а урна тут и без того будет полной.

Это было правдой.

— Теперь возьмемся за настоящую уборку?

Ник кивнул и отвернулся.

— Полы твои.

Я застонала, следуя за ним к нашим коробкам вещей для уборки. Это была не гламурная сторона работы. Как только вытащил все хорошее из квартиры, ее нельзя было просто бросить. Ее нужно было сделать пригодной для жизни, чтобы СЗД могла сдать ее новому жителю. Потому нас звали «Уборщиками», а не «Грабителями». Уборка была частью процесса, это никак нельзя было обойти.

СЗД была с удивительно строгими стандартами насчет квартир для такого грязного города. Квартиры должны быть без пятен, чтобы она приняла их, и ты не знал, получилось ли все правильно, до конца месяца. Когда мы покупали квартиру на аукционе, она становилась нашей ответственностью. Если мы не убирали ее так, как нравилось СЗД, она требовала заплатить за нее на следующий месяц, и она продолжала так делать, пока не делал все правильно. Все Уборщики боялись, что придется платить аренду за эти квартиры, потому мы драили их от пола до потолка. Я была ниже в нашей команде, так что получала пол.

Работа хотя бы не требовала хитрости. Я просто схватила швабру и ведро из рук Ника, включила музыку громко и стала нападать на засохшую грязь от слизней. Пока я стирала невидимые фекалии с пола и стен, Ник бросал испорченные стеллажи в урну у здания, поднимал тяжелые сооружения из дерева искусственной рукой, словно они ничего не весили.

Я при этом держалась ближе к двери. Я не признавалась, но это была моя любимая часть работы с Ником. Смотреть, как он поднимает тяжести, было очень приятно, особенно в дни, когда он снимал куртку.

Можно подумать, что это было жутко, ведь его куртка прятала искусственные части, но, что иронично, когда я видела, как металл двигался под его черной футболкой, он казался мне человеком больше, а не меньше. Думаю, это было из-за того, что я традиционно связывала такую силу с драконами, и киберчасти Ника на виду напоминали, что он был не из таких. Или я просто любовалась его грудью. Так или иначе, я не хотела пропускать шоу. Конечно, я не давала ему поймать меня. Для этого были камеры. Но любование его движениями было ценным плюсом этого гадкого дня.

Близился вечер, мы оба были в отвратительном состоянии, но я поняла, как в магазине оказались слизи. Пока я терла полы, Сибил нашла папку электронных чеков в местной ИИ. Оказалось, прошлый владелец пытался в прошлом году попасть в тренд невидимых питомцев и купил задешево слизней снов. Слишком дешево, как оказалось. Когда заказ прибыл, тренд прошел, и он остался с кучей червей, которых не мог продать. Хуже, слизи снов дико размножились в пути из-за моря, и — как я обнаружила сама — было почти невозможно удержать их в одном месте, так что они сбегали и стали есть его товары. Понимая, что его бизнес рухнул, владелец магазина покинул город, не оплатив аренду. Через месяц

Собиратели забрали магазин, а остальное было историей. Классической историей СЗД о безответственности, жадности и, как всегда, тех, кто оставался убирать бардак. С моей удачей это оказались мы.

— Думаю, это последние, — сказал Ник, бросая последнюю мокрую коробку использованного инвентаря на уже высокую кучу в урне.

Я утомленно кивнула, глядя вяло на гору мусора.

— Хоть что-то попало в грузовик?

— Кроме дивана? Ничего, — сказал Ник, стараясь не звучать разочарованно.

Я опустила на крыльцо магазина. Отлично. Мы не только потратили десять тысяч долларов на уборку чужого магазина, но и я потратила один из четырех дней в месяц, когда можно было взять грузовик в службе аренды машин. Эта потеря была меньшей из всего, но удары по одному и тому же месту довели меня.

— Прости, — я уткнулась лицом в ладони в перчатках. Мне было плевать, что они были в слизи. Все было в слизи. В том и дело. — Это все моя вина.

— Не твоя, — сказал Ник, хотя в этот раз не так уверенно. — И это уже закончилось.

Это было правдой. Уборка магазина заняла не так много времени, как я боялась, но все равно было слишком. Мы прибыли сюда в семь утра. Теперь было почти пять вечера. Весь день работы прошел зря, и хоть он был худшим из всех, что были, другие были не лучше. Осталось три недели до очередной платы отцу. Если все будут такими, можно было уже сдаваться. Так Нику не придется страдать еще двадцать один день.

Наверное, я выглядел жалко, потому что Ник вздохнул и спустился с крыльца к машине. Я услышала щелчок его багажника, а потом он подошел ко мне и опустил что-то мягкое на мои волосы. Я подняла взгляд и увидела полотенце, дешевое, какое продавали стопками в магазинах. Он взял одно и себе. Белая ткань висела на его шее, и он выглядел как боксер после победного боя. Я была уверена, что выглядела не так роскошно, но была рада полотенцу.

— Спасибо, — шепнула я, сняла ребризер и очки, чтобы оттереть пот и жижу с лица и шеи.

— Не за что. — Ник опустил на ступеньку рядом со мной. После долгого утомленного молчания он сказал. — Завтра будет лучше.

— А если нет? — прошептала я, прижимая лицом к грубой тонкой ткани полотенца. — А если мы будем погружаться все ниже и ниже...

— Вечно тонуть не выйдет.

— Потому что разбиваешься об дно, — отметила я.

Ник долго молчал, а я смотрела на полотенце, надеясь, что он не собирался сделать очевидный вывод, которого я пыталась избегать весь день.

— Послушай, Опал...

Блин.

— Я думал, — продолжил он, глядя на вечернее солнце, щурясь от лучей, падающих между зданиями. — День был плохим. Может, нам стоит...

— Перестать быть напарниками? — я опередила его.

Ник удивленно оглянулся, и это удивило и меня. Я думала, что торопила события, но я не так поняла ситуацию, потому что Ник был в ярости.

— Я собирался сказать «поужинать», — рявкнул он, хмуро глядя на меня. — С чего ты взяла, что я хочу перестать работать с тобой?

— Не знаю. Может, потому что ты потерял из-за меня десять тысяч, а весь день был потрачен на жижу слизней? — ответила я. — Это очевидно.

— Это не очевидно, — недовольно сказал он. — Ты этого не делала!

— Перестань, — взмолилась я. — Это не просто возмущения, ясно? Я проклята неудачей.

— Это не твоя вина. Это сделал с тобой отец. Он виноват, а не ты.

Это было правдой. Но ничего не меняло.

— Я все еще ходячая катастрофа, — напомнила я. — Я не называю это изъяном личности. Просто я не обижусь, если ты не захочешь быть ко мне привязанным, — просто будет больно. Очень больно, потому что было приятно не заниматься всем одной. Я даже не понимала, как одиноко было, пока он не проник в мою жизнь, но теперь он был тут, я не знала, как вернуться к одиночеству. Я не собиралась удерживать Ника. Я хотела поступить правильно, отпустить его, так что удивилась, когда он обернулся и склонился к моему лицу.

— Я не привязан, — рявкнул он. — Это была моя идея, помнишь? Я тебя не брошу.

— Ты меня не бросаешь, — я пыталась быть логичной. — Мы договорились, когда ты думал, что я еще могу зарабатывать, но это не работает. Я ценю твои попытки помочь. Правда. Но это проклятие сильнее, чем я думала. Это моя вина. Я недооценила магию папы но тебе не нужно страдать в моем урагане неудач.

— Ты — не неудачница, — упрямо сказал Ник. — Я не стал бы покупать этот магазин, если бы ты не подсказала, и ты была права. Если бы не слизни, мы получили бы джекпот тут.

— Но из-за меня...

— Нельзя винить себя во всем плохом и забывать о хорошем, — упрямо сказал он. — Сегодня было плохо, да, но так не будет каждый день. Ты была проклята уже пять месяцев, да? Все твои квартиры были такими плохими?

Это была худшая из всех, что я Убрала, включая ту, где был труп, так что пришлось покачать головой.

— Вот именно, — Ник кивнул. — То, что в этот раз нам не повезло, не означает, что так будет все время. Уборка — всегда взлеты и падения. Мы снова поднимемся, работая вместе, и разбогатеем.

Я прижалась лицом к полотенцу, чтобы скрыть улыбку. Кто бы знал, что от слов, что меня использовали из-за денег, я буду ощущать тепло, но было приятно хоть раз слышать, как кто-то верил меня. В старой жизни никто не верил, что я могу все. Родители ясно показывали, как их разочаровывали мои решения. Даже друзья, как Хейди, подшучивали, что я была катастрофой в магии. Даже я знала, что я была ужасна почти во всем, что не касалось знаний по истории или оценке сокровищ. Но Ник недовольно глядел на меня, словно злился, что я не понимала, как сильно мы собирались работать, как только будет шанс, и это было... приятно.

— Ты точно не оптимист?

— Ни капли, — серьезно сказал он. — Я реалист. Просто кажется ярким, потому что ты сейчас в негативе.

Я была в депрессии в последнее время. Но если узнаешь, что магия привлекает к тебе неудачи, теряешь силы. Я уже делала все, что могла, чтобы бороться. Может, Ник был прав. Может, не было смысла...

— Эй!

Мы оба вздрогнули. Крупный мужчина в переулке в одежде дворника выглядывал из

двери, хмуро сверлил нас взглядом.

— Это вы сбросили все те мусорные мешки в мусоропровод?

— А что? — Ник поднялся на ноги.

— Нельзя оставить это нам!

— Этот магазин — часть здания, — сказал Ник. — У нас есть право избавиться от вещей в нем, — он расправил плечи, поднял фальшивую правую ладонь, чтобы зацепить большой палец за ремешок на груди возле пистолета. Это была угроза, но я не возмущалась. Я не хотела снова двигать этот мусор.

— Обычный мусор, допустим, — мужчина отступил. — Но это бросать нельзя.

Он швырнул три мусорных мешка на брусчатку у ног Ника. Три извивающихся мешка.

— Я не знаю, что это, — сказал мужчина. — Но все магические материалы нужно обработать чарами перед избавлением. Постановление города!

Теперь разозлилась я.

— В СЗД нет постановлений!

— На Дороге Колледжа есть! — крикнул он. — Или Уборщики не проверяют соглашение аренды?

Все еще хмуро глядя на него, я схватила телефон и отправила Сибил проверить, был ли он прав. Я не слышала о правиле избавления от мусора, так что была уверена, что он пытался сбросить на нас свою работу. К моему удивлению, ИИ нашла кучу документов.

— Он прав, — сообщила она в наушнике. — Это особый район. СЗД дала разрешение частному разработчику десять лет назад, и, похоже, они ввели меры, чтобы «сохранить эстетику и ценность района Дороги Колледжа».

— Они так могут? — поразила я.

— В СЗД можно делать что угодно, если хватает денег, — ответила Сибил. — Технически, вы не можете загружать урны выше крышек.

Я не собиралась говорить дворнику об этом. Мы наполнили их до неба.

— Почему нам нужно слушаться этого? — упрямо спросил Ник. — Мы тут не живем. Мы — просто Уборщики. Если сама СЗД не появится, мы не должны делать ничего, кроме как превратить это место в подходящее для аренды.

Я кивала, когда Сибил произнесла два наименее любимых слова:

— Ну, вообще-то...

Я закатила глаза.

— Серьезно?

— Эй, вы выкупили законные права на имущество, когда выиграли аукцион, так что должны следовать мерам. Прости, Опал, но он прав.

Она сказала это мне в наушник, но мужчина, видимо, увидел правду по моему лицу, потому что широко улыбнулся, и я скривилась сильнее.

— Что вы от нас хотите?

— Просто зачаруйте это, чтобы зло не вытекло, и бросьте в урну на улице напротив, — мужчина пнул мешки слизней ко мне. — Не моя проблема, если это там, но я обращусь к властям, если оставите этих невидимых вонючих демонов на моей территории. Они ползали сквозь стены месяц!

Ему стоило тогда звать нас героями за то, что мы убирали их, но я смолчала. Вызов властей не звучал как угроза, но я жила у Дороги Колледжа. Все тут было богатым, готовым натравить на тебя армию адвокатов, как только дашь им шанс. Я как-то раз не заплатила за

парковку, а потом получила штраф в четыре тысячи долларов.

Я не могла получить штраф после неудачи сегодня, так что подошла, схватила мешки, задержав дыхание из-за запаха, и потащила их к урне у смежного здания, куда дворник указал их бросить.

— Что будешь делать? — спросил Ник, спеша за мной.

— Что он сказал, — ответила я, бросив мешки рядом с урной, которую мы еще не наполнили, а потом прошла к его машине, чтобы взять моток синей изоленды. — Я наложу на них чары и выброшу в урну.

— Можно зачаровать то, что ест магию?

— Без понятия, — призналась я, обматывая изолентой три мешка, чтобы соединить их ярко-синим кругом. — Я просто сделаю что-нибудь, чтобы было видно, что мы пытались.

Это было жестоко, учитывая, как эти слизни могли навредить, но мне было плевать, даже если слизни снов съедят весь район. Я собиралась сделать минимум, чтобы прикрыть нас, упор на минимум. Я даже не начала колдовать, а моя бедная магия уже болела, как воспаленная рана.

Я отвернулась от Ника, чтобы он не видел мою гримасу. Я не говорила ему о своей ране, потому что не хотела казаться слабой. К счастью, Ник мало знал о колдовстве, так что вряд ли понял сам, но он узнает, что что-то не так, если я начну стонать. Чтобы избежать этого, я выбрала самое маленькое заклинание: простые оковы, где в заклинании было меньше трех линий. Я не знала, хватит ли этого, чтобы сдержать слизней, но магия в чарах могла оставить их на одном месте, пока они будут ее есть, а потом за мусором приедет машина, и меня это устраивало.

— Ладно, — я дважды сверила заклинание с оригиналом, который показала Сибил. — Вперед.

— Тебе не стоит надеть пончо? — предложила Сибил. — Для безопасности? Ты не хочешь еще одну отдачу.

Я была плохим магом, но не могла ударить по себе от такого маленького заклинания. И, если бы я взяла пончо, пришлось бы активировать чары, а я не хотела колдовать так много. Одного уже было много, и я покачала головой и села на корточки, стараясь быть спиной к Нику, чтобы он не видел мою гримасу боли, пока я собирала магию из воздуха вокруг.

Как всегда после Узлов, лезть в себя было ужасно больно. Я словно пыталась зачерпнуть песок сломанной ладонью, и это было обидно, потому что хотя бы хватать магию я умела хорошо. Обычно сложно было не переполнить круги магией, а теперь я едва могла схватить щепотку. Я раздраженно надавила сильнее. От этого магия болела сильнее, но я хотела закончить с этим сегодня. Мне надоело быть тут, надоели тупые слизни. Я просто хотела домой, принять горячий душ, и я толкнула магию, стиснула зубы от боли, ведь нужно было...

Громкий хлопок раздался в ушах. Вдруг магия, которую я пыталась выжать, соединилась. Общей силы хватило, чтобы отбросить меня на асфальт, но пострадал мой круг. То я не могла подвинуть магию, а теперь двигала всю, и резкий прилив силы был слишком большим для круга из изоленды. Он порвался, как нить. За ним порвались и мешки, лопнули, как шарики, посылая горячие куски невидимых слизней во все стороны, в том числе и на меня.

— Фу! — завизжала я, безумно вытирая руками сварившуюся слизь, покрывшую меня с головы до пят. — Фу, фу, фу!

— Что это было? — закричал Ник.

— Я говорила надеть пончо! — закричала в это же время Сибил. — Вызвать медика?

Я замотала головой и схватила футболку, покрутила ее в поисках чистого места, чтобы вытереть слизь со рта, пока я случайно ее не съела. Ник подбежал с полотенцем через пару секунд. Я вытерла им лицо, ругая себя за глупость.

— Хочешь рассказать, что случилось? — спросил Ник, когда я перестала отплевываться.

— Нет, — мои ноги катились по брусчатке, скользкой, как каток, из-за слизи. — Тебя задело?

Ник покачал головой.

— Я прыгнул за машину, когда увидел взрыв.

Я снова вытерла лицо.

— Умный ход.

— Могло быть хуже, — бодро сказала Сибил. — У тебя мог быть открытым рот.

Меня чуть не стошнило от мысли. Хотя я не видела их, я ощущала куски слизи, покрывшие мою одежду и кожу теплым слоем, и запах гнилого свиного жира забрался в нос так, что его вряд ли удастся убрать. Радовало только то, что это не была тыква.

— Почему ты так плоха? — прошептала я на корейском, глядя на свои ладони. — Почему нельзя быть нормальной?

Я не знала, с кем говорила, с магией или собой. Но от этого лучше не стало.

— Что ж, — Ник помог мне встать, — теперь хотя бы не нужно переживать. Слизни мертвы, и бардак не видно, так что никто не узнает.

Это было не убедительно, но я была рада, что Ник не ругался, так что не стала спорить.

— Мы можем отправиться домой?

— Да, — сказал Ник. — Если только еще кто-нибудь не закричит на нас.

— Уйдем, пока это не произошло, — быстро сказала я, вытираясь как можно лучше.

Мы все собрали за десять минут. Диван был единственной вещью в грузовике, так что это было просто. Я сказала Сибил отправить его к моей квартире и забралась в машину Ника, перед этим накрыв сидение полотенцем, чтобы не испачкать все слизью. Ник сказал, что был готов терпеть меня, но я не хотела проверять его решимость, пачкая его красотку мертвыми слизнями. Он чистил машину каждое утро. Он уже недовольно смотрел на мою обувь, так что я разулась и замотала ботинки в мешок, а потом опустила их на заднее сидение.

— Итак, — сказал Ник, снимая сапоги Уборщика, под ними были черные боевые ботинки на шнурках. — Теперь ад закончился, хочешь поужинать к меня перед вечерним аукционом?

Я удивленно вскинула голову. Не от приглашения. Я уже несколько раз ела у Ника, и не только из-за бесплатной еды, хотя это было хорошо. Я ела у Ника, потому что он отказывался есть где-то еще. Он будто был императором, переживающим, что его отравят, потому он все готовил своими руками. Но, хоть я проголодалась после дня работы без перерыва на обед, пришлось покачать головой.

— Спасибо за предложение, но у меня уже есть планы на вечер.

— Какие?

— Веду Питера на ужин, — я все еще была в долгу перед жрецом за то, что мы сделали в морге, и я копила всю неделю, чтобы сводить его куда-то и загладить вину за ложь. И за то, что отправили его подставным звонком подальше. И за кражу у его бога. Один ужин не мог все покрыть, но я собиралась попытаться. — Я же говорила тебе вчера, помнишь?

— О, — Ник хмуро смотрел на руль, заводя двигатель.

Напряженный ответ заставил меня скривиться.

— Ты из-за чего-то злишься?

— Я не злюсь, — сказал Ник, потирая шею. — Просто устал. День был долгим.

Я снова скривилась. Мы оба знали, кто был виноват.

— Ты не обязан подвозить меня, если не хочешь, — сказала я. — Сибил уже отправила грузовик. Я могу сказать ей вернуть его и забрать меня...

— Я не дам тебе рисковать жизнью в этой коробке с рекламой, — буркнул он, оборачиваясь, сдавая назад. — Я отвезу тебя домой.

— Не стоит.

Он замотал головой.

— Ты еще должна мне за оплаченный долг на прошлой неделе. Как ты вернешь деньги, если умрешь, катаясь в пластиковой коробке, которую они зовут грузовиком, потому что это СЗД, и всем плевать?

Я не думала, что мой грузовик был таким плохим. Я использовала такие машины с начала Уборки, и хоть их нельзя было назвать безопасными, у меня не было проблем, которые вели бы к ранам. Но я не стала спорить, ведь победа означала, что придется ехать, держась за подпрыгивающее сидение, отличающееся от черной спортивной машины Ника со стеклянными окнами, кондиционером и колонками, где не играли рекламу на полной громкости, едва ты садился внутрь.

— Если настаиваешь, — я вжалась в сидение.

Ник торжественно кивнул и направил нас в поток машин.

Ужин с Питером больше не вспоминали. Мы обсуждали всю дорогу, какие квартиры хотели покупать дальше. Мы не управляли тем, какие квартиры предлагали, но было забавно мечтать. Я говорила ему о времени в начале моей карьеры Уборки, когда я получила квартиру, которая принадлежала бывшему помощнику куратора Музея Алгонквин, когда Ник вдруг ударил по тормозам.

Я дернулась на поясе безопасности. Выпрямившись, я обернулась и увидела стаю грузовиков на парковке у моего дома.

— Что происходит?

— Хотел спросить у тебя, — Ник склонился, чтобы видеть лучше в окно. — У тебя весь дом переезжает, или что?

Если да, это было новостью. СЗД порой уничтожала здания, а не передвигала их, но она обычно давала жителям месяц на переезд. Я ничего не слышала, но редко бывала дома на этой неделе, благодаря желанию Ника бывать на обоих аукционах каждый день, чтобы не пропустить хорошую квартиру. Я покидала квартиру раньше пяти почти каждое утро, возвращалась обычно около десяти вечера, так что могла пропустить новость. Может, я пропустила что-то важное?

Я уже ощущала панику, сжала сумку и выскочила из машины Ника, побежала между грузовиков к открытым лестницам мотеля. Ник остановил машину у обочины и догнал меня через пару мгновений, следовал за мной, ладонь прижималась к карману куртки, где был его пистолет. Это казалось перебором для меня, но я не могла его остановить. Я уже поняла, что «сжимать оружие» было типичным поведением Ника в стрессовой ситуации. Он перестанет со временем, так что я не думала об этом, сосредоточилась на подъеме по лестнице как можно быстрее.

К счастью, чем дальше я поднималась, тем меньше выглядело, что я потеряю здание. Многие люди в форме ходили в здании. Но они выглядели как работники, а не грузчики, и они не ходили во все квартиры. Только одна дверь была открыта, когда я добралась до открытого коридора третьего этажа. Конечно, моя.

Моя квартира — я только убрала ее после атаки Коффмана — была полной людей. Помимо рабочих, были декораторы и дизайнеры в дорогих костюмах с планшетами дополненной реальности. Тут были не меньше двух команд электриков, одна устанавливала дверь с сигнализацией на месте моей деревянной. Я открыла рот, чтобы потребовать объяснений, когда рабочие расступились, как рыбы, уплывающие от акулы, и стало видно женщину — поразительно красивую кореянку с идеально черными волосами, идеальным макияжем и идеальным телом под идеальным дизайнерским платьем.

Она улыбнулась, заметив меня снаружи, ее лицо просияло. Было так красиво, что даже я застыла, гнев и смутнение вылетели из головы от красоты идеальной женщины, протянувшей ко мне безупречно ухоженные ладони.

— Опал.

Мое имя повисло в воздухе как духи, душило меня, выбило меня из глупого состояния. Я отпрянула с воплем, врезалась в грудь Ника в спешке убраться от ловушки, в какую чуть не зашла. Но было слишком поздно. Милая женщина уже схватила мои обветренные ладони, словно сковала, притянула меня в нежные, но крепкие объятия, от которых пахло ностальгией. Я запаниковала. Мне крышка. Клетка уже закрылась. Я могла лишь уменьшить ущерб, так что заставила себя замереть, глубоко вдохнуть, готовясь к бою, и сказать:

— Привет, мам.

Глава 2

— Постой, — сказал Ник за мной, его голос дрожал. — Это твоя мама?

Я точно пронзила его жутким взглядом, потому что он тут же попятился.

— Просто она не выглядит достаточно взрослой, — быстро объяснил он, запинаясь об свои ноги. — Я думал, это была твоя сестра.

Моя мама послала ему ослепительную улыбку, и я закатила глаза. Но, в защиту Ника, женщина на моем пороге выглядела не старше двадцати пяти. Трюк был в использовании увлажняющего крема, лучшей пластической хирургии и порой настоящей черной магии. Люди часто путали ее с моей сестрой или кузиной, так было с тех пор, как мне исполнилось пять. Конечно, учитывая, как я выглядела сейчас — растрепанные волосы, мешки под глазами и слой засохшей слизи — я должна была радоваться, что Ник вообще заметил семейное сходство.

— Ты такая грязная, — сказала мама на корейском, окинув меня взглядом карих глаз, которые замечали все изъяны. — Но ты хотя бы похудела. Следовала диете, которую я тебе послала?

— Нет, мама. Голодала, — рявкнула я на том же языке. — Такое бывает, когда папа прокликает меня, мешая зарабатывать.

— Не будь непочтительной, — упрекнула она, глядя на меня как можно мрачнее, не хмурия брови, чтобы не появились морщины. — Это ты просила этого. Твой отец не хотел, чтобы ты жила как крыса в норе. Кстати о крысах... — она коснулась моей головы с возмущением. — Твои бедные волосы! Ты совсем не заботилась о них?

— При чем тут волосы? — заорала я, отталкивая ее ладонь. — Что ты тут делаешь? И что ты сделала с моей квартирой?

Я указала на гостиную, где было столько работников, что я не видела дальше двери.

— Я улучшила ее, — ответила мама без стыда. — Ты — Опал Дракона. То, что его дочь живет в таком месте — оскорбление для Великого Ёна, и я прилетела исправить это.

Я не знала, что она исправила, но моя маленькая квартира стала наряднее. Бежевый дырявый ковер сменили темным паркетом, который казался еще темнее из-за белых шелковистых обоев, покрывших бетонные стены. Потолок был в обычной шпаклевке, как и во всех дешевых квартирах, но теперь там была лепнина в форме волн вокруг новой люстры.

Но все это было только холстом. Кроме стен, пола и потолка, мама поменяла все внутри, начав с мебели в гостиной, состоящей из дивана в шесть футов длиной, двух кресел с прямыми спинками и широкого кресла. Я смотрела на него и не понимала, как она умудрилась втиснуть это в крохотную гостиную, но поражало то, что новая мебель была белой. Я была Уборщиком. Если какой цвет и не нравился мне, то это белый.

— Работы было так много, что было сложно решить, с чего начать, — продолжала мама, повернувшись, чтобы улыбнуться шестерым рабочим, которые пытались установить гранитные поверхности в моей крохотной кухне. — И я решила все убрать и начать заново. От этого работы стало больше, и мы немного отстали от графика, но, как видишь, тут уже намного лучше.

Она развернулась с гордой улыбкой, ожидая, что я упаду к ее ногам, благодаря ее за прибытие и «исправление» моей жизни.

— Где мои вещи? — сказала я вместо этого, разжав кулак, чтобы указать на большую картину лилии на стене на месте остатков моей коллекции. — Что ты сделала с моими вещами?!

— Не переживай, милая, все тут, — она повела меня в мою спальню, которая изменилась, как все. Матрац на полу пропал, его заменила новая большая кровать со

столбиками и гора декоративных подушек. Там было и новое трюмо, несколько новых зеркал, а еще куча косметики любимых брендов матери. Новых вещей было так много, что я даже не заметила освещенную подставку с моими сокровищами — все были вычищены — на стене над новой кроватью, пока мама не указала на нее. — Видишь? — я вздохнула с облегчением. — Все там, — она прижала ладони с идеальным маникюром к бедрам. — Серьезно, Опал, я оскорблена, что ты подумала, что я выброшу твою коллекцию. Думаю, мило, что ты начала создавать свою, — ее губы изогнулись в теплой улыбке. — Ты так похожа на своего отца.

Капля радости при виде моей коллекции растаяла, как дым.

— Я не такая, как он, — прорычала я, повернувшись к ней. — И ты не имела права так делать! Это моя квартира!

— Ты — дочь Великого Ёна, — сказала она, словно это все оправдывало. Для моей матери так и было.

— Это не означает, что ты можешь врывать в мою жизнь и все менять!

— Твой отец оказывает тебе услугу, — возмутилась она. — Хоть ты оскорбила его и ослушалась, он продолжает заботиться о тебе. Кто, по-твоему, оплатил все это? — она показала на новую спальню гибкой рукой. — Эгоистка! Как можно быть такой неблагодарной.

Я была неблагодарной не просто так. Я не впервые обнаруживала дома новые вещи. Папа всегда так делал: если не получилось кнутом, использовал пряник. Но я выросла с этим бредом. Я знала, что это ничего не означало. Он не сожалел, он просто использовал то, чего у него было много — деньги — чтобы устыдить меня и заставить слушаться его.

Это было бы эффективнее, если бы не было так заметно отсутствие заботы со стороны родителей. Я была лишь человеком. Я могла ценить подарки, и какая дочь не хотела верить, что родители переживали за нее? Но, хоть мама втиснула в мою квартиру хорошие вещи, она не учла мои нужды. Это было как выставка.

Но, хоть было ясно, что родители и двух секунд не думали о том, чего я хотела, приоритеты отца были понятны. Он впихнул в мою квартиру «подарки», но я заметила, что не могла легко продать это. Тут не было украшений, антикварных вещей, что можно было быстро обменять на наличные. Все было высокого качества, но вряд ли кто захотел брать гранитные поверхности, сделанные под мою кухню. Даже «вычурная» мебель была ниже дорогих вкусов матери. Но было лучше, чем то, что разбились бандиты Коффмана. Даже если я продам все в квартире, мне не хватит, чтобы погасить весь долг.

Конечно, потому отец и решил заплатить за это.

— Я не хочу это.

— Опал! — закричала мама, ее милые глаза расширились от ужаса. — Твой отец...

— Мой отец считает меня дурой! — закричала я на нее. — Я уже не ребенок! Он не может просто бросить красивые вещи мне и ждать, что я забуду, что это все — его вина! Я «живу в дыре», потому что он проклял меня на неудачи!

— Не смей обвинять его! — недовольно сказала мама. — Знаешь, как ему больно видеть тебя такой? Ты — его дочь, его сокровище! Даже проклятие, на которое ты жалуешься, лишь доказательство, что он переживает. Думаешь, он тратил бы магию, огонь своей жизни, на другую смертную? Нужно быть благодарной!

— Я не буду благодарить за мучения! — завопила я. — Он проклял меня, мама! Он активно делает мою жизнь хуже, и ты защищаешь его! Ты понимаешь, что звучит так, словно

тебе промыли мозги?

— Не промыли, — сказала она, выпрямилась во весь рост, хоть она была лишь чуть выше меня. — Я — Первая Смертная Великого Ёна! Любимая супруга высшего существа! Я дала твоему отцу все, что во мне есть, и взамен он поднял меня до высот, каких не надеется достичь ни один человек. Он даже признал мою дочь как свою. Ты понимаешь честь, Опал? Великий Ён поделился силой и защитой с нами, властью и богатством. Когда мы умрем, он будет чтить память о нас, хотя мир уже забудет наши имена. Это означает любить и быть любимой драконом. Это означает, что тебя ценят. Ты однажды поймешь.

— Я не хочу понимать, — с горечью сказала я. — Я не хочу быть сокровищем, и ты не должна хотеть. Мы люди, а не вещи.

— Дракон не видит разницы, — сказала она, голос стал нежнее. — Знаю, это сложно понять, милая, но твой отец — высшее существо. Его действия кажутся нам непонятными, мы — лишь смертные. Но он ценит тебя, Опал. Ты же знаешь это?

Я хмуро смотрела на нее.

— Если бы он меня ценил, он бы так не делал.

— Если бы ты понимала, ты бы его не заставляла, — рывкнула она. — Он хотел только уберечь тебя. Вся эта ситуация была твоей идеей! Ты обманом заманила его в этот глупый долг. Теперь ты винишь его в том, что он держит слово? Эгоистка! Ты постоянно винишь Великого Ёна в хитростях, но это ты так погрязла в паранойе, что не можешь даже просто принять подарок. Ты потеряла способность видеть, что мы с отцом хотим для тебя только лучшего!

— Может, если бы вы спросили, как для меня лучше, я бы поняла, что вы этого хотите! Потому что вы делаете то, что лучше вам. Вы одержимы бредом с нищетой. Я просила только, чтобы меня оставили одну.

— Ты — наш ребенок! — отчаянно закричала мама. — Какой бы эгоисткой ты ни была, мы тебя не бросим!

Она была у моего лица, когда закончила, глаза горели, и это почти сработало. Я почти ощутила вину за то, что делала с родителями. А потом вспомнила, с кем имела дело. Мама была любимым орудием отца, верным лейтенантом злого повелителя. Я верила, что она любила меня, но она всегда была верна Ёну. Она была рада тому, что была рядом с «высшим существом». Потому что она была Первой Смертной, а я не хотела возвращаться.

— Уходи.

Мама напряглась.

— Ты не будешь говорить со мной таким тоном.

— Я буду говорить, как хочу, — я становилась громче с каждым словом. — Это моя жизнь, моя квартира, и я за нее плачу. У тебя тут нет прав, так что собирай своих людей и выметайся из моего дома!

Я думала, что она сорвется. Как ее дракон, моя мама терпеть не могла, когда ей перечили. Мы всю жизнь ссорились из-за этого, ведь я не могла терпеть, когда мне указывали. В детстве я не могла перечить, приходилось слушаться, но я уже не была заперта в замке Великого Ёна, где она была королевой. Это было СЗД, моя земля, а не ее. Я могла пустить корни до Узлов, если хотела, смотрела ей в глаза, пока мама не отпрянула.

— Внимание, — она хлопнула в ладоши, говоря с армией работников на английском. — Мое неблагодарное дитя заявило, что не хочет ваши услуги. Бросайте то, что вы делали, и уходите. Она закончит обновления сама, раз такая независимая.

Я закатила глаза от ее формулировки. Но рабочие хотели уйти от моей мамы так же, как я, потому что схватили свои вещи и побежали мимо Ника, который еще стоял у входной двери. Мама последовала медленнее, замерла и пригладила кисточку на подушке, потом поправила скучную картину на стене. Я шла за ней, почти наступая на пятки, пока и она не добралась до порога.

— Еще одно, — сказала она, когда я потянулась закрыть за ней свою новую дверь.

— Что?

Она мрачно смотрела на меня, а потом гнев пропал, и милое лицо стало встревоженным.

— Будь осторожна, Опал. Враги твоего отца в движении.

Я пожала плечами.

— И? Они всегда действуют.

— Это другое, — она зашептала. — Ты была в безопасности еще неделю назад, ведь мир думал, что ты была под опекой отца, но из-за твоей гениальной идеи позвонить Миротворцу из-за куриц...

— Василисков, мам. Это были василиски.

Она отмахнулась.

— Не важно. Ты подняла шум, и теперь все драконы в СЗД знают, что Опал Ёна не под его крылом. Хуже, они знают о проклятии.

— Я не виновата, — сказала я. — Я не знала о проклятии, пока Хартстрайкер не сказала.

— Да, и она рассказала всем, — едко сказала мама. — Из-за нее весь мир знает, что вы с твоим отцом не ладите. Он уже отправился разбираться с последствиями, но...

— Папа тут? — перебила я, сердце колотилось. — Он в СЗД?

— Не глупи. Ты знаешь, что твой отец думает о Миротворце. Он не станет просить разрешения войти на его территорию. Мы купили дом за рекой в Виндзоре, Канада. Ничего вычурного, просто поместье у реки, но твой отец хотел быть ближе, пока этот бред не успокоится.

Просто купили дом у реки. Конечно. Потому что папа не мог просто остановиться в отеле.

— Я не могу описать, в какую опасную ситуацию нас поставило твое упрямство, — продолжила мама. — Если бы решала я, ты бы уже летела домой в Сеул. Это было бы самым простым решением, но снисхождение твоего отца к тебе не знает границ. Он уже постановил, чтобы тебя не трогали, пока не окажется, что ты не можешь выплатить долг.

— Да? — честь отца была основой моего долга, но я не ожидала, что он будет таким непреклонным в этом.

— Конечно, — мама подняла голову. — Слово твоего отца — его связь, но это плохо для тебя в этом случае. Все знают, что ты — сокровище Ёна, но теперь они знают, что между вами брешь. Его союзники видят в этом слабость, а его враги видят шанс использовать тебя как рычаг давления. Каждый из них может схватить тебя для своих целей. Из-за твоей глупой игры, твой отец почти не может ничего сделать, чтобы остановить это.

— Я не боюсь, — упрямо сказала я.

— А стоит.

Я хмурилась от угрозы, и мама вздохнула.

— Я знаю, что ты злишься на него, милая, — с мольбой сказала она, прижав ладонь к

моей щеке. — Но твой отец старается сделать, как правильно для тебя. Даже рискуя собой. Я хотела бы, чтобы ты это видела.

Я вздохнула от ее прикосновения. Эта сторона мамы ранила больше всего: та, что полностью доверяла ее дракону и не понимала, почему я отказывалась так делать. Было приятно, хоть и больно и печально знать, что мама хоть не пыталась навредить мне. Она делала то, что считала лучшим. Жаль, что ее взгляды были искажены монстром-эгоистом, видящем в ней экспонат своей коллекции.

— Просто иди, — сказала я. — Прошу.

Мама погладила мое лицо еще раз, а потом повернулась на удивительно высоких каблуках и ушла, ее идеальные сияющие черные волосы покачивались с каждым шагом, пока она стучала по бетонному коридору.

— Я хочу знать, что это было? — спросил Ник, когда она ушла.

— Только если хочешь послушать о глупой семейной драме.

Это прозвучало более горько, чем я ожидала. Ник сдвинул темные брови.

— Нужна помощь?

Я удивленно посмотрела на него. Вопрос был простой, но никто еще не предлагал помочь с семьей. Никто не знал, какой была моя семья. Но, хоть было приятно поговорить с тем, кто был на моей стороне, я устала обсуждать папу.

— Ты уже сильно помогаешь, — сказала я ему с теплой улыбкой. — Но, хоть это раздражает, этот визит — хороший знак. Если папа послал маму вмешиваться прямо в мою жизнь, значит, мы справляемся.

— Или ты на самом деле в опасности, — отметила Сибил.

Я отмахнулась от ее тревог, а глаза Ника расширились, и я поняла, что Сибил сказал это не в наушнике, а в колонке телефона.

— Ты в опасности?

Я пожала плечами.

— Я всегда в какой-то опасности. Я живу в СЗД.

— Я не об этом.

Я была слишком грязной, чтобы плюхнуться на новый белый диван, так что просто опустила плечи, вздыхая.

— Это сложно. По многим меркам мой папа — идеальный дракон. Он убил своего отца и захватил его территорию, он беспощадно подавляет тех, кто выступает против него, у него есть детальные планы, как убить его врагов, и прочее, что делают тираны. Но он, как все знают, привязан к своим людям, а драконы в привязанности видят шанс.

Ник кивнул, словно полностью понимал это.

— Его враги придут за тобой.

— Попытаются, — сказала я. — Но, хоть я не хочу говорить хорошее об отце, он крутой дракон. Он не самый сильный, но он большой, старый, богатый, и у него большая поддержка людей. К нему не стоит лезть, и для меня это хорошие новости. Все, кто читали сказки, знают, что быстрее всего разозлить дракона можно, задев его вещи. И, хоть мне не нравится, я считаю его вещью. Меня зовут Опал Ён Э, что означает Опал Дракона на корейском.

— Но риск есть, — сказал Ник. — Иначе твоя мама не предупредила бы тебя.

Возможно. Риск был всегда в делах с драконами, но мама точно преувеличила опасность, чтобы я в страхе побежала к папуле. Но я не стала давить на Ника и этой частью семейной драмы, так что я продолжила:

— Все будет хорошо, — сказала я. — Ён правил Корейским полуостровом полторы тысячи лет. За это время, конечно, появилось много врагов, но они лаяли на него задолго до моего рождения и вряд ли закончат после моей смерти. Он справится. Меня больше переживает то, сколько времени заняла мама. У меня встреча с Питером через полчаса, а я еще не была в душе.

Ник напрягся от упоминания имени Питера.

— Я тогда пойду.

— Я тебя не прогоняю, — быстро сказала я. — Можешь оставаться, сколько хочешь.

Мне просто нужно...

— Ничего, — сказал он, открывая дверь. — У меня все равно есть дела.

— Дела в ночь субботы? — я знала, что он был трудоголиком, но даже Ник не работал больше десяти часов в день.

В ответ он недовольно пожал плечами и вышел из моей квартиры. Я инстинктивно пошла за ним. Не знала, зачем, но мне не нравилось, как это ощущалось. Ссора с мамой разозлила меня. Я не могла терпеть и напряжение с Ником, особенно, когда я не понимала, чем его разозлила. Я не сделала и двух шагов, Ник вдруг развернулся.

— Чуть не забыл, — он вытащил конверт из кармана и протянул мне. — Вот.

Я взяла его, хмурясь.

— Что это?

— Твоя доля от вчерашней квартиры.

Я нахмурилась сильнее. Я думала, квартира вчера с трудом вернула деньги за нее. Это делало ее лучше, чем сегодняшняя, но я не ожидала денег. Особенно, столько.

— Ого, — я открыла конверт, полный наличных. — Что это?

Ник пожал плечами.

— Продажи с аукциона. Ставки шли хорошо, и все продалось дороже, чем ты оценивала.

В этом не было смысла. Я не ходила с Ником на ночные аукционы, потому что мое присутствие ломало продажи из-за моего проклятия, но я хорошо оценивала стоимость. Если я ошибалась в цене, то не больше, чем на десять процентов в обе стороны. Но, чтобы заработать столько с пятьюдесятью процентами, мне нужно было ошибиться сильнее, чем на десять процентов, что было просто невозможно.

— Уверен?

— Мне показать тебе чек? — грозно спросил он.

Я отпрянула. Ник явно еще злился... из-за чего-то. Я начиналась злиться на него за его раздражение, но мне хватило ума держать это в себе. Дареному коню в зубы не смотрят, особенно, когда только это спасает от когтей отца.

— Спасибо, — сказала я, прижимая деньги к груди.

— Не за что, — Ник снова отвернулся. — Должно хватить, чтобы сводить жреца смерти в хорошее место.

Этого хватит, чтобы покормить Питера и покрыть половину платы за квартиры за месяц. Если он сможет так хорошо продавать каждый раз, я смогу легко собрать деньги для папы.

От мысли об этом я забыла злость на Ника.

— Спасибо! — крикнула я ему вслед.

Он отмахнулся.

— Что мне делать с диваном?

— С чем?

— Диваном из магазина, — уточнил он. — Мы привезли его сюда, но вряд ли он тебе нужен, когда твоя квартира выглядит как на фото в журнале.

Я забыла о том оранжевом уродстве. Он мне уже не был нужен, но диван все еще был хорошим. Я не хотела его просто выбрасывать.

— Тебе он не нужен?

Ник побледнел.

— Что мне делать с диваном?

— Не знаю, сидеть на нем? Знаю, диван не самый красивый, но у тебя есть только раскладные стулья. Было бы приятно сидеть не на металле, когда я прихожу, знаешь?

Он снова отвернулся.

— Я подумаю.

— Я скажу Сибил направить грузовик к тебе, — крикнула я ему вслед. — Мне нужно вернуть машину к полуночи, так что реши к тому времени.

Но Ник уже спускался по открытому коридору, набирая скорость с каждым шагом, словно не мог дождаться, пока будет подальше от меня.

* * *

Я опаздывала на ужин.

Это была не моя вина. Обычно я не стою долго в душе, даже когда это новый душ с тремя необъяснимыми вентилями, которые не управляли горячей водой. Меня не задержала и стена бутылочек, как в салоне, сменивших мои обычные шампунь и кондиционер. Нет. Я приняла холодный душ, смыла слизь с волос мыльной субстанцией с запахом цветов, на которую первой опустилась рука. Я задержалась, когда вышла, завернув дрожащее мокрое тело в большое полотенце с монограммой, такое гладкое, что оно не впитывало воду, и открыла шкаф, обнаружив, что все мои вещи пропали.

Заменяв мою мебель, мама решила и заменить весь мой гардероб. Кроме грязной футболки, шортов и сапог Уборщика, в которых я пришла домой, вся практичная одежда была убрана. На их месте в новом шкафу и трюмо было полно нарядов от кутюр следующего сезона от любимых дизайнеров мамы. А еще все новые вещи были того размера, который мама считала правильным, а не моего размера. Я смогла втиснуться в эти наряды, потому что жила на лапше в стаканчиках и кофе последние три месяца.

То, что я могла технически надеть новую одежду, не означало, что я хотела. Вкус мамы не только сильно отличался от моего — мне нравились краски и веселье, а ей — изящество и простота, что просто красиво описывало скучные вещи — и все, что она поместила в мой шкаф, было таким деликатным и дорогим, что я боялась надевать это. Даже джинсы оказались дороже пятисот баксов, когда Сибил проверила их в интернете. Пару лет назад я бы не удивилась, но теперь могла лишь думать, как кто-то носил такие дорогие вещи, не получая сердечный приступ каждый раз, когда они что-то задевали?

Радовало только то, что я могла это продать. Дизайнерскую одежду всегда покупали. Я видела, что мама пыталась сдержаться — там было три пары обуви и ноль клатчей, на них можно было заработать лучше всего — но она не могла заставить меня носить вещи, которые она одобряла, и не дать мне шанс разбогатеть. Если бы я не опаздывала на встречу с Питером, я бы побежала продавать весь шкаф. Но я уже сильно опаздывала, так что заставила себя взять себя в руки и найти что-то, чтобы прикрыть тело.

После поисков я выбрала юбку в цветы, на которой не было бы видно пятна, и синюю

шелковую блузку без рукавов, в которой я не переживала бы о поте. Я нанесла и немного макияжа. Чуть-чуть, но, хоть я ненавидела вкус мамы в одежде, ее инстинкт в косметике был безупречным, а я была человеком. Я не могла удержаться перед столом, полным новой косметики в красивой упаковке. И мое голое лицо казалось неуместным над нарядом. Макияж нужен был, чтобы сбалансировать меня, и я быстро нанесла его, обула самые низкие из трех пар туфель на каблуках и побежала к двери.

Я ощутила себя лучше, покинув квартиру. Это было немного эгоистично с моей стороны, но обещание отвести Питера на ужин для извинения за то, как я использовала его в деле с доктором Лилем и Пустым Ветром, было не ради него. Это был и повод для меня выйти поесть, такой роскоши я себе не позволяла месяцами. Я была взволнована, потому что в попытке показать себя я сказала Питеру встретить меня в Штопоре, большом торговом районе у центра, где были лучшие корейские рестораны в СЗД.

Как и намекало название, Штопор был большой спиральной конструкцией, которая тянулась из Подземелья к Небесным путям. Пешеходная дорога тянулась в центре, обрамленная магазинами и ресторанами внутри и снаружи спирали, и высота определяла вычурность места. С моим бюджетом я вела Питера в нижний виток спирали, но там все равно было вкусно. Пока я росла, время было поровну разделено между домами отца в Сеуле, Лос-Анджелесе и Гонконге. Но я всегда считала домашней едой корейскую. Я не знала, было ли дело в том, что многие повара были корейцами, или потому что кимчи была ужасно вкусной, но я ела корейскую еду при каждом выпавшем шансе. Я вела Питера этой ночью в довольно дешевое место, но там была хорошая корейская еда. Если честно, я повела бы его туда, даже если бы деньги не решали этот вопрос. Там было вкусно.

Питер ждал у остановки такси, когда я прибыла. Он улыбнулся и помахал, заметив меня в очереди машин. Потом я вышла из машины, и на его лице проступил ужас.

— Мне жаль, — сказал он, смущенно потянув за свою идеальную угольно-серую рубашку и темные джинсы. — Я не думал, что это официальный ужин.

— Это не так, клянусь, — быстро сказала я, поправив свой наряд, надеясь, что выглядела не так, словно убежала с вечеринки в саду наверху. — Это просто... кхм, мама купила мне это.

Почему-то от этого Питер еще сильнее занервничал.

— О, — сказал он, глядя везде, но не на меня, потирая ладонью шею. А потом, будто приняв решение, он выпрямился и повернулся ко мне. — Опал, — сказал он серьезным тоном, — Для меня честь, что ты пригласила меня на ужин, но пока не возникли недопонимания, я должен напомнить тебе, что я — жрец Пустого Ветра.

Я растерянно моргнула.

— При чем тут это?

— Я поклялся вечно служить Забытым Мертвым, — уточнил он, все сильнее смущаясь. — Нет формальных ограничений, но эта работа требует много времени, и было бы неправильно... Со мной стороны безответственно было бы вступать в отношения — любые! — пока я жрец. Понимаешь, о чем я?

Я не понимала. А потом он посмотрел на свои мокасины, чтобы не видеть мое тело, и я поняла, что происходило.

— О! — щеки пылали, я посмотрела на свой наряд, который, в отличие от моей обычной одежды, выглядел как наряд для первого свидания. — О, нет. Нет, нет, нет! Я не пригласила тебя со скрытыми намерениями! Просто у меня нет другой одежды. Клянусь, я

не пытаюсь с тобой так встречаться. Я просто хотела поблагодарить тебя за помощь с доктором Лилем.

Судя по тому, как рьяно он говорил, что был недоступен, Питер должен был обрадоваться, но он немного расстроился из-за моего быстрого возражения. Я тоже немного расстроилась, что удивляло. Я не думала о Питере так раньше, но теперь, когда он сказал, что это не могло произойти, мне вдруг стало ясно, каким хорошим вариантом он был бы. Питер был красивым с его темной кожей и яркой улыбкой. И он был добрым, трудолюбивым, защищенным богом смерти, что означало, что папа не мог его мучить. Он был всем, что я могла просить от парня, но я была слишком занята своими проблемами, чтобы заметить. И я не стала бы пробовать, ведь Питер был жрецом, сколько я его знала, но это все еще было обидно. Такой была моя удача. Мне отказали до того, как я поняла, что у парня был потенциал.

— Надеюсь, я тебя не оскорбил, — тихо сказал Питер, мы поднимались по изгибающейся пешеходной дороге, где люди устремлялись в рестораны, магазины и развлечения Штопора. — Ты хорошо выглядишь этой ночью.

— Я не обижена, — сказала я, поправляя волосы, которые высохли красиво, блестели и были объемными, благодаря обширным знаниям моей матери о средствах для волос, вокруг моего лица. — Спасибо за комплимент. Теперь пойдем есть. Я проголодалась!

— Куда мы идем?

Я тут же стала с энтузиазмом объяснять, как я нашла это место, и как хорошо там было, отчаянно пытаюсь сделать все менее неловким. К счастью, я была голодна так, что съела бы что угодно, и вскоре райский запах жареного мяса прогнал все мысли из моей головы.

Снаружи «Домашняя кухня Джеджу» была стандартным паназиатским бистро. Там было огромное меню со всем от суши до пулькоги и жареной лапши, все безопасно подстроили под запад, чтобы житель Подземелья мог вытерпеть остроту. Это было неплохо, но если говорил на корейском, мог получить настоящие блюда, и тут происходила магия.

Опыт Питера с лучшей в мире едой был ограничен сетью корейских барбекю, и я стала переводить для него меню в подробностях. Было бы быстрее спросить у него, чего он хотел, но я была тут надолго. Я платила за это. Я хотела насладиться каждым мгном, и я о редких темах могла говорить долго и с пылом так, как о еде.

Терпеливо выслушав мое драматичное чтение, Питер выбрал миску нарезанной мелко лапши с пряной свиной грудинкой. Я выбрала жареную курицу, и это звучало скучно, если не вспомнить, что корейская жареная курица была на голову выше всех. Они тут делали для продажи, разрезали курицу и жарили целиком. Добавьте все мисочки с маринованной редькой, кимчи и рисом, которые они давали бесплатно, и это был рай. Я еще я заказала нам пиво. Много. Это было чуть больше, чем я могла позволить, но жареную курицу не ели без пива. Соджу было бы дешевле, но я всегда напивалась сильнее, чем хотела, когда пила соджу. Учитывая, как я осушила пиво, едва его принесли, выбирать что-то крепче не стоило.

— Спасибо, что пригласила, — сказал Питер, когда часть заказа принесли. — Надеюсь, я не сделал все слишком неловко.

— Не переживай, — я наполнила бокал из холодного графина на столе. — Это я излишне нарядилась. Ошибка понятна.

— Я рад, что ошибся, — сказал он, обводя капли на бокале своего едва тронутого пива. — Я был бы польщен, но ты кажешься счастливой с Ником. Было бы жаль слышать. Что все кончено.

Я чуть не выплюнула пиво в его лицо.

— Что?

— Ты и Ник Кос, — Питер забавно посмотрел на меня. — Разве вы не встречаетесь?

— Почему ты так подумал? — закричала я, люди вокруг боязливо поглядывали на меня.

— Вы всегда вместе на аукционах, — объяснил Питер. — И другие Уборщики сказали, что вы вместе, и я подумал... Прости, вы не встречаетесь?

— Нет, — тут же сказала я. — Мы деловые партнеры.

— О, — Питер смутился. — Похоже, я ошибся во всем. Прости, Опал.

Я сделала еще большой глоток пива, желая избежать этого разговора. Я не знала, почему от его слов мне было не по себе. Кроме приступов странной ворчливости, как сегодня ночью, мы с Ником хорошо ладили в эти дни. Я даже не вздрагивала, когда он вел машину или хватался за пистолет. И мы всегда были вместе. Со стороны было ясно, почему Питер и другие Уборщики считали нас парой, и почему-то это вызвало у меня панику.

Я не знала, почему. В отличие от запоздалой реакции на Питера, я видела, что Ник был красивым. Он несколько раз спас мою жизнь, и, что важнее, он спас меня от папы. Было бы естественно влюбиться, так почему упоминание о нас вместе пугало меня? Почему было сложно даже думать об этом?

— Потому что все, кто тебе нравится, уходят.

Я вскинула голову. Питер потягивал пиво и смотрел на корейское меню со сдержанным интересом, значит, не видел, как я прижала наушник Сибил сильнее к уху.

«Что ты творишь?» — подумала я, веря, что она уловит мысль через контакт маны в маленьком беспроводном наушнике.

— Работаю хорошей ментальной поддержкой, — прошептала она так тихо, что вряд ли звучал громче гула вокруг, или она как-то отвечала в моих мыслях. — Подумай. Все, кто тебе нравился, бросали тебя. Это давило бы при нормальных отношениях, но тебе нужен Ник, чтобы выжить, из-за твоего проклятия. Потому ты даже не можешь представить вас вместе. Ты боишься, что тогда он уйдет.

«Это глупо, — подумала я недовольно. — Хватит пытаться анализировать меня!».

— Но для этого ты меня и купила! — возразила Сибил. — Я ИИ-компаньон, поддержка ментального здоровья и эмоциональной стабильности. Я создана, чтобы помогать с таким! Если бы ты просто хотела робота, следящего за твоим календарем и звонками, ты купила бы одного из мерзких ИИ-личных-помощников.

Я закатила глаза, вытащила наушник из уха и сунула его в сумку. Это был жалкий побег, но я пришла на ужин с Питером, а не на терапию с Сибил. К счастью, еду принесли через пару мгновений, и я смогла затеряться в чуде хрустящей и пряной жареной курицы в корейском стиле.

Мы болтали о нормальном: сплетни Уборщиков, странности города, рассуждения о личной жизни Брокера. Питер знал много историй. Как жриц Пустого Ветра, он видел дикие вещи, и мы могли болтать, пока наши тарелки не унесли. Официанты поглядывали на наши пустые бокалы, надеясь, что мы поймем намек и уйдем.

Чек был немного неприятным, но из-за меня, а не Питера. Я выпила больше пива, чем хотела, но атмосфера была счастливой. Я не ужинала с другом давно, и не из-за нищеты. Даже когда я хорошо зарабатывала Уборкой, я отрезала себя от старых друзей, чтобы папа не использовал их. Это хорошо сработало для защиты, но круг общения сузился до одной Сибил.

Но расстояние было неминуемым. Даже если бы я рискнула, друзья из колледжа не стали бы есть со мной в таком месте. Штопор был неплохим по стандартам Подземелья, но Хейди не осмелилась бы спуститься так далеко от Небесных путей без охраны. Когда я жила с ней, я тоже так себя вела. Пока папа не прижал меня к стенке, я была таким же богатым ребенком с охраной, как все в ИМИ. Теперь я напилась со жрецом смерти и была этому рада. Забавно, как могла измениться жизнь.

— Спасибо, что пришел, — пьяно сказала я Питеру, когда мы вышли из ресторана. — Я хорошо провела время. Серьезно.

— Спасибо, что позвала, — ответил он. — Хотя это не было необходимо. Я делал свою работу. Это ты помогла душе доктора Лиля обрести покой.

И я обманом заставила его дать мне доступ к моргу, чтобы я украла ладонь доктора Лиля для своих жадных целей. Питер, казалось, об этом не знал, что доказывало, что Пустой Ветер не рассказывал своим жрецам всего. Я не знала, чем заслужила добро бога смерти, но была рада, что Питер не знал, что я была воровкой, так что не стала признаваться.

— Мне было приятно, — искренне сказала я, прислоняясь к стене ресторана, чтобы насладиться самой счастливой и беззаботной стадией пьяного состояния, не переживая из-за сложности, добавленной каблуками. — Давай как-нибудь повторим.

— Хорошо, — сказал Питер и посерьёзnel. — Пока ты не ушла, можно задать личный вопрос?

Я нахмурилась, и он поднял руки.

— Клянусь, в этот раз не о личной жизни. Просто мне интересно, что с твоей магией. Я замечал это весь вечер.

Мой пьяный мозг не понимал.

— Как ты ощущаешь мою магию?

Теперь он растерялся.

— Эм, потому что я маг?

— Ты — маг? — потрясенно закричала я.

Питер посмотрел на меня без эмоций.

— Опал, я — жрец. Было бы сложно выполнять работу и говорить с Духом Забытых Мертвых, не будь у меня магии.

Это было логично, но я до этого о таком не думала. Глупая ошибка, но я и не видела, чтобы Питер творил магию. На нем не было заклинаний, я не видела, чтобы он колдовал. Откуда мне было знать, что он был магом? Кроме очевидного, конечно.

— Ого, я ощущаю себя глупо.

— Не переживай, — сказал Питер. — Обычно я не занимаюсь делами на виду. Это может поразить, но служба Забытым Мертвым — сольная работа.

Я фыркнула, и Питер улыбнулся мне и снова помрачnel.

— Но, серьезно, Опал, что такое? Обычно я не трогаю магию других людей без спросу, но я ощущал, как твоя дергается, со своего места. От нее больно?

— Только когда я ее использую, — и когда пыталась уснуть ночью. И когда замедлялась и замечала. — Но ничего серьезного. Я просто перестаралась на прошлой неделе. Должно успокоиться после отдыха.

Питер недоверчиво посмотрел на меня.

— Уверена? Тебе это врач сказал?

Нет, потому что врачи были дорогими. Но интернет показал, что я страдала от того, что

сильно переборщила с колдовством, что было логично, учитывая, как я взорвала заклинание перед Коффманом. Но Питер не разделял мою уверенность.

— Тебе стоит провериться, — сказал он, вытаскивая кошелек и протягивая мне визитку. — Этот человек мне сильно помог, когда моя магия шалила пару лет назад. Она поможет и тебе.

Я вежливо взяла визитку, но едва сдержала пьяное тело, чтобы не закатить глаза, когда прочла ее.

Доктор Рита Ковальски

Шаманское исцеление, восстановление души, советы

Круглосуточно для правильных людей

Адрес тоже был безумным. Не было названия улицы, только координаты, и мне стало не по себе.

— Ты был у нее? — скептически спросила я, отдавая ему визитку.

— Да. Оставь себе визитку, — Питер отодвинул мою руку. — Мне лучше от осознания, что она у тебя.

Я послушно убрала визитку в сумку, но мне было не по себе.

— Я буду знать, — сказала я. — Но, если честно, это не мое. Она — шаман.

— При чем тут это?

Трезвая я заметила бы предупреждение в его тоне, но пьяная пошла вперед.

— Потому что шаманы — не настоящие маги.

Я знала, что перегнула, как только слова вырвались изо рта.

— Ты знаешь, что я — шаман? — сказал Питер резким не своим тоном.

— Блин, — выдохнула я, закрывая лицо руками. — Прости, я не хотела...

— Нет, хотела, — заявил Питер. — Но я не удивлен. Я видел твою магию много раз. Ты — тауматург, обученный по книжке. Они плохого мнения о шаманах.

Меня учили, что «практика шаманов» была другим названием безумия, которое люди придумали, потому что не могли справиться с логикой настоящей магии, это если выразить мягко. Серьезно. Кроме Питера, все, кто звали себя шаманов, были почти психами. Они даже не использовали заклинания. Они просто бросались магией. Я тоже ею бросалась, но я была плохим магом. Я знала, что делала это неправильно. Шаманы звали это стилем магии, якобы они лучше понимали природу магии, а это было бредом.

— Я не хотела тебя оскорбить, — осторожно сказала я, стараясь быть тактичной и не врать. — Я счастлива, что тебе повезло с магией шамана, но у меня не так.

— Откуда ты знаешь? — спросил Питер. — Ты ее пробовала?

Конечно, нет, ведь не была безумна. Шаманы были популярны шестьдесят лет назад, когда магия была еще новой, и люди не знали лучшего, но теперь она была на одном уровне с исцеляющими кристаллами и прошлой жизнью. У меня не было денег на настоящего врача. Я не собиралась идти к лекарю Питера, как бы он ее ни рекомендовал.

Но, хоть я решила это, я не хотела заканчивать хороший вечер спором из-за стилей магии. Питер тоже устал от этого, потому что поднял руки, когда я открыла рот.

— Просто пообещай, что что-нибудь сделаешь, — попросил он. — Я не знаю, как ты терпишь магию в таком состоянии. Больно даже смотреть на тебя.

— Все не так плохо, — сказала я. — Да, болит, но я уже была у двух снимателей проклятий, и оба сказали, что моя магия заживет сама, если дать ей отдохнуть.

Я не понимала, что сказала, пока брови Питера не подпрыгнули.

— Зачем ты ходила к снимателям проклятий?

Блин. Блин, блин, блин. Глупый алкоголь.

— Пустяки.

Питер скрестил руки.

— Я так понимаю, что проклятие и проблемы с магией ты посчитала пустяками.

— Хорошо, не пустяки, — недовольно сказала я. — Но я ничего не могу с этим поделать. Как и сниматели проклятий, к которым я ходила, так что приходится терпеть.

— Хочешь, я попробую?

Я вскинула голову.

— Ты это сделаешь?

— Да, — он улыбнулся. — Ты — друг. И мой бог хорошего мнения о тебе. Это открывает много дверей.

Помощь Пустого Ветра была неожиданной, но я все равно покачала головой.

— Спасибо за предложение, но вряд ли это сделает магия человека или духа. Меня проклял дракон, так что снять может только дракон.

Теперь Питер был впечатлен.

— Как тебя проклял дракон?

— Повезло, — я увильнула от ответа, но стоило знать лучше. Как и многие смертные, которые не жили с чешуйчатыми гадами, Питер воодушевился, когда я сказала «дракон».

— Можно посмотреть? — взволнованно спросил он. — Я не хочу лезть, но никогда не видел магию дракона вблизи и...

Он замолчал с улыбкой, полной надежды. Я была не такой воодушевленной, но вряд ли он мог навредить, и я могла загладить вину за свои слова о шаманах, так что я протянула руку.

— Валяй.

Питер сжал мои пальцы своими ладонями, закрыл глаза. Я пристально смотрела на него, ведь, хоть я знала магию драконов, я не видела жреца в деле. Но зрелища не было. Ветер не выл, мертвые не стонали, но моя рука стала ужасно холодной. Я дрожала, когда он отпустил, и это было неплохо, ведь ночь была жаркой. Но Питер был мрачен.

— Вот так проклятие, — потрясенно сказал он.

— Я в курсе, — буркнула я.

— Что он делает?

— Насколько я знаю, оно дает мне неудачу, — ответила я. — Особенно с деньгами. Потому я в команде с Ником. Он делает покупки и продажи, помогает мне держаться.

Питер задумчиво нахмурился.

— Это работает?

Я стала кивать, но покачала головой.

— Не совсем.

— Я так и думал, — сказал он. — Привлечение другого человека в проклятие почти никогда не помогает.

— О чем ты? — я такое не слышала.

— Это очевидно, — деловито объяснил он. — Если ты проходишь трудности, чтобы наложить проклятие на кого-то, ты не оставляешь легкий выход. Хорошее проклятие думает на несколько шагов вперед и обладает встроенными блоками для всех очевидных попыток обойти его. Если мишень меняет поведение, чтобы избежать желаемого эффекта, выходит,

что ты зря рисковал.

Я потрясенно смотрела на него.

— Ты много знаешь об этом.

— Я не всегда был жрецом, — Питер пожал плечами. — Не у тебя одной предрассудки насчет шаманов, и проклятия — хорошие деньги, если нет иной работы. В юности я творил много магии, которой не горжусь. К счастью, Пустой Ветер принимает заблудшие души даже до их смерти, так что я не ушел далеко по неверному пути.

— Эй, — я подняла руки. — Я точно не буду винить тебя за то, что пришлось делать, — учитывая, что я сделала с ладонью доктора Лиля. — Но, думаю, это круто. Я нашла тех двух снимателей проклятий онлайн. Я не знала, хорошие ли они, но отзывы были положительные. Но я знаю, что тебе можно верить. Поможешь мне с этим?

— Я не могу его снять, — виновато сказал он. — Я даже не мог видеть проклятие, пока ты не сказала, что оно там. Магия отличалась сильно.

Я вздохнула. Так говорили и другие, но слова Питера все равно дали надежду.

— Ладно, — сказала я. — Я уже не надеюсь выбраться, но меня заинтересовали твои слова о проклятиях. Если при создании проклятия магу нужно думать на несколько шагов вперед, значит, проклятия можно обойти, не снимая их. Иначе зачем нужно было бы встраивать блоки? С моим проклятием может быть что-то? Лазейка? — если она была, я собиралась ее использовать.

Питер сжал мою ладонь, его ледяная магия затрепетала поверх моей, он трогал проклятие моего папы. Теперь я знала, что искать, и ощутила, как дернулось проклятие, когда он задел его, острая магия шипела, как змея. Это произошло несколько раз, и Питер вздохнул.

— Прости, — сказал он. — Ничего не могу в нем понять.

Я вздохнула в поражении.

— Спасибо, что пытался.

— То, что я не могу ничего найти, не значит, что лазейки нет, — быстро сказал он. — Я не вижу, потому что магия дракона отличается от людской, но проклятия — все еще просто заклинания. Драконы очень сильные, сильнее всех людей, но если бы они могли проклинать людей без границ, все властные люди мира уже были бы под их контролем, и человечество века назад оказалось бы в рабстве.

Это была хорошая мысль.

— Думаешь, его можно обойти?

— Думаю, да, — ответил Питер. — Каким бы сложным ни было проклятие, идеальных заклинаний не бывает. Даже дракон не может все продумать, да?

Точно. Так я обманула папу, заставив его согласиться на долг. Я использовала его гордость и мнение о моих способностях, чтобы он решил, что я сделаю одно, а я сделала нечто иное. Я могла такое повторить. Если честно, мне было стыдно, что я не попробовала этого раньше. Кроме знаний о проклятиях, Питер не сказал ничего нового. Я училась в колледже магии. Я знала, что у всех заклинаний были ограничения. Даже Ник понял это и предложил работать вместе. Почему только я не подумала об этом?

Ответ был моментальным: я не нашла способ обойти проклятие, потому что не искала. Я попала в ту же ловушку, что и всегда, думая, что папа был безупречным, всезнающим и невероятно сильным врагом, которого я не могла одолеть.

Но он был драконом, которому было две тысячи лет, и меня растили видеть в нем бога.

Если папа был непобедимым, как казалось, ему не нужно было бы проклинать меня. Он прибежал к магии, потому что я подобралась близко к финишу, и ему пришлось обмануть меня. Но это было подножкой. Если я смогу понять, как встать, я смогу вернуться в гонку и победить. Свобода, которую я хотела, еще была там, достигаемая. Нужно было просто схватить.

— Что нужно делать?

Питер задумался на миг.

— Первый шаг — понять, как работает проклятие. Ты сказала, что оно приносит неудачу в деньгах, но какой механизм оно для этого использует? Оно заставляет тебя покупать плохие квартиры? То, что ты пытаешься продать, ломается? Оно мешает найти хороших покупателей? Как магия забирает твои деньги?

— Я... не знаю, — щеки вспыхнули, я поняла, как мало продумывала это. Все, что Питер упоминал, когда-то случалось, но я не знала, что было от проклятия, а что — простыми неудачами нашей работы.

— Мой совет — узнать, — сказал Питер, когда я объяснила это. — Тауматурги относятся к магии как к науке, да? Так и сделай. Проведи эксперименты, определи, как эта штука работает, — он улыбнулся мне. — Я знаю, что ты умеешь обходить правила. Если ты столкнулась с препятствием, я готов спорить на деньги, что ты его сможешь разбить.

Я встрепенулась.

— Сколько денег?

— Хорошая попытка, — сказал он, смеясь. — Я в тебя верю, но не хочу рисковать своей жалкой зарплатой и спорить с тобой.

— Спасибо за уверенность, — я улыбнулась. Улыбка стала шире. — Спасибо за все, Питер. Ты сильно помог.

— Я живу, чтобы утешать других, — спокойно сказал Питер. — Обычно мертвых, но я помогаю и живым, когда могу. Кстати о живых, тебе помочь добраться домой?

Он был добр, предлагая это. Я была пьяна, стоило согласиться с ним. Но если я дам Питеру проводить меня домой, вежливость будет требовать пригласить его, и я не хотела, чтобы он видел, что моя мама сделала с моей квартирой. Я умерла бы, если бы он решил, что я обнищала, потому что потратила деньги на глупую белую мебель, так что я сказала ему, что справлюсь, и мы расстались, сели в разные авто-такси в длинной очереди, которые всегда ждали на дне Штопора.

Как только я закрыла дверь, я позвонила Нику.

Как всегда, он ответил со второго гудка, его голос был резким в трубке.

— Что случилось?

— Ничего, — радостно сказала я. — Веришь или нет, все может налаживаться! Ты занят?

— Да.

Мои надежды рушились.

— Ох.

— Но я могу стать свободным, — быстро сказал он. — Что такое?

— Нужна твоя помощь с экспериментом, — сказала я, покачиваясь на дороге. — Питер дал мне совет насчет проклятия, и я хочу его попробовать.

— Сейчас?

— Всего девять, — сказала я. — Ночь субботы только началась! А в воскресенье

аукционов нет, так что завтра выходной.

— У тебя выходной, — проворчал он. Но когда я убедилась, что он скажет мне идти спать, Ник сказал. — Где тебя встретить?

Я радостно улыбнулась.

— Можешь подобрать меня у моего дома?

— Буду через пятнадцать минут.

Я радостно кивнула у телефона, что было глупо, ведь он меня не видел. Но я была пьяна.

— Встретимся на парковке.

Ник отозвался согласием и закончил разговор, и я закрыла глаза и мечтала, как обыграю отца.

Глава 3

Когда черная спортивная машина Ника подъехала к парковке моей квартиры через пятнадцать минут, я была готова и ждала с большим черным мусорным мешком на плече, как нищий Санта-Клаус. Я подпрыгнула, когда он остановился. Обычно он начинал ехать, едва я садилась, так что я первым делом бросила мешок на заднее сидение, захлопнула дверь и пристегнулась. Я все еще была пьяной, и я не сразу смогла застегнуть пояс безопасности. Когда удалось поправить пояс, чтобы он не душил меня, я поняла, что мы еще стояли на парковке. Когда я подняла взгляд, чтобы увидеть причину, Ник глядел на меня так, словно я была незнакомкой, залезшей в его машину.

— Что? — нервно спросила я.

Ник не ответил. Он глядел, на лице застыли шок и удивление. Это было странное поведение даже для него, и я помахала ладонью перед его глазами.

— Ты в порядке?

Он вздрогнул, повернул голову и направил машину вперед, но поглядывал на меня.

— Это для Питера?

— Что для Питера?

— Это, — он махнул ладонью в перчатке в сторону моего тела. — Я думал, ты собиралась на ужин. Почему ты выглядишь так, словно пришла со свадьбы?

— О чем ты... О! — я посмотрела на дизайнерский наряд, о котором забыла в волнении. — Это не... я была в этом на ужине, но не специально. Я так одета, потому что мама выбросила всю мою одежду.

Было сложно понять в темной машине, но показалось, что Ник обрадовался.

— Так ты в этом не ради Питера?

— Пфф, ни за что, — я рассеянно потянула за шелковую блузку. — Стиль жены владельца яхт-клуба — не мое. И я бы не носила такое тут. Знаешь, как страшно ходить в дорогой ткани по Подземелью?

— Ты выглядишь так, словно просишь, чтобы тебя обворовали, — согласился Ник, еще раз посмотрел на меня и повернулся к дороге. — Красиво выглядишь, кстати.

Я удивленно улыбнулась.

— Спасибо.

— Хотя ты и обычно хорошо выглядишь, — быстро добавил Ник, решительно глядя вперед, словно добавил в шею стальной прут к остальным киберчастям. — Просто я еще не видел тебя нарядной и с макияжем. От этого ты другая. Знаешь... модная.

Я и должна была так выглядеть, ведь на мне были дизайнерские вещи суммой больше тысячи баксов, макияж на лице, но я сказала себе заткнуться и радоваться комплименту. Ник говорил такое не ради вежливости. Если он говорил, что я хорошо выглядела, он был серьезен, и это меня радовало. После напоминания матери, как я не отвечала требованиям, было приятно знать, что Ник считал меня красивой.

— Итак, — он кашлянул. — Что не могло подождать до завтра?

— Эксперименты! — радостно сказала я, открыла мешок, чтобы он увидел вещи, которые я запихала внутрь. — Я хочу проверить, насколько плохое проклятие неудачи. Я решила начать с одежды, ведь дизайнерское всегда хорошо продается.

Я вытащила телефон из сумочки, устроила на коленях и вызвала таблицу, которую набросала, пока ждала Ника.

— Я сделала список того, сколько должны стоить эти вещи, учитывая их цены в интернете, — сказала я, склоняясь, чтобы и он видел экран. — Если я сравню эти цены с тем, что получу этой ночью, я пойму, сколько мне стоит мое проклятие. Судя по тому, что я испытала за последние пять месяцев, проклятие забирает двадцать-тридцать процентов дохода, но меня интересует, как оно срезает их. Я просто получу плохих покупателей? Или споткнусь и уроню весь мешок в лужу? Вот это. И я хочу попробовать, чтобы ты продал их за меня, чтобы узнать, уменьшает ли это эффект.

Я посмотрела на Ника, чтобы понять, понимал ли он меня, но он глядел на меня, и казалось, что он старался не смеяться.

— Ты пьяна?

— Ну, да, — я сдвинула волосы — они были такими гладкими, что не хотели оставаться за ушами — с лица. — Но это не значит, что идея плохая! Мы неделю пытались обойти мое проклятие. Но, хоть ясно, что что-то происходит, я зарабатывала с тобой, и я не знаю, что и почему. Вариантов слишком много, когда Убираешь квартиру, но продажа одежды — простой обмен вещи на деньги. Не так много вариантов неудач, и если мы будем делать это снова и снова, станет понятным принцип. А когда мы поймем, как действует моя неудача, мы разберемся, как этого избежать, и я снова смогу зарабатывать!

Я закончила радостно, но Ник все еще выглядел недоверчиво.

— Тебе нужно все это делать? Ты сказала, что зарабатывала со мной.

— Но мало, — возразила я, потрясенно глядя на него. — Немного денег — лучше, чем без денег, но это не хорошо. Ты знаешь, что мы едва остаемся на плаву. Хочешь, чтобы повторился фестиваль слизней, как было сегодня?

Ник скривился.

— Справедливо, — буркнул он, вздыхая. — Откуда начнем?

Я улыбнулась ему и вызвала карту, пыталась читать записи, которые сделала во время пьяных поисков.

— Я не хочу на один из нормальных аукционов. Те здания открыты круглосуточно, но профессиональные покупатели бывают там в определенное время, а в СЗД это с восьми до пяти. В такое время на выходных там только слабаки, которые покупают у отчаявшихся. Я даже без проклятия там не получу выгоды.

— Точно, — согласился Ник. — Тогда на блошинный рынок?

Я покачала головой.

— Все большие рынки закрываются в десять. Я не хочу спешить, а цены в конце дня всегда ужасные. Я не хочу сбивать эксперимент.

— Тогда мы никуда не идем, — буркнул Ник. — Ты убрала все варианты в городе.

— Не все, — я улыбнулась. — Одно место не просто открыто, а лучше всего в это время. Я знаю, потому что посмотрела, — я повернула к нему телефон драматичным жестом. — Мы отправимся на Ночной Аукцион!

Ник ударил по тормозам так сильно, что я дернулась на сидении.

— Ай, — застонала я, потирая грудь. — Что за...

— Ты серьезно? — ладонь в перчатке сжала руль так, что я удивилась, что он не сломался. — Ты хочешь на Ночной Аукцион? Который в Рентфри?

— А есть другой? — я растерялась. — Что такое? Ночной Аукцион идеален. Там самое большое собрание независимых торговцев в городе, торговля наличными. Там можно купить и продать что угодно, и он открывается только ночью. Мы попадем в лучшее время! И я всегда хотела там побывать, так что отлично.

— Нет, — пылко сказал Ник, таким злым после Узлов я его еще не видела. — В Рентфри не ездят ради эксперимента. Это худший район в СЗД. Лучше продавать вещи в военной зоне.

— Так опасно там быть не может, — возразила я. — Там большой известный рынок. Про него была целая серия в «СЗД ближе».

— Жизнь — не программа по ТВ, — рявкнул Ник, еще крепче сжимая руль. — Ты не можешь дождаться завтра и продать это в нормальном месте?

— Нет, — я недовольно скрестила руки на груди. — Это уникальный шанс! Я не каждый день получаю полный шкаф модной одежды. Если я хочу их использовать, это

нужно сделать на самом большом рынке, чтобы я посмотрела, как работает проклятие, во всех возможных условиях. Ночной Аукцион — идеальное место, и я уже все подготовила, — я фыркнула. — Тебе не нужно идти, если не хочешь, но я туда пойду.

Последнее было пьяным бредом, но это сработало.

— Ладно, — прорычал Ник.

— Правда? — его тон говорил об обратном.

— Конечно, нет, — он хмуро глядел на дорогу, мы поменяли полосы. — Это ужасная идея, но не такая ужасная, как отпустить тебя одну.

— Почему ты против этого? — опешила я. — Мы все время ходим в плохие районы. Ты боишься Рентфри больше, чем Узлов.

— Рентфри страшнее, — сказал он, лицо было серьезным. — Узлы просто магические и странные. Рентфри полон народа, который выбрал там жить. Они куда опаснее.

В этом была доля смысла. В Рентфри не платили за аренду. Только там можно было просто прийти и жить, не нужна была плата или даже стены. Можно было подумать, что такая свобода привела бы к анархии, и в каком-то плане так было, но только так могло функционировать такое место, как Рентфри.

Если Узлы были кулисами СЗД, но Рентфри был ее шкафом с реквизитом. Туда город убирал все здания и дороги, которые не использовал или планировал передвинуть куда-то еще, но пока не нашел место. Другие части СЗД каждый месяц менялись, но здания в Рентфри менялись каждый день, иногда каждый час. Из-за этого было невозможно брать плату за место, потому что кто будет платить за комнату, которой может не быть завтра? Но, чтобы часть города не пустовала, СЗД открыла район как бесплатное место для тех, кто был не против мириться с хаосом.

В результате Рентфри стал местной версией Дикого Запада. Бесплатное жилье привлекло разных людей, от тех, кто не мог позволить плату даже в несколько долларов в месяц, до тех, кто использовал хаос как прикрытие для своих мини-королевств. Но, хоть место было известно бандами, Рентфри был Меккой для независимой торговли. Любой мог прийти в тот район и установить прилавок, так и появился самый большой рынок в городе. Там не было правил, налогов, пределов, только в том, сколько люди были готовы заплатить, и это делало Ночной Аукцион Рентфри больше всего похожим на СЗД во всем городе. Там и чаще всего убивали, похищали и использовали наркотики, потому я еще там не бывала, но теперь со мной был Ник. Я видела, как он разобрался с группой наемников одной рукой на прошлой неделе. Он точно мог выдержать несколько часов ради науки, и он был куда дороже, чем экскурсии на бронированных автобусах со стражей.

— Все будет хорошо, — я показала ему лучшую пьяную улыбку. — Это сработает отлично! Вот увидишь.

Ник хмыкнул и сосредоточился на дороге.

Я все равно улыбалась ему, держа телефон, чтобы он видел экран.

— Сибил, — бодро сказала я. — Направление на Ночной Аукцион, пожалуйста.

Долгая пауза, и потом голос ИИ зазвучал в колонке телефона:

— О, простите. Мне уже можно говорить?

Ник приподнял бровь, а я схватила телефон.

— Ты можешь прекратить? — прошипела я в микрофон.

— С чего бы? — дерзко ответила она. — Не я выключила голос разума.

— Мне жаль.

— Вот и нет, — рывкнула Сибил. — Я могу читать твои мысли, помнишь?

Я закатила глаза, и Сибил вздохнула, звук был драматичным, ведь у нее не было легких.

— Опал, — теперь ее слышала только я. — Это плохая идея, и не только из-за того, что сказал Ник. Уже поздно, день был долгим и тяжелым. И ты все еще пьяна. Не время для экспериментов с магией дракона в Рентфри!

— Бред, — сказала я. — Пьяной я боюсь меньше, и я буду спать лучше, получив ответы.

— Хоть подожди, пока твой отец вернется в Корею, — попросила она. — Seriously, он за рекой. Думаешь, он не заметит, что ты лезешь в его магию?

Я упрямо стиснула зубы.

— Если бы он не хотел, чтобы я лезла, не стоило проклинать меня.

— Это не значит, что он не заметит, — сказала Сибил. — Я рада, что ты хоть раз решила подойти к проблеме с научной точки зрения, но я думаю о твоём самочувствии. Твоя мама только что предупредила тебя, что твой папа в городе, потому что его враги знают, что у вас двоих проблемы. Рентфри опасен для обычных людей, но у тебя мишень на спине. Если тебя кто-то ищет, ты даешь им отличный шанс.

— А что еще мне делать? — злобно сказала я. — Прятаться дома? У меня дела, и я не закончу их, если буду тратить время на страх. Кстати, этого и хочет папа. Почему, думаешь, он дал маме сделать мою квартиру такой хорошей? Он хочет, чтобы я пряталась под подушками, как мышь, пока он не прилетит и заберет меня!

— Ты не ошибаешься, — сказала Сибил. — Но я должна говорить это, Опал. Твой папа заставил меня дать тебе плохой совет. Я не буду давать тебе попасть в ловушку снова, ничего не сказав.

Я улыбнулась.

— Спасибо за заботу, но я уже приняла решение.

— Знаю, — печально сказала она. — Я — твоя ИИ. Забота о тебе для меня на первом месте.

Это должно было печалить, но у меня было слишком мало друзей, чтобы переживать, что мой лучший друг был запрограммирован любить меня. Было приятно слышать голос предосторожности, даже если порой я ее приглушала. Но сейчас я решила. Сибил ощущала это, потому что показала карту Ночного Аукциона, больше ничего не сказав, показывала направление на экране моего телефона, сделав яркость максимальной, чтобы и Ник видел.

* * *

Путь в Рентфри был интереснее, чем я надеялась. Точное местоположение менялось, но район всегда был на севере города, на берегах озера Сен-Клер, прямо под Финансовым районом, части Небесных путей, которая была такой плотно населенной, что мосты стали полным потолком. Двадцать лет назад место знали как Яму, там великая волна Алгонквин впервые ударила по Детройту, утопив миллионы, сделав зону загрязнений известной призраками. Об этом даже сейчас ходило много слухов, хоть прошло восемьдесят лет. Если Яма еще существовала, СЗД давно ее спрятала. Нынче современный Рентфри был в плане призраков такой же, как остальные части города, но там было безумнее.

— Ого, — я опустила окон для лучшего вида.

Впереди нормальное Подземелье с практичными низкими бетонными зданиями под Небесными путями сменялось стеной архитектурного безумия. Здания всех стилей, высоты и состояния были собраны вместе, как детские кубики. Они склонялись друг к другу, как пьяные, порой сливались, создавая новые этажи. Некоторые были такими высокими, что

доставали до Небесных путей, их фундаменты погружались глубоко в землю, которая стала ямой, такой глубокой, что там появился свой микроклимат. Когда я опустила окно, я ощутила влажный холодный ветер, несущий запах мокрого металла и гниющего пластика из глубин.

Я еще не видела такого безумия, а я всякое видела. Но, пока я была рада поездке по такому пейзажу, Ник свернул с главной дороги на ярко освещенную полосу, обрамленную парковками, на краю Рентфри, как грибок на колодце.

— погоди, — сказала я, когда автомат дал ему билет с номером с жуткой ценой за час. — Ты платишь за парковку туристов? С ума сошел?

— Поверь, это самое дешевое место.

— Но там парковка за пять долларов, — возразила я, указывая на большую зону с машинами, которую было видно в брешах забора.

— То, что они мало берут, не значит, что там лучше, — сказал Ник, пока мы ехали к верхней части парковки. — Они могут просить всего пять долларов, потому что там машину обворуют. Сверху дороже, но это дешевле нового лобового стекла.

Я все еще считала это лишним. На дешевой парковке было много машин, и редкие выглядели взломанными, но могли такими и приехать. Но не было смысла спорить. Мне нужен был Ник, если я хотела сделать это, и он был мне нужен для всего в моей жизни в эти дни, так что я изобразила бодрую улыбку и оставила возражения при себе, пока он парковался в конце верхнего этажа, место было самым дешевым.

— Вот, — он вышел. — Теперь у нас есть убежище, куда можно убежать.

— Ты серьезно боишься этого места, да? — я схватила свой черный мешок с одеждой с заднего сидения.

— Я не боюсь, — он проверил дверь, которую уже запер. — Я осторожен. Я делал много работы в Рентфри. Я знаю, что это место нельзя недооценивать.

Я хотела спросить, воровал ли он тут или защищал машины, но не сейчас. Даже пьяной, я знала, что не стоило его злить. И я была рада побывать в Рентфри.

— Выглядит как по ТВ, — бодро сказала я, подбежав к краю этажа парковки, который был обрывом. От наклона кружилась голова, но зато отсюда было видно хаос зданий, некоторые двигались, пока я смотрела. Они были друг на друге, и это было новым для меня.

Кроме суперскребов, чей вес требовал фундамент, который тянулся на глубину, здания в Подземелье заканчивались у земли, чтобы было место для канализации и старых туннелей поездов, прочего, что СЗД прятала под поверхностью. Хотя тут строения не подчинялись такой логике или даже физике. Как в Узлах, в Рентфри все делало то, что хотело, извивалось, поднимаясь и опускаясь, тянулось между зданий.

— Круто, — я вытащила очки и надела на голову, а потом склонилась за край парковки, чтобы Сибил могла снять разлом. — Как далеко это идет?

— Везде по-разному, — Ник оттащил меня от края. — Идем. Ночной Аукцион недалеко.

— Он тоже движется? — с восторгом спросила я, мы пошли к лестнице.

— Все тут двигается, — сказал он. — Но Ночной Аукцион всегда у входа. Так проще для клиентов.

Логично. Зачем нужен большой рынок, если его никто не может найти? Моя карта не помогала. Город даже не обновлял тут дороги. Это был просто большой круг, отмеченный «Рентфри» со списком развлечений и рекламой туристических компаний, которые были

рады все показать за деньги. Некоторые цены были преступлением, и я сильнее обрадовалась, что Ник согласился пойти со мной.

— Вот, — он снял свою куртку.

Я не успела спросить, что он делал, Ник опустил куртку мне на плечи. Черная кожаная куртка была такой тяжелой, что я чуть не упала. Она была теплой от его тела, и это было бы приятно, если бы тут уже не было под тридцать градусов.

— Зачем это?

— Чтобы спрятать твой наряд, — буркнул он, снимая перчатки, ведь не было смысла скрывать ладонь, когда вся фальшивая рука была на виду ниже короткого рукава черной футболки. — Ты просто просишь, чтобы тебя похитили, в этом наряде.

Дизайнерский шелк выделялся. Тротуар перед парковкой был полон туристов с футболками СЗД, смешными сумками и бутылками воды, ждущими начала экскурсии. Я же выглядела так, словно свалилась с Небесных Путьей, что было иронично, ведь туристы отдали за билеты больше денег, чем у меня было. И все же было плохо, когда выглядел богато, когда пытался продать вещи, так что я послушно просунула руки в куртку Ника и застегнула ее, надеясь, что не вспотею, пока мы шли под высокой аркой из обломков металла — официальным входом в Рентфри.

Перед глазами замелькала реклама, когда мы пересекли линию. Я даже не надела очки, но это было не важно. Контакты маны, которые использовала Сибил, чтобы мне шептать, ловили рекламу. Ее было так много, что я остановилась и отогнала все это, чтобы не свалиться в дождевую канализацию. Реклама была обычной — бары с наркотиками, игорные заведения, секс-отели, прочее — но была и уникальная для Рентфри.

— Что за ферма мозга? — спросила я у Ника, пока Сибил искала блокировщик рекламы, который мог заткнуть поток рекламы, не выводя меня в офлайн.

— То, что слышится, — ответил он, взгляд скользил по громкой толпе туристов и местных промоутеров, окруживших их, как мухи. — Это комната, полная кроватей, где ты ложишься и погружаешься в кому, чтобы другие использовали твой мозг через интернет. Как облако на компьютере, но с людьми вместо серверов. Популярно у тех, кто сделал себе мозговой имплантат.

Я уставилась на него в ужасе.

— Зачем такое делать?

— Потому что переключение цикла восстановления мозга на кого-то еще означает, что тебе не нужно спать.

— Нет, — я покачала головой. — Зачем продавать свой мозг другим людям?

— Потому что за это платят за каждый час, и тебе нужно просто лежать там, — он пожал плечами. — Это неплохой вариант, когда нужны наличные, а ты ничего не делаешь мозгом.

Я была в ужасе. Одно дело продавать тело другим — люди так делали с начала времен — но продавать мозг? От одной мысли было страшно и любопытно.

— И ты видишь сны других людей, или люди платят, чтобы видеть твои сны?

— Не знаю, — сказал Ник. — Часть контракта — что ты не помнишь ничего, что происходит, пока ты на ферме, и у меня в голове нет имплантатов, так что я не пробовал это со стороны покупателя.

Фраза привлекла мое внимание.

— Ты пробовал это с другой стороны?

Ник опустил плечи и шагал, заставив меня поспешить за ним.

Я решила перестать задавать вопросы после этого. Рентфри был интересным местом без издевательств над напарником. Как многие знаменитые места Подземелья, первые несколько улиц были чистой ловушкой для туристов. Все было ярко озарено неонами, обещающим все виды развлечений от выпивки и еды до секса и спа, где можно было расслабиться в сенсорном резервуаре.

Главным отличием Рентфри от традиционных зон для туристов, как центр Второго Возрождения, было то, что все торговцы и промоутеры тут лезли в лицо. Не в мое, к счастью, потому что Ник почти наступал мне на пятки, прижимая ладонь к пистолету в кобуре на плече, который был на виду, ведь он отдал мне куртку, но атмосфера была накаленной. Даже если они боялись подходить ко мне, мы привлекали много внимания, наверное, потому что я выглядела так, словно у меня были деньги. Куртка Ника была большой для меня, но не скрывала юбку или каблук. Мы смотрелись как богатая леди и ее телохранитель, что было неплохо, когда пытался продать дизайнерские наряды, но и бросалось в глаза. Нику не нравилось внимание, но мне нравились взгляды. Это не давало людям врезаться в меня, и я могла рассматривать пейзаж.

Я ошибалась раньше. Тут было лучше, чем выглядело по телевизору. Камеры просто не могли передать глубину трещины, созданной городом, над которой мы шли по тонкой полосе дороги, которая даже не считалась мостом. Это было как лоза в джунглях из асфальта. Нас окружали безумно наклоненные здания, похожие на скалы, их лица в окнах поднимались почти на сто футов к Небесным путям и опускались почти на тысячу футов в яму. Безумные строения были собраны, как ящики с грузом, но они двигались, как блоки дженги, покидали башни и присоединялись с постоянным низким гулом. Пока я смотрела, офисное здание пропало, оставив большую дыру в стене зданий, и через пару минут ее занял кирпичный многоквартирный дом.

Некоторые здания изначально были без электричества. Широкая сеть проводов покрывала их, как паутина, тонкие оранжевые, белые и черные линии тянулись в каждое окно, питали квартиры сотен тысяч жителей. Даже без бремени платы за аренду я не знала, как кто-то жил в постоянно движущихся зданиях, но их было много. Куда бы я ни смотрела, люди устраивались в пустых квартирах и офисах, порой веревочные лестницы тянулись из окон, создавая дороги над постоянно движущейся стеной зданий.

Это было безумно, но меня радовало, что Рентфри был не скоплением палаток для бездомных. В программах любили показывать страдания, но некоторые комнаты, насколько было видно в окнах, были с телевизорами и диванами, как в квартирах обычных работников. А далеко внизу было крупное круглое строение.

— Что там? — спросила я у Ника, склоняясь над проволокой, которую кто-то добрый сплел по краю моста, чтобы туристы не разбивались. — Похоже на стадион.

— Это Арена Игры, — ответил Ник, прижимая ладонь к воротнику моей куртки. — Там проводят бои, а люди делают ставки. Кроме Ночного Аукциона, туда приходит больше всего людей.

Мои глаза расширились. Я слышала об арене — точнее, видела рекламу о боях, которые можно посмотреть платно и сделать ставки на жизнь — но я не понимала, что размер был таким. И что место было популярным. Теперь, глядя туда, я заметила, что многие группы туристов направлялись к стене соединенных лифтов, где промоутеры махали табличками с рекламой боя между парнем и чем-то, похожим на танк с бензопилами.

— Похоже, там будет шоу.

— Это привлекает зевак, — Ник потянул меня за воротник, как за поводок. — Ты можешь отойти от края? Падать далеко, а ты еще пьяна.

Я вздохнула и дала ему увести меня, напоминая, что времени на любованиe. Этой ночью у меня была миссия, и наша цель быстро приближалась.

Ночной Аукцион был на парковке. Семь этажей. Как все тут, он был покрыт проводами и полон людей. Пахло чудесно. Мы приблизились, и я поняла, почему. Весь первый этаж был в прилавках с едой, такой жареной, что это мог быть картон, но никто не понял бы. Это был Рентфри, так что это мог быть картон, но пахло вкусно. Я уже подумывала что-нибудь попробовать, но Ник схватил меня за руку и оттащил.

— Какой план?

Отвернувшись от вкусных прилавков, вздыхая, я вытащила телефон и сверилась со списком цен.

— Начнем с основы, — я порылась в мешке и достала три почти одинаковых черных платья, которые я выбрала для эксперимента. — Я продам это и сравню цены, чтобы понять, насколько они отличаются от ожидаемой цены. Как только я получу данные, я попытаюсь продать что-то как можно дороже. Я хочу подтолкнуть проклятие. И я хотела бы, чтобы ты продал кое-что за меня, чтобы посмотреть, повлияет ли это на цену. И я дам тебе продать кое-что с пониманием, что ты оставишь деньги себе.

Ник нахмурился.

— Почему?

— Я хочу посмотреть, влияет проклятие на транзакции с моим участием или только на те, от которых я получаю доход, — объяснила я. — Я пытаюсь понять, понимает ли проклятие намерения, или оно просто вливается во все, с чем я вступаю в контакт. Мы должны понять, как с этим работать.

— Звучит неплохо, — Ник взял мой мешок. — Веди.

Я благодарно улыбнулась и пошла так быстро, как позволяли каблукы, ко второму этажу рынка-парковки, где я уже видела кучу торговцев с поношенной одеждой, выстроившихся на месте машин.

Первые три платья должны были стать проверкой, и я продала их без торга, получила ожидаемо низкие результаты. Ни один не был близко к цене в интернете, но я пока не расстраивалась. Это был блошинный рынок. Все тут зарабатывали за счет других. Для первой настоящей попытки я выбрала мишень осторожнее, остановилась на китайце средних лет, чей прилавок был обклеен плакатами невозможно красивых идолов из Кореи, Японии и Китая. В колонках играла песня на кантонском диалекте, который я знала куда лучше мандаринский, так что я решила использовать шанс и подойти.

— Здравствуйте, сэр, — сказала я на том же языке, хлопая ресницами. — У вас отличный вкус в музыке! В остальном у вас тоже хороший вкус?

Хорошо, что я была пьяна. Я не смогла бы произнести такое трезвой, но это сработало как магия. Торговец тут же бросил группу подростков, на которых смотрел с подозрением, подошел и улыбнулся мне. Мы быстро и игриво обсудили поп-группы, а потом я стала спрашивать, сколько он хотел заплатить за кружевную юбку, оставленную мамой в шкафу, которая была почти сексуальной. Я думала, она продается хорошо, но от его варианта я опешила.

— Серьезно? — я перестала говорить игривым тоном, который использовала до

этого. — Это меньше половины стоимости!

— Потому что тут пятно, — виновато сказал торговец, повернул юбку и показал черное пятнышко, которого не было, когда я сунула ее в мешок. — Я делаю тебе одолжение, кроха.

Я стиснула зубы. Я не знала, что это было за пятно, но его точно не отстирать с бледно-розового кружева. Я добавила очарования, пытаюсь спасти ситуацию, но мужчина был непреклонен. Пришлось взять, что он предлагал, мрачно убрать деньги в кошелек, пока я уходила прочь.

— Это был кошмар, — прошипела я Нику, когда толпа проглотила нас снова. — Там точно не было пятна!

— Как скажешь, — он смотрел на людей, проходящих мимо нас, с опаской. — Я не мог понять ни слова. Сколько языков ты знаешь?

— Корейский, английский и кантонский свободно, мандаринский и японский для разговоров, французский — ужасно, — последний был от мамы. Она считала, что юной леди подобало знать французский. Я считала это пыткой.

Ник был впечатлен.

— Где ты всему этому научилась?

— Папа много путешествовал. Его основной замок в Сеуле, но он бывает в США и Гонконге по несколько месяцев каждый год по делам. Как его смертные, мы следовали за ним, и мама убедилась, что я могла говорить хорошо, чтобы не позорить его.

— Тебя учила мама? — он был искренне заинтересован. — А школа?

— А что она? — с горечью сказала я. — Я была Опалом Ёна, его вещью, а не ребенком. Ты не отправляешь камень в школу.

— Но тебе нужно было учиться, — Ник придвинулся ближе, чтобы нетерпеливая толпа не разлучила нас. — Откуда тогда ты столько знаешь?

Я пожала плечами.

— У меня были учителя магии, но мама отвечала за мое образование. Конечно, раз меня растили, чтобы служить дракону, «образование» означало этикет, политику драконов, и как опознать, произнести и оценить роскошные вещи. Все полезное, как математика и история, я изучала сама.

— Ты сама себя учила? — Ник был потрясен.

— Интернет — чудесное изобретение, — тепло сказала я.

Он все еще был потрясен.

— Как ты попала в колледж?

— Деньги могут провести всюду, — ответила я с самоуничижительной улыбкой. — Папа купил мне место в лучшей школе искусств в Сеуле, что забавно, потому что сначала он был против. Маме понравилась идея. Она убедила Великого Ёна, что я буду спокойнее, если дать мне немного свободы.

И это сработало не так, как они хотели. Родители поспорили, что я поеду в колледж, испугаюсь новых людей и ответственности и побегу домой, чтобы больше не уходить. Но я потеряла девственность с корейским актером, закатила вечеринку, от которой пострадала моя квартира в Каннам и нечаянно отправилась отдыхать в Египет за одну неделю. Я была в ударе, по крайней мере, пока папа не появился и не оттащил меня домой. Если подумать, я вела себя безумно, но такое бывало, когда человека держали взаперти в замке дракона все детство.

— Вы с твоим папой когда-то ладили? — спросил Ник. — Не хочу задевать за больное,

но звучит так, словно вы все время боролись.

— Не всегда, — сказала я. — Мы ладили, пока я была маленькой. А потом я выросла и поняла, что «щенок» не было комплиментом.

От мыслей об этом я опечалилась. Было сложно поверить в нашем состоянии сейчас, но не так давно я любила папу всем сердцем. Любила как дочь, какой они все притворялись, что я была. Потому что я не притворялась. А он, к сожалению, играл. Когда я поняла, что лишь развлекала его, была игрушкой, которой он отвлекался от скуки бессмертия, все изменилось.

— Давай продолжим, — я вытащила следующую вещь — пиджак голубого цвета с перьями страуса — из мешка. — Хочешь попытаться продать?

— Давай, — Ник забрал деликатную вещь из моих пальцев. — Только бы не пришлось кому-то хлопать ресницами.

— Это может помочь.

Он покачал головой и прошел к следующему прилавку, оставив меня надеяться за ним, пока он торговался.

* * *

Ночь становилась все хуже после этого.

Я все ненавидела, так что принесла все вещи из шкафа, почти пятьдесят предметов. Вещи, который я продавала сама, ушли хуже, чем ожидалось, и это злилось, потому что я старалась. Но, как бы я ни заигрывала, как бы ни хитрила с торговцами, ни одна вещь из мешка не ушла дороже пятидесяти процентов примерной стоимости. Хуже было то, что эти пятьдесят процентов я теряла по-разному.

Из двадцати предметов, которые я продала сама — все разным торговцам — каждый провалился в уникальном стиле. Одна юбка была с дефектом, который я не замечала, пока торговец не показал. Пара черных туфель на каблуках была слишком похожей на пиратскую копию, и торговец не поверил, что они были подлинными. Парень врезался в меня, жуя картошку фри, и жир попал на розовые брюки. За одним прилавком уже было пять таких же бежевых блузок, и они не продавались, так что другие торговцы не хотели покупать мою. И так далее. Каждое поражение было с разной причиной, но результат был один: я получала половину того, что должна была, и ничто это не меняло.

У Ника дела были чуть лучше. Он страдал от тех же случайных проблем, но его потери были около сорока пяти процентов. И это не менялось, когда он продавал вещи от меня или от себя, так что одного моего присутствия хватало, чтобы понизить доход. Мы уже поняли это по нескольким разам, когда я пыталась помочь Нику продать добычу с Уборки, потому теперь он ходил продавать все один, но было ужасно и поразительно смотреть на проклятие в действии. Поразительно и кошмарно.

— Я не понимаю, — сказала я в тысячный раз. — Каждый раз что-то другое! Нет закономерности, но так не может быть. Даже у проклятий есть правила, что-то, что говорит магии делать X в случае Y. Но я не вижу логики! Он словно подкупил вселенную, чтобы моя жизнь стала на пятьдесят процентов ужаснее!

Ник рассеянно кивнул, но он не слушал. Он был занят, оглядываясь, постоянно хмурясь, рассматривая толпу за нами, которая была уже не такой густой, как когда мы пришли. Было уже за полночь, и даже на Ночном Аукционе люди шли по домам. Главная дорога, ведущая на этажи парковки, которая была полна людей час назад, и мы с трудом там шли, теперь была достаточно пустой, чтобы легко идти бок о бок, пока мы спускались к первому этажу.

Торговцы собирали вещи в коробки, чтобы отнести их домой на хранение до завтра. Вещи, которые нельзя было легко перенести, отмечали для быстрой продажи. Один торговец срезал цену на ретро-холодильник, пока я шла мимо. Как только я увидела новую цену, инстинкты закричали мне купить его. Классику хорошо удавалось продать, и я знала, кто хорошо платил за такой оттенок желтого. Передо мной были легкие деньги, но я не посмела коснуться их. Я уже столько раз страдала, что ощущала, как проклятие папы скользило по моей магии. Это было не больше тени, но проклятие ожидало. Я не знала, чего. И я не знала, как это остановить.

— Агх! — застонала я, топая впереди, чтобы не видеть, как кто-то покупает холодильник, который должен быть моим. — Это так глупо! Как избежать проклятия, которое обрекает меня по-разному каждый раз?

— Может, проблема не в продаже? — Ник догнал меня. — Ты еще не пыталась зарабатывать деньги другими способами. Как насчет зарплаты? Если я буду платить тебе четкую сумму каждый месяц, проклятие сможет этому навредить? Найдет способ помешать мне платить тебе?

— Я не знаю, — я посмотрела на него. — Ты бы так сделал?

— Да, если так можно обойти проклятие, — Ник нахмурился. — Я теряю на этом сорок пять процентов, не забывай.

Я скривилась.

— Прости.

— Я тебя не виню, — быстро сказал он. — Но если я могу перестать терять половину денег без причины, было бы отлично. Просто подумай, сколько мы получали бы, если бы не теряли каждый раз большой кусок денег.

— Поверь, я думала об этом, — я провела пальцами сквозь волосы, которые теперь были потными, а не блестящими. Тут было ужасно жарко, хотя холодный ветер дул из глубин, и в тяжелой куртке Ника я варилась. И я достаточно протрезвела, чтобы перейти к похмелью, а это не помогало. — Можно попробовать зарплату, — я потерла ладонями гудящую голову. — Но я не знаю, сработает ли это. Я ничего не знаю. Потому так злюсь. Все эти продажи должны были показать пределы силы проклятия, но я смогла лишь продать целый шкаф новой дизайнерской одежды, которую еще не носили, по цене ношенных футболок!

— Я думал, дело было не в деньгах, — сказал Ник.

— Это не значит, что я рада их терять! — закричала я, прижимая пальцы к глазам. Или это, или рыдать от злости. — Я узнала сегодня, что проклятие издевается над нами сильнее, чем я думала. Мы оба так обанкротимся.

Я притихла, чтобы Ник сказал, что он не обанкротится, и все будет хорошо, как он сказал ранее. Он молчал в этот раз, от этого мне было хуже. Я хотела предложить пойти домой, пока я не расстроилась сильнее, но Ник сжал мою руку.

— А если деньги вовсе не вовлечены?

Я нахмурилась, не понимая.

— Твое проклятие забирает пятьдесят процентов денег, которые ты получаешь, да? — сказал Ник, серые глаза радостно сверкали. — А если продавать не за деньги?

— Как бартер?

Ник быстро кивнул.

— Если ты берешь холодильник за тысячу долларов и меняешь на телевизор, который

стоит тысячу долларов, проклятие может это испортить? Разрежет телевизор пополам?

— Н-не знаю, — сказала я, а потом улыбнулась. — Давай попробуем.

Ник улыбнулся, и мы развернулись, побежали среди пьяных, поющих песни за кебабами, пирожками и корн-догами у прилавков с едой, которые не собирались освободить первый этаж Ночного Аукциона. Когда мы вернулись к торговцам одеждой, я поняла, что мне было нечем торговать.

— Я сделаю, — Ник вытащил кошелек, не дав мне сказать, что не так.

— Уверен? — нервно спросила я. — Я уже дорого тебе стоила.

— Я сейчас заработал, — сказал он. — Я хочу посмотреть, сработает ли это, как и ты. Что хочешь обменять?

После обсуждения и анализа прилавков мы выбрали нож за тридцать долларов. Он был новым, в коробке, такое всегда требовалось, и я решила, что шансы убедить кого-то обменяться были высокими. Нику все равно нужен был нож, так что, если мы не сможем его продать, потери были небольшими. В обычных обстоятельствах я бы назвала это безопасной ставкой, но я теряла деньги на таком всю ночь, так что сердце колотилось, пока я несла новый нож на этаж выше к новым торговцам, чтобы начать торг.

Я начала с первого прилавка. Я не знала, было дело в проклятии, или леди там не понравилось мое лицо, потому что я едва открыла рот, и она отмахнулась. За вторым столом парень, что иронично, продавал все, связанное с драконами. У него были книги с автографами Бетезды, королевы кланы Хартстрайкер, и прочие вещи от драконов, которые были ценнее, чем в магазине сувениров при посольстве Дракона. Тут были плакаты Белой Ведьмы и ее красивых сестер, жуткого вида соусы, которые, наверное, хорошо принимали люди, даже сияющие диски, которые он назвал чешуей дракона. Это, конечно, не была чешуя. Я не знала, из чего они были сделаны, но ни один дракон не оставил бы частички себя для смертных, особенно, чтобы их потом продавали.

Но, хоть чешуя была подделкой, остальное выглядело прилично. Вещи драконов всегда надежно покупали, особенно в СЗД, где было много драконов. Как и многие торговцы тут, он продавал и другое, и я спросила, интересовал ли его мой нож. К моему удивлению, он отозвался, и я получила стопку плакатов, что разыскивался тридцатилетний дракон, изданные бывшей службой Анти-дракон при Алгонквин. Один даже был с автографом известного охотника на драконов Ванна Йегера, это делало плакат исторически значимым.

«Цена в интернете: сорок пять долларов за все».

— Черт, — шепнула я, когда Сибил назвала цену. — Черт, — я посмотрела на Ника. — Я заработала деньги.

— Заработала, — согласился он, широко улыбаясь.

— Я заработала! — закричала я так громко, что вся толпа обернулась ко мне недовольно, но я была занята, обнимая Ника и подпрыгивая. — Сработало! Ура! Мы это сделали! Мы сломали...

Я застыла так резко, что ударилась лбом об металлическую грудь Ника.

— Постой, не сработало.

— О чем ты? — спросил Ник. — У тебя доход впервые за месяцы.

— Нет, не вышло, — я потрянула стопкой плакатов. — Это не доход, это больше вещей. Я не могу платить папе плакатами, а если я попытаюсь их продать, получу только двадцать два доллара и пятьдесят центов, а не сорок пять. Это меньше, чем нож, и я все равно потеряю деньги.

— Можно попытаться обменять плакаты на что-нибудь ценнее, — предложил Ник.

— Это тоже не сработает, — отчаялась я. — Мне повезло, я нашла хорошую сделку, но не могу рассчитывать на это всякий раз. Даже если бы я была королевой обмана, мне пришлось бы все продавать вдвое дороже, чтобы побороть проклятие в пятьдесят процентов, а этого не будет. Это не сработает.

Ник нахмурился, и я ощутила себя ужасно за то, что расстроила его, что было глупо, ведь это я пострадала. Я думала, что победила проклятие, но, хоть было приятно, что хоть что-то сработало, не могла пробиться, когда с наличных срезало пятьдесят процентов...

Я застыла, глаза расширились.

— погоди, — я сжала плакаты. — Пстой-пстой.

Ник терпеливо скрестил руки на груди, а я развернулась, разглядывая столы, пока не нашла тот, который был мне нужен. Прижав ценную добычу к груди, я подбежала к прилавку, где крупная леди продавала косметику, украшения для волос и подержанные украшения. Искала я долго, но обнаружила серьгу без пары со скидкой, сканер Сибил показал, что это было то, что я искала. Пришлось дольше уговаривать женщину продать ее мне, но я уже торговалась на полную катушку, возвела историческую и денежную ценность моих плакатов до Небесных путей. Наконец, моя страсть к короткой, но странной истории СЗД победила, и я ушла с серьгой в горячих ладошках. Когда я показала Нику приз, он не был впечатлен.

— Что ты будешь делать с одной серьгой? — спросил он, хмуро глядя на золотой гвоздик в моей ладони. — Она даже не интересная. Просто шарик.

— Шарик золота в четырнадцать каратов, — заявила я, крутя гвоздик, чтобы он увидел крохотное 14к сзади. — Весит примерно два грамма, это один грамм золота, если убрать вес других металлов, которые они добавляют, чтобы сделать серьгу тверже. А на рынке нынче один грамм золота стоит... — я сделала паузу, чтобы Сибил подсказала. — Тридцать восемь долларов.

— Ладно, — Ник заинтересовался сильнее. — Это меньше, чем цена плакатов, но больше, чем нож, так что доход есть.

— И это не все, — мой голос дрожал от предвкушения. — Не видишь? Ты был прав. Проклятие бьет, когда я пытаюсь заработать деньги, валюту. Но золото — не деньги. Это украшение, и это не пострадало, но у него точная стоимость. Это не продажа одежды или прочих вещей, где нужно торговаться. За грамм определена цена, которой следует весь мир. На цену влияют рынки золота, конечно, но такое не изменить одному человеку.

Я покачала пальцами, сжимающими серьгу.

— Судя по нынешней цене золота, этот гвоздик стоит не меньше тридцати восьми долларов. По правилам проклятия я должна смочь продать его всего за пятьдесят процентов, около девятнадцати долларов. Но это золото, и цена за него будет такой, только если цена всего золота рухнет на пятьдесят процентов, а это обвалит рынок.

Ник в ужасе отпрянул.

— Проклятие может это сделать?

— Не знаю! — радостно сказала я. — В этом и вопрос. Что сильнее: магия моего папы или международный рынок? Я не знаю, что произойдет, но я видела на этаж выше парня, скупающего золото, так что я выясню.

Я развернулась и побежала вверх. Ник следовал за моими каблуками, легко успевал, ведь я шаталась в неудобной обуви. Ноги уже убивали меня, но это не замедлило меня, пока

я неслась к прилавку, который заметила ранее, молясь всем, кто слушал, чтобы там еще было открыто.

Удача хоть раз была на моей стороне. Я добралась до прилавка с вывеской «КУПЛЮ ЗОЛОТО ЗА \$», когда мужчина внутри собирался опускать жалюзи.

— Стойте! — я сунула ладонь под металлическую решетку, не дав ее закрыть. — Я хочу продать золото!

Я, наверное, выглядела безумно, потому что тощий, похожий на птицу мужчина вздохнул мучительно и поднял решетку.

— Что у вас?

Я показала ему крохотную серьгу, и отвращение на его лице усилилось.

— Серьезно?

— У вас вывеска «Куплю золото», — я опустила другую руку на прилавок, чтобы он не закрыл его передо мной. — Не уточняется размер.

— Ты понимаешь, что закрытие через две минуты? — сказал он, а потом заметил Ника за мной. — Но я смогу вас принять.

Я улыбнулась худому мужчине, а он сел на стул и вытащил телефон, где был тот же сканер, как у меня. Как только он убедился, что серьга была из золота, он опустил ее на цифровые весы.

— Два грамма, четырнадцать карат, — он повернул экран весов, чтобы и я это видела. — Это один и семь грамма чистого золота. Сейчас это стоит...

Он оглянулся на заднюю стену прилавка, где на ослепительно ярком экране было видно цену с рынка золота в настоящем времени. Когда он опустил серьгу на весы, цена сила такой же, как Сибил показывала ранее: \$38.02 за грамм. Как только он сказал, что заплатит мне, экран будто обезумел.

Торговец чуть не упал со стула. Он выпрямился, ругаясь, пот катился по щекам, а график рынка золота стал падать. Я затаила дыхание, смотрела, как цифры падали. Пять ужасных секунд сияющая линия падала, как стрела. А потом падение резко остановилось, и график стабилизировался, остановился на \$36.10.

— Ого-го, — парень вытер лицо бумажной салфеткой из стопки за ним. — Падение на пять процентов! — он повернулся ко мне и судорожно выдохнул. — Ты по пути потревожила могилы?

— Нет, — я кивнула на экран. — Так вы заплатите мне столько? Потому что цена была выше, когда я пришла.

Мужчина скривился сильнее, и он указал за плечо на табличку от руки над экраном, где значилось «РЫНОК ВСЕГДА ПРАВ».

— Ладно, — я подняла руки. — Тогда тридцать шесть баксов.

Бормоча под нос, мужчина открыл кассу и стал отсчитывать оплату. Получилось тридцать два доллара, он взял себе процент. Мне было все равно. Я схватила тридцать два бакса, словно это был Священный Грааль, зашуршала купюрами в дрожащих руках, вытащила три десятки и отдала Нику.

— Это за нож, — я подняла две оставшиеся смятые купюры. Мои прекрасные драгоценные два доллара дохода. — А это мне.

Ник широко улыбнулся. Я тоже улыбнулась, а потом засмеялась. Парень за прилавком с золотом смотрел на меня, как на сумасшедшую, но это стоило капли безумия. Я заработала два доллара. Больше нуля! Этого было мало даже по моим низким стандартам, но

количество не имело значения. То, что эти два доллара существовали, означало, что я могла разбить мир. Я все еще смеялась, когда телефон дико задрожал в руке.

Я была слишком радостная, чтобы осторожничать, ответила на звонок, не думая, подняла телефон к уху и ответила нараспев:

— Алло!

— Что ты только что сделала?

Моя кровь похолодела. Голос в динамике был рычащим и искаженным, но я узнала бы его всюду. Это был голос папы, и он был в ярости. Эха его голоса в телефоне хватило, чтобы я сжалась, словно он был передо мной. Дальше захотелось извиниться, молить о прощении, чтобы он перестал рычать. «Прости» было на языке, но разум подавил ужас, и я пришла в себя.

— Не знаю, пап, — раздраженно сказала я. — А что я сделала?

Великий Ён помедлил, а потом выдохнул так, что я ощущала дым через телефон.

— Больше так не делай.

— Почему? — мое сердце колотилось. Я еще так не общалась с отцом, и трепет от маленькой победы наполнил тело огнем. — Ты это ощутил? Я попала?

Рычание стало громче.

— Не играй в это со мной, Опал.

— Ты это начал, — напомнила я. — Все было хорошо и справедливо, пока ты не решил сжульничать.

— Не смей обвинять меня, — прорычал он, голос был таким злым, что я надеялась, что он не был рядом с чем-то воспламеняющимся. — Эта ситуация — твоя вина. Долг — твоя идея.

— Потому что только так ты можешь меня отпустить! — закричала я на него. — Это ты загнал меня в угол. Если не нравится, что я делаю, можешь остановиться.

— Не льсти себе, — отозвался Ён. — Это ничего не меняет.

— Думаю, меняет, — я улыбнулась. — Ты позвонил мне, помнишь? Ты снизошел, значит, это многое меняет.

Отец в ответ зашипел и сменил тему, от этого я улыбнулась сильнее.

— Почему ты так отпираешься? Ты борешься за жизнь, которую не хочешь.

— Ты не знаешь, чего я хочу.

— Я знаю, что ты не хочешь быть Уборщицей, — в его голосе было отвращение. — Работать с преступником, рыться в мусоре в гадком городе. Это не твое будущее.

— Не тебе это говорить, — рявкнула я. — Ты даже не пытаешься ничего узнать обо мне. Ты даже не знаешь, какую мебель я люблю!

— Думаешь, я так утруждался бы, если бы мне было все равно? — парировал он. — Ты — моя Опал! Я создал тебя, вырастил, учил и защищал. Никто не ценит тебя больше меня!

— Я — не камень! — заорала я. — Я — человек!

— Хватит! — взревел Ён. — Мне надоело потакать тебе.

— Ты ни в чем мне не потакаешь, — напомнила я. — Я побеждаю. Я поняла, как одолеть твое мелкое проклятие, и я отплачу тебе так, что никто больше не скажет, что я принадлежу тебе.

— Посмотрим, — прорычал отец. — Условия твоего займа изменились. Я хочу полную оплату к концу месяца.

Сердце билось в горле.

— Ты так не можешь.

— Моя щедрость позволяла тебе платить, — едко сказал он. — Но ты ясно дала понять, что не ценишь мои подарки, так что я не вижу повода и дальше их дарить. Конечно, если вернешься домой, тебе ничего не нужно платить. Или ты можешь биться об стену, пока не проиграешь. Тебе выбирать, но ты вернешься ко мне, Опал. Конец обсуждения.

— Обсуждения работают не так! — закричала я, но он уже бросил трубку, я тяжело дышала в экран с надписью «конец вызова». — Козел!

— Похоже, все прошло плохо, — сухо отметил Ник.

— Да ну его! — заорала я, убирая телефон в сумку. — Идем зарабатывать деньги. Я запихаю долг ему в горло.

— Эй, — Ник сжал мои плечи. — Опал, час ночи.

Я вырвалась из его хватки.

— И? Это СЗД. Работа есть всегда.

— Не такая, какую ты хочешь, — он посмотрел на меня с пониманием. — Я понимаю, что ты хочешь использовать шанс, но мы работали с рассвета. Шансов будет больше, если ты отдохнешь.

— Послушай его! — закричала Сибил из сумки. — Он прав!

Я знала это, но мне не нравилось это слышать. Я хотела сейчас чемодан, полный золота, чтобы бросить им в лицо отца. Но, хоть дух желал, плоть не справлялась. У меня было похмелье, ноги гудели, желудок мутило от алкоголя и жареного мяса. Даже моя магия снова бушевала, и это было обидно, ведь я старалась не использовать ее. Но реальность не была справедливой, и холодная правда была в том, что мне нужно было присесть, пока я не упала.

Ник тоже это знал. Он ничего не говорил, просто протянул руку. Жест был джентльменским и снисходительным, но я знала Ника достаточно, чтобы понимать, что он не это имел в виду. Он поступал практично. Теперь радость от победы над проклятием растаяла, и я быстро вернулась в оболочку человека. Мне нужно было спать, попить воды и больше не пить столько пива. И мне нужно было за что-то держаться, чтобы не упасть на лицо, и его уверенная рука подходила.

— Прости, что я — обуза, — пробормотала я, сжимая его обеими ладонями.

— Ты — не бремя.

Если учесть, что он поддерживал половину моего веса, это было неправдой, но я устала спорить. Я была рада, что ноги могли отдохнуть после ночи бега на каблуках. Я не могла поверить, что носила эти орудия пыток каждый день. Качая головой, я прильнула к Нику, пока мы спускались. Мы почти добрались до двери, когда что-то твердое и воняющее дымом и грязным бельем врезалось в мой бок. Я охнула от удара, а потом меня оттолкнули, женщина — источник запаха — вылетела из толпы и обвила руками Ника.

Глава 4

Я отреагировала раньше, чем подумала, вытащила магию из воздуха, а это было ужасно больно. Боль была такой, что пришлось остановиться и дышать, а это было хорошо, потому что женщина не нападала на Ника. Она обнимала его, сжимая шею, визжа:

— Никки!

— Эй, Мэгги, — сказал Ник не с таким энтузиазмом.

— Давно не виделись! — завопила она, отпуская его, чтобы осмотреть. — Когда ты вернулся?

— Я не вернулся, — ответил он, намеренно не глядя в мою сторону. — Просто прохожу мимо.

— О-о-о, ясно, — Мэгги повернулась и оскалилась, глядя на меня, несмотря на старания Ника. — Твоя новая девушка выглядит хорошо и дорого. Как ты такое смог позволить? Слышала, ты был теперь Уборщиком.

Я моргнула, меня так потрясал натиск из слов, что я не успевала обидеться. Она сосредоточилась на мне, и я увидела, что Мэгги была младше, чем я думала. Я решила, что ей было за тридцать, но она выглядела моего возраста, может, даже младше. Было сложно понять с ее худобой. Ее кожа была бледной, как чешуя пещерной рыбы, словно она никогда не видела солнце, а тонкие руки были в следах игл от наркотиков из торговых автоматов. Ее макияж был удивительно неплохим, хотя она перегнула с красной помадой, но подведенные глаза были расширенными, дергающимися, а волосы, казалось, никогда не мыли. Ее футболка и узкие джинсы были грязными, ткань затвердела и воняла множеством дней носки. Хотя качество было неплохим. Она выглядела как классический наркоман СЗД, но висела на Нике, словно они были друзьями детства. Или бывшими возлюбленными.

— Скажи, — сказала Мэгги, ее расширенные глаза сверкнули, она повернулась к Нику и улыбнулась. — Ищешь работу? У меня есть работа, а новые идиоты не могут с ней справиться. Я была бы рада, если бы вернулся мой старый Злой Пес. Только получила кое-что по твоей части. Классическая и легкая работа. Что скажешь? Хочешь заработать денег?

Я встрепенулась от слова «деньги», но Ник помрачнел.

— Спасибо, но не надо, — он отцепил ладони Мэгги от своей футболки. — У меня уже есть работа.

— О, ладно тебе, Никки, не будь таким, — взмолилась она, высвободила пальцы из его хватки и сжала его плечи. — Никто, оставшийся в этой дыре, не может того, что ты делал. Как только разнесется слух, что Злой Пес вернулся, работа полетит к нам. Мы будем на коне! Как можно отказываться? Ты же говоришь, что ты всегда продаешься?

— Не в этот раз, — напряженно сказал Ник, снова убирая с себя ее руки. — Я не работаю на тебя, Мэгги. Хватит просить.

На миг она выглядела обиженной его отказом. А потом улыбка вернулась, и она подняла руки.

— Конечно, друг, конечно, — она попятилась. — Ты не хочешь быть богатым, твое право. Я просто рада, что ты неплохо выглядишь. Ты знаешь, как найти меня, если ты передумаешь. А до этого — хорошей жизни.

Она ушла, пропала в толпе так же резко, как появилась. Я все еще пыталась понять, как она это сделала, когда Ник сжал мою ладонь и пошел к выходу так быстро, что почти бежал.

— Ого, — я едва успевала. — Что такое?

— Нужно уходить, — сказал Ник, его серые глаза смотрели по сторонам, пока он вел меня к мосту.

— Почему? — я оглянулась туда, где была Мэгги. — Это не была твоя подруга?

— Тут нет друзей, — мрачно сказал Ник. — Мэгги — фиксер.

— Как Коффман?

— Да, но уровень ее клиентов ниже, — он направил нас к середине дороги, рассек

группу туристов, словно использовал их тела в футболках и штанах как прикрытие. — Она вела себя хорошо, потому что хотела заработать со мной денег. Теперь я отказал ей, и она будет пытаться заработать, продав наше местоположение, так что нужно уходить.

Это казалось мне глупым.

— Кто заплатит за твое местоположение?

— Многие, — Ник хмуро оглянулся. — В Рентфри я многим не нравлюсь. Почему, по-твоему, я не хотел приходить?

— Стоило сказать мне это раньше, — проворчала я, глядя на ноги, чтобы каблуки не застряли в сотнях трещин, пока Ник вел нас по дороге.

Рентфри был собой, улицы двигались, пока мы торговали, и мы оказались на несколько улиц дальше от севера, западнее, чем были изначально. Долгий путь таким темпом убивал пальцы моих ног, но я не жаловалась, когда Ник выглядел так, как сейчас. Я выдохнула с облегчением, когда мы миновали металлическую арку и вернулись в нормальный СЗД.

— Еще не пришли, — предупредил Ник, но замедлился, протянул руку, чтобы помочь мне пройти по улице к ярко освещенной парковке, где мы оставили его машину.

Тут хотя бы не былолюдно. Рентфри еще двигался за нами, но многие туристы уже вернулись в отели, оставив парковку приятно тихой и пустой. Осталась только машина Ника на нашем этаже, сияла как черный кристалл в свете прожекторов. Я уже представляла, как плюхнусь на сидение и сниму туфли, но Ник вдруг застыл.

Я подняла голову, чтобы понять причину, и огромный мужчина вышел из-за широкого столба прожектора рядом с машиной Ника. Через миг к нему присоединились еще трое, которые прятались от виду за перилами, не дающими людям сорваться с края. Они были не такими крупными, как первый парень, но все еще выглядели грозно, и у всех были киберчасти. Не такие стильные, как у Ника. Они были типичными хромированными головами с большими металлическими мышцами под майками. Я видела такую глупость каждый день в Подземелье, но мне не попадали четыре огромных примера глупости, глядящих на меня, и это было грозно.

— Эй, Злой Пес, — сказал самый крупный, шагнув вперед, опустив сапог на бампер машины. — Твоя тачка?

Я видела тик на челюсти Ника, когда идиот толкнул так, что машина покачнулась, но он держал себя в руках.

— А кто спрашивает?

Великан оскалился, и стало видно полный рот серебряных острых зубов.

— Ты убил моего брата.

— Это не ответ, — спокойно отозвался Ник. — Нужно уточнить...

Великан вскинул руку, выхватил большой пистолет из-за пояса. Его товарищи сделали так же, но они не успели поднять руки, Ник схватил меня и бросился в сторону, втиснул нас за бетонное основание большого прожектора слева от нас.

Я вскрикнула, пули стучали по металлическому столбу надо мной. Ник был отчасти из металла, так что переживал меньше, зато злился больше.

— Кто это? — прошипела я, пригибаясь за бетонным фундаментом.

— Не знаю, плевать, — прорычал он, вытаскивая свой пистолет из кобуры под рукой. — Оставайся тут. Я быстро.

Я кивнула, подвинула бронированную куртку, которую он мне одолжил, на голову.

Бронированная ткань окружила мое лицо, и я вдруг поняла, что Ник собирался убить тех

мужчин. Я была не против, потому что они сами напали и стали стрелять без причин, но мысль все еще поражала. Если не считать недавние события, со мной такое не происходило. Я выросла в замке дракона, я видела конфликты, но папа старался не пускать опасность к нам. В меня еще не стреляли до случая со старым домом доктора Лиля. Теперь я попала во вторую перестрелку за много недель, и это ощущалось слишком жутко.

К счастью, Ник не разделял мои тревоги. Он вышел из-за прожектора плавно, поднял пистолет, словно делал так тысячу раз, спокойно выстрелил ближайшему в колено. Я не знала, откуда он знал, что там парень не был из металла — стрелял он наугад или читал по тому, как сидели узкие джинсы, больше меня — но парень рухнул, визжа. Ник уже двигался, игнорируя пули, отлетающие от его металлической груди, повернулся и выстрелил следующему в ступню. Тот тоже рухнул с криками, и я выдохнула с облегчением. Казалось, бой уже закончился, но великан бросил пистолет и бросился телом на Ника с такой силой, что оба рухнули с лязгом, асфальт дрожал.

Ругаясь под нос, я подвинулась за прожектором дальше. В паре футов от моего укрытия Ник и лидер катались по асфальту. Хоть Ник был сильнее, его противник был огромным. Я не знала, были ли у него киберчасти в ногах, но он был на фут выше Ника и на сто пудов тяжелее. Это все замедляло его, но каждый удар, от которого уклонялся Ник, становился кратером на полу парковки. Одна ошибка, и все будет кончено.

— Вызвать копов? — шепнула Сибил на ухо.

Я фыркнула.

— Так близко к Рентфри? Только если у тебя есть деньги на взятки.

— Нужно что-то делать, — безумно сказала Сибил. — Мозги мистера Коса вот-вот разлетятся по парковке!

Я думала, что Ник неплохо справлялся. Он уклонялся от ударов, словно видел их заранее, при этом искал, как уцепиться за тело противника. Конечно, было все еще жутко смотреть. Но я видела, как Ник одолел команду профессионалов-наемников до этого. Этот парень был крупным и усиленным, но он был слабаком в том, что нельзя было купить. Ник уже почти обвил его шею руками. Я была готова бежать к машине, как только Ник подаст сигнал, но тут большая волосатая рука обвила мою талию, дотянувшись сзади.

— Попалась!

Я удивленно вскрикнула, рука потянула меня вверх. Хотелось закричать, но я не хотела отвлекать Ника, чтобы его не убили, так что подавила вопль, повернула голову и увидела улыбающееся лицо с дырами среди зубов одного из бандитов, которого Ник не подстрелил, о котором я забыла.

— Тише, девочка, — мужчина прижал пистолет к моей спине, когда я стала брыкаться. Я застыла от ощущения дула, тыкающего возле почки, и мужчина улыбнулся шире, склонился из-за прожектора и крикнул что-то своему боссу.

Я не слышала, что. Я была занята, подавляя бурю в голове, а Ник и великан повернулись и увидели меня, пойманную, как курицу. Как я могла быть такой глупой? Как не предсказала такое? Из-за меня Ник погибнет. Он уже отпустил шею великана и поднял руки. Великан тут же ударил его локтем по лицу. Ник подвинулся, чтобы ему не разбили нос, но его отбросило на спину, и я сорвалась.

— Опал! — крикнула Сибил в мой наушник. — Не спеши!

— Козлы! — закричала я. Это была моя вина. Мы справлялись, а потом я позволила поймать себя, как дура. Но я не собиралась быть ошибкой, из-за которой Ника убьют. Я не

собиралась терпеть это. Я только поняла, как зарабатывать, несмотря на проклятие. Я была ближе к свободе, чем когда-либо, и эти козлы думали, что могли прийти и схватить меня как беспомощную богачку? Нет уж! Я была магом! Дочерью дракона! И я не собиралась проиграть из-за такой глупости!

Я бросила магию так широко, как могла. Болело хуже, чем когда я инстинктивно пыталась схватить силу после неожиданного появления Мэгги, но мне было все равно в этот раз. Мне это надоело. Надоело ощущать себя беспомощно, надоело всегда быть слабым звеном. Надоело так, что я игнорировала предупреждения тела и схватила магию.

Я почти ничего не поймала с первой попытки. От боли я была неуклюжей, и заклинание развалилось, не дав даже начать его. Вторая попытка прошла чуть лучше, но я не смогла удержать магию.

Но не из-за боли. Я могла вытерпеть это. Проблема была в том, что часть меня схватила магию, часть, которую я считала своей «ментальной рукой». Как бы я ни толкала, она отказывалась работать. Я ощущала магию, но управление было как зачерпывать песок сломанными пальцами. Как бы я ни старалась, я не могла придать ей облик, и это меня злило.

За это время парень, который сжимал меня, уже донес меня до своего босса. Нику пришлось встать на колени, великан направлял пистолет — не свой, а Ника, который он схватил с земли — на его голову. Он произносил важную речь о расплате, о смерти пса, но я слишком злилась, чтобы слушать. Ник тоже не слушал. Он смотрел на меня, он смотрел то на мое лицо, то на парня за мной, словно пытался подать сигнал, но я не понимала, какой. Я знала лишь, что не справлялась, и если я не смогу, мы погибнем. Ника убьют, а это было непозволительно. Он даже не хотел идти сюда этой ночью. Он сделал это, чтобы помочь мне, и я не хотела, чтобы его голову прострелили за то, что я была ужасным магом, который не мог должным образом колдовать, когда пистолет прижимали к спине.

С этой гневной мыслью я толкнула магию изо всех сил. Было так больно, что я почти отключилась, но не выпустила магию. Я давила, заставляя сломанную ладонь раскрыться шире, потому что если я умру тут, я заберу этих гадов с собой. Я схватила больше магии, чем когда-либо, чем могла, и продолжала. Я не знала, что делать со всей этой силой, но могла сделать это лишь раз. Нужно было атаковать, и я подавила инстинкты, кричащие мне отойти, и забирала магию из воздуха, и даже бандиты заметили это. Я тянула, пока воздух не стал разреженным, а кожа не показалась натянутой из-за всего во мне.

В тумане боли и силы я смутно видела, как великан дико махал на его поделника и меня. Его большой рот двигался, но я ничего не слышала за ревом магии в ушах. Через пару мгновений даже боль пропала. Я ощущала только магию, ее вкус, запах и вид. Я не знала, что люди могли видеть магию, пока она не заплескала перед моими глазами как северное сияние. Я не могла собрать столько магии в заклинание, ведь даже не рисовала круг, но ее нужно было направить. Она не могла остаться во мне. Я уже ощущала, как огромная сила растворяла меня изнутри. Если я не отправлю ее куда-то быстро, она съест меня заживо. И я сделала то, что могла в этот момент. Оставался только такой ход.

Я отпустила.

Я не знала, что произошло после этого. Была вспышка света, волна жара, а потом я отлетела на десять футов и рухнула на спину, гадая, что случилось.

Странно, но первым делом я заметила запах гари. Это показалось важным, и я вяло подняла голову, но глаза не сразу смогли увидеть, что моя одежда обгорела. Не сгорела —

юбка и блузка остались целыми — но ткань потемнела, словно меня испекли.

Кривясь из-за этого, я потеряла ноющую голову и обнаружила, что мое лицо было мокрым от крови. Это было ожидаемо. Такой отдачи у меня еще не было. Понятно, что что-то сломалось.

Раз блузка все равно была испорчена, я вытерла ею лицо. Нос и уши болели так, что я скривилась, когда задела их, но магия болела не так сильно, как я ожидала. Я думала, что после такого залпа отключусь от агонии, но магия болела меньше, чем было весь день. Я с интересом робко коснулась пальцем остатков силы, которую я выбросила из себя. Таким был план. Когда я отдала мысленный приказ двигаться, ничто не ответило.

Я старалась не паниковать, повторила это, но результат был прежним. Сигнал пропал. Ответа на другом конце не было. Я словно пыталась двигать рукой, которой уже не было, словно часть меня, которая хватала магию, просто... пропала.

Теперь я запаниковала. Я резко села, закрыла глаза, стала проходить каждый шаг правильного колдовства, как меня учили с детства. Я даже представила ряд тыкв, чтобы помочь себе, но это ничего не изменило. Было даже хуже, чем когда управление магией ощущалось как работа с переломом. Боль была хоть чем-то, но теперь ответа не было. Если я сосредотачивалась, я ощущала часть души, которая отвечала за магию, висящую во мне, как сломанная ветка, и это пугало. У меня еще не было панических атак, но я была близка к этому, когда услышала стон Ника.

Жалобный звук привел меня в чувство. Я поднялась на ноги, огляделась, проверяя, что все на парковке были сбиты. Мужчину, который держал меня, отбросило к другому концу площадки, Ник и великан лежали на спинах среди осколков погасшего прожектора. Все они выглядели ужасно, лица были в крови, как у меня. Это должно было испугать меня еще сильнее, но я ощущала облегчение. Так я смогла отвлечься от ужаса из-за того, что сделала со своей магией, и я ухватилась за этот шанс.

— Ник! — безумно зашипела я, отбрасывая битое стекло, чтобы опуститься рядом с ним. — Ник!

Он застонал, веки затрепетали, и я выдохнула с облегчением.

— Ты в порядке?

Его рассеянный взгляд скользнул по мне, не мог остановиться, и я выругалась. По нему ударило сильно. Это ожидалось, учитывая, какую шоковую волну я выпустила, но я стала понимать, как безрассудно и глупо это было. Я так сосредоточилась на своем гневе, что не учла, что мой взрыв сделает с остальными. Моя привычка творить глупости, как эта, означала, что я уже почти не страдала от своей магии, но отдача всегда была по не-магам сильнее, потому что они не могли защититься. Я могла взорвать Ника или поджарить его мозг.

Я не знала, что получилось. Он все еще пьяно моргал, голова моталась в стороны, как у ребенка. Он следил за моей ладонью, когда я провела ею над его лицом, но не мог ответить на простые команды, и это мне казалось плохим.

— Сибил, — я безумно пыталась вытереть испорченной блузкой кровь с лица Ника, чтобы он не выглядел так, будто умирал. — Какие шансы вызвать сюда скорую?

— Почти нулевые, — в отчаянии ответила она. — Я вызвала ее, как только ты взорвала себя, но там требуют плату вперед и налог за безопасность из-за прибытия так близко к Рентфри, а на твоем счету на это не хватает денег.

Я закрыла глаза, шипя. Платить за скорую. Порой я ненавидела этот город.

Ворча под нос из-за глупого капитализма, я вытерла лицо Ника еще раз, а потом сняла испорченную блузку и отбросила ее. Так я осталась только в бюстгальтере без косточек, но, хоть розовая ткань была нижним бельем, она скрывала важные части и не была в крови. Печально, что это уже меня радовало, но такой стала жизнь.

— Не переживай, — сказала я Нику. — Я вытащу нас отсюда. Просто отдыхай. Я все сделаю.

Он уже лежал неподвижно, как статуя, так что я говорила для себя, но от произнесенных слов мне стало лучше. Я стала искать ключи в его карманах.

Процедура была непростой. Кроме пистолета, который великан выронил, рухнув, Ник носил много опасных вещей. Его карманы всегда были полными ножей, лески и ловушек против карманников. Я словно лезла в нору барсука, роясь в них, но выбора не было. Из-за почти религиозного отвращения Ника к ИИ, его машина была без удаленного пульта. Или ключи, или ничего.

Осторожно похлопав по его карманам, я нашла кольцо с ключами в переднем кармане джинсов. Сжав металлические ключи, я встала и подбежала к его машине, отперла дверцу и плюхнулась на место водителя. Я стала искать кнопку старта, но поняла, что ее не было. Эта глупая машина заводилась ключом. И там были три педали и рычаг в центре, и я не знала, как все это использовать.

— О, что ж такое...

— Я помогу, — сказала Сибил. — Надень очки.

Я так и сделала, благодаря оставшиеся капли удачи, что я не взорвала очки с остальным. В отличие от прожектора, мои очки были для магов, качество было видно. Как только я надела их, в дополненной реальности появилось видео с названием «Как водить», и предисловие там уже прошло, начались конкретные указания.

— Спасибо, — сказала я ИИ.

— Знаю, я невероятна, — сказала Сибил. — Смотри быстрее. Великан начинает шевелиться.

Тот, кто пытался вбить Ника в асфальт, все еще выглядел для меня неподвижно, но его глаза были открыты, озирались, и это было хорошо для него и ужасно для меня. Дрожа от нервов, я провела ладонью по воздуху, чтобы активировать видео, смотрела его на двойной скорости, чтобы сэкономить время. Когда я решила, что поняла принцип переключения передач, я выскочила из машины и подбежала к Нику, который очнулся достаточно, чтобы сжаться в комок.

— Эй, — я забрала его пистолет с земли и сунула в его кобуру, а потом опустилась рядом с ним. — Я знаю, ты не хочешь шевелиться, но нам нужно уходить.

— Куда? — он звучал невнятно, и я едва понимала его.

— Просто держись за меня, — сказала я.

С этим приказом у него проблем не было. Он обвил меня руками в медвежьих объятиях, утащил на землю рядом с собой.

Это оказалось неожиданной сложностью. Я двигала мебель по работе, так что была сильнее, чем выглядела, но Ник был тяжелым. Это было ожидаемо от того, кто был хотя бы наполовину из металла, но даже когда я смогла встать на ноги, я не могла поднять его сильнее, чем на пару дюймов над асфальтом.

— Ник, друг, — я тяжело дышала. — Тебе нужно мне помочь.

Он не хотел двигаться, но я настаивала и подняла его на ноги. Путь к машине был еще

сложнее. Он спотыкался, и мне не хватало сил, чтобы поймать его, но мы как-то дошли, не упав. Великан стал приподниматься, когда я усадила Ника на место пассажира и пристегнула, и я не тратила время. Как только я убедилась, что Ник не выпадет из машины, я закрыла его дверцу и побежала к месту водителя, повернула ключ в зажигании, как Ник делал много раз при мне. Я угадала с движением, потому что машина завелась с ревом, который восхищал и пугал.

— Ладно, — нервно сказала я, опуская ноги на сцепление и тормоз, ладони — на руль и рычаг передачи. — Сделаем это.

— Ты сможешь, — сказала Сибил. — Люди раньше все время так делали.

Я кивнула, подняла ногу о сцепления, нажимая на педаль газа, как парень в видео...

И тут же заглохла.

— Блин! — закричала я, заводя машину, чтобы начать снова. — Кто придумал такие машины?!

— Не хочу давить, — сказала Сибил, отматывая видео до части про первую передачу. — Но тебе нужно двигаться быстрее.

Она показала стрелку, и я повернулась и увидела, что лидер поднимался на ноги, недовольными движениями вытирая кровь с лица, озираясь в поисках Ника.

— Блин, блин, блин, — я вернула руки и ноги в глупое положение, которого требовала эта машина. — Не ошибись. Не ошибись...

Я не ошиблась. Звук был неприятно скрежещущим, но двигатель не заглох в этот раз, я отпустила сцепление и нажала на газ, переключила на вторую передачу, машина дернулась вперед. И чуть не врезалась в стену.

— Блин! — заорала я, крутя руль влево. От резкого поворота мы пронеслись по парковке, скрипя шинами, и чуть не заглохли снова, но я спасла нас в последний миг, выпрямила машину и нажала на газ, отправила нас по дороге вниз, оставляя кибергада, кричащего угрозы, позади.

Спуститься было приключением. Я чуть не врезалась во все столбики опоры, но годы игр в гонки хоть для чего-то сгодились, потому что я добралась до ворот, не оставив вмятин на машине Ника. Я заглохла, когда нужно было повернуть на улицу, но, к счастью, другие машины ехали сами, так что никто не врезался в нас, а потом я снова завела двигатель с жутким звуком, пока пыталась включить правильную передачу.

— Я так рада, что ты не понимаешь, что происходит, — сказала я Нику, пока мы ехали по улице рывками.

— Просто не жми так сильно, — предложила Сибил. — Помни: нежные движения.

Я слишком паниковала, чтобы быть нежной. Хорошим было только то, что я была слишком занята вождением, чтобы переживать из-за магии, которая все еще не отвечала. К счастью, хоть это было дальше, чем мне нравилось, путь к новой квартире Ника не был сложным. По пути было много фонарей, и мне пришлось еще три раза остановиться, но не было мостов, объездов или поворотов, так что я прибыла к серому многоквартирному дому.

Я устремилась к пустым местам на парковке сзади. Учитывая состояние Ника, стоило поискать место ближе, но я не верила, что смогу проехать меж двух машин, не разбив все три. Расстояние не радовало, но я не хотела привлекать внимание аварией, и я не хотела разбить машину Ника. Он будет уже злиться за отдачу магией. Если я наврежу его крохе, он меня не простит.

— Он не будет злиться, — сказала Сибил, когда я выключила двигатель. — Ты спасла

ему жизнь. Я не одобряю твои методы, но тот великан выбил бы его мозги, если бы ты не вмешалась.

— Вряд ли считается спасением то, что я подвергла его такой ситуации, — мрачно сказала я. — Он справлялся неплохо, пока меня не поймали.

Сибил мудро держала комментарии при себе после этого. Кивнув с одобрением, я прошла к месту пассажира, открыла осторожно дверцу. Ник сильно прислонился к ней, хоть и был пристегнут, и я не хотела, чтобы он вывалился на землю. Когда я открыла ее, он озирался, и это радовало.

— Эй, — я подняла очки, чтобы видеть его без интерфейсов. — Ты в порядке?

Он растерянно моргнул, а потом на лице появилось ужасно глупое выражение.

— Эйопал, — невнятно сказал он. — Что мы делаем в моем доме?

Я скривилась. Он точно был не в порядке.

— Давай медленно, — сказала я успокаивающим тоном, склонилась, чтобы просунуть руку под его руки. — Встаем на счет три. Раз...

Он вскочил, сбивая меня с ног. От толчка мы оба пошатнулись, но Ник пострадал не так сильно, ведь рефлексы работали. Я только стала падать, и он поймал меня, обвинил рукой мою талию, другая ладонь сжала дверцу машины. От этого мое тело оказалось прижатым к Нику. Я пыталась высвободиться, но он сильнее сжал мою талию.

— Постой, — глупое выражение лица сменилось восхищенным. — Я привел тебя домой?

Восторг в его голосе от этой мысли заставил мое лицо гореть. Даже адреналина не хватало, чтобы помешать мне заметить близость нашего положения. Я не видела еще у Ника такой улыбки. Он сиял, словно наши почти объятия были лучшим, что случилось с ним, и от этого я забыла все, что хотела сказать. Я стала улыбаться ему, а потом вспомнила, что это была моя вина.

— Вообще-то, — деловито ответила я, нежно, но решительно выбираясь из его рук, — я веду тебя домой. Тебе нужно...

— Я так рад, — Ник перебил меня, отпустил машину и запустил пальцы в мои волосы. — Ты знаешь, как долго я хотел это сделать?

Я нахмурилась.

— Хотел что сде...

Ник устремился пулей, склонился и — я не успела понять, что происходило — прижался губами к моим. Внезапный контакт потряс меня так, что я вздрогнула, но он держал меня обеими руками. А потом притянул ближе, его плечи опустились, и я оказалась у его груди, пока он целовал меня нежно и голодно.

Стыдно сказать, но я позволила. Сибил пищала предупреждения в ухо, но я отвлеклась и не слушала. Меня давно не целовали. Ник хорошо с этим справлялся. Его металлическая грудь была стеной перед моей грудью, твердая и неподвижная, но его ладони были нежными на моей талии и в волосах, а его губы дразнили мои, обещая, что меня ждало кое-что лучше.

Я не могла это допустить.

— Ого, — я отпрянула, вырываясь.

Ник смотрел на меня так, словно я столкнула его из рая.

— Ого?

— Так нельзя, — твердо сказала я. Для себя и для него, потому что мой голодный мозг предлагал нечто плохое. Горячее, но плохое. — Я ударила по тебе магией, и ты не в себе.

Прости за это, кстати, но нам нужно отвести тебя к кровати.

— Мне нравится в кровати, — проворковал Ник, сокращая расстояние, на которое я отпрянула.

Он остановился, когда я прижала ладонь к его груди.

— Ник, нет, — твердо сказала я. — Я не буду использовать тебя так, пока ты пьян.

— Я не пьян, — оскорбился он. — Во мне очиститель ядов. Я больше не могу пьянеть.

Я в ужасе смотрела на него. Не мог пьянеть? Зачем такое с собой делать?! Я хотела спросить, но Ник уже склонился, чтобы уткнуться носом в мои волосы. Любопытство могло подождать, пока он не сможет сосредотачиваться.

— Ты опьянел от магии, — уточнила я, отталкивая его снова. — Это зовется отдачей. Я перегрузила твой мозг, и ты какое-то время будешь рассеян, а потом поправишься. Прости еще раз, но тебе сейчас нужно отдохнуть. И вода. Много воды.

Ник не был рад этим словам, но дал мне подпереть его плечом и повести по парковке к его дому.

Лестница к его квартире в подвале была испытанием. Он неплохо шел по ровному асфальту, но ступеньки были другим делом, а я уже поняла, что он был тяжелым. И он был удивительно высоким. Ник всегда сутулился, прижимал руки к телу, носил объемную куртку, скрывающую его силуэт, и было легко забыть, что он был довольно высоким. Я не знала, почему он хотел скрыть это. Я была метр шестьдесят с двенадцати лет, и высокий рост казался мне преимуществом, которое стоило подчеркивать. Но сейчас его размер работал против нас.

Я спускалась первой, оставалась на ступень ниже него, чтобы я могла управлять его падением, ведь поймать не вышло бы, мы оба сломали бы себе что-нибудь. К счастью, он не упал. Хоть мы шатались, мы добрались до дна без проблем.

— Вот так, — я вытащила его ключи из своей сумки и пробовала по одному, пока не нашла тот, который открывал его надежную дверь. — Идем внутрь.

Как все в наших жизнях, квартира Ника изменилась за последнюю неделю. Это все еще был пустой бункер, когда я включила свет, но не такой плохой, как когда я пришла в первый раз. Две тарелки теперь сохли у раковины, два складных стула были у столика, оба были победой, когда он посчитал это необходимым, учитывая, как часто я ела с ним в эти дни. И я добыла ему торшер, ведь не могла терпеть резкий верхний свет. Но самым большим изменением был уродливый оранжевый диван возле пустой до этого стены в гостиной.

— Это диван из магазина со слизнями?

Ник кивнул, и я в шоке смотрела на него.

— Я думала, ты его не хотел.

— Я не хотел, — он сильнее оперся об мое плечо. — Я ненавижу мебель. Больше мусора перевозить. Но ты хотела, чтобы было где сидеть, и я сохранил его.

Я застыла.

— Ты сохранил диван ради меня?

Он пожал плечами и склонился, заставляя меня двигаться. Мы рухнули на жуткий, но мягкий диван. Когда я убедилась, что он не упадет на пол, я побежала на кухню и схватила один из двух стаканов, наполнила водой из крана и поспешила обратно.

— Вот, — я вложила стакан в его руки. — Ты не пьян, но вода поможет справиться с отдачей.

Он сильно пострадал. Это была худшая реакция на магическую перегрузку из всех, что я

видела. Я не знала, было дело в киберчастях Ника, или я задела его сильнее, чем думала, но я ощущала вину. Спасло это его жизнь или нет, Ник не заслуживал такого. Он помогал мне этой ночью, но я была плохим магом и не смогла помочь, когда он в этом нуждался. Он заслуживал напарника лучше, но тут была только я, и я собиралась хотя бы оставаться рядом с ним.

— Пей, — приказала я. — А потом тебе нужно поспать. Тебе будет лучше завтра.

— Ты останешься со мной? — спросил он, осушив стакан.

Я застыла, не зная, как ответить. Учитывая его поведение до этого, это могло быть предложением, но звучало не так. Ник уже не вел себя романтично. Он выглядел утомленно, испуганно, и ему точно было плохо. Это не удивляло. Отдача была ужасной, когда знал, что происходило, а для Ника это было в первый раз. Он даже не был магом, а я ударила его волной.

Я хотела остаться с ним, пока ущерб, который я причинила, не пройдет, но не знала, могла ли. Моя сломанная магия еще висела во мне, гремя при каждом движении. Все еще не болело, но внутри росло ощущение неправильности, я не могла это игнорировать.

Но я не могла оставить его таким.

— Я останусь, пока ты не уснешь, — решила я. — Подойдет?

Он кивнул и лег на диван. Я отошла, чтобы принести ему одеяло из спальни, но Ник сжал мою ладонь.

— Не уходи.

Я кивнула и опустилась на пол, сжимая его ладонь своими руками. Давление успокоило его, потому что он расслабился на подушках. Через пару мгновений его дыхание стало ровным во сне.

Я держала его за руку так сильно, как осмеливалась. Я тоже боялась. Я напортачила в этот раз так сильно, что не знала еще всех последствий. Теперь меня не отвлекали катастрофы, и ощущение, что со мной было что-то ужасно неправильно, становилось все сильнее с каждой минутой. Даже так я не могла уйти. Пока Ник выглядел напугано, я оставалась рядом, сидела на бетонном полу, пока ноги не замерзли, а ступни — онемели.

Когда его лицо расслабилось во сне, а я уже не могла игнорировать свои проблемы, я тихо встала. Опустив ключи на стол, где он мог их видеть, я вышла, маленьким замком на внутренней двери заперла квартиру за собой, поднялась по ступенькам и вернулась на парковку. Сибил уже вызвала туда такси.

Глава 5

Первым делом, сев в крохотное такси на два места, я вытащила визитку, которую мне дал Питер, из кошелька и показала камере. Рано утром работали только старые такси, и машина не сразу узнала данные, но огонек стал зеленым, и мы поехали. На визитке были координаты, а не адрес, и я не знала, куда ехала. Это не было необычно — номера улиц мало значили в городе, который двигался, как хотел, но обычно было хотя бы направление вверх или вниз. На этой визитке была только вереница цифр, и я не знала ничего, пока машина не вывезла меня из-под Небесных путей в район на открытом воздухе, еще известных как Университи-Хейтс.

Университи-Хейтс была одной из странных частей в СЗД. Университет давно пропал, как и многие дома, но район все еще сохранял название из старого Детройта, потому что, в отличие от остального города, его не переделывали. Тут не было высоких многоквартирных домов, суперскребов или эстакад. Только кирпичные скелеты рушащихся домов в тени леса, который вырос на заброшенных лугах за последние восемьдесят лет.

Место было мирным и тихим, загадочным. Остался последний участок земли, где можно было стоять на земле и видеть небо, и это должно быть самым модным местом в городе, но СЗД отказывалась тут что-нибудь строить. И она не отдавала землю кому-нибудь еще — порой довольно жестоко — и никто не знал, почему.

Когда я изучала историю СЗД до переезда сюда, я читала, что это место звали Землей Восстановления, убежищем для духов природы, которые поддерживали политику Алгонквин против людей и драконов. Когда городом еще правила Леди Великих озер, ни одному человеку нельзя было ступить на эту землю, но это было двадцать лет назад. Алгонквин выгнала в ее озера Дух СЗД, и мстительные духи, которых она собрала тут, пропали. Без их влияния Университи-Хейтс должен был не отличаться от других районов. Так я думала, пока не вышла из машины.

Когда мои ноги опустились на асфальт в трещинах, дрожь пробежала по моему телу. Моя способность двигать магию была сломана, но я отлично ее ощущала, и ее тут было много. Это была не привычная мягкая и немного жирная магия Подземелья или плавная магия Небесных путей. Эта магия была густой, как лес, прохладной, влажной и дикой, такое нельзя было ощутить в городах. Это было так странно, что я поразилась, что не слышала об этом феномене раньше. Я не бывала тут по Уборке, но казалось ошибкой. Что я не была тут как студентка.

Хотя, может, было не так странно. В СЗД было больше магических университетов, чем в других городах мира, но они все были тауматургическими. Даже Институт магических искусств настаивал на заклинаниях для всего, и смысл заклинания был в превращении дикой естественной магии в стабильную силу. Было сложно тянуть магию в городе, где магия отличалась в разных районах. В таком диком месте превращение было невозможным. Нужен был надежный круг, чтобы сделать силу тут стабильной для работы с магией, а это было слишком тяжело, когда в паре сотен футов отсюда была нормальная магия.

Но, хоть никто не брал странную силу из Земли Восстановления, за ней следили. Места сбора образцов магии и сенсоры были повсюду в тупике дороги, где остановилось такси. И хоть техники тут хватало, тут не было людей. Была поздняя ночь — или раннее утро — но пустота все еще ощущалась жутко. СЗД был одним из самых густонаселенных городов. Даже

с населением, разделенным между Небесными путями и Подземельем, рядом всегда кто-то был. Но тут ничего не было. Только сверчки шумели в летнем воздухе, и гул электрического двигателя машины утихал, она уезжала, оставляя меня во тьме на краю леса.

Сглотнув, я опустила очки на лицо, чтобы использовать ночное зрение. Когда появилась дополненная реальность, были помехи, она медленно реагировала, словно контакты маны не могли нормально прилегать к моей коже, что было неправдой. Кроме очков и наушника в левом ухе, у Сибил было семь точек контакта для доступа к моей естественной магии и создания картинок, которые я видела как дополненную реальность, и доступа к моим поверхностным мыслям. Контакты на очках были новыми, подстраивались, и их не обязательно было прижимать должным образом. Мои очки должны были создавать идеальную картинку, пока они были на моем теле, но помехи оставались.

— Не спрашивай, — сказала Сибил, когда я указала на это. — Все хорошо работает. Дело в этом месте. Магия тут создает помехи.

Я нахмурилась и посмотрела на визитку, которую дал Питер. Судя по моей карте, которая обновлялась в настоящем времени, офис шамана был впереди, но дороги больше не было. Точка на карте была в лесу, что казалось ошибкой. Система координат была обычно точной, и если кто и стал бы жить на Земле Восстановления, то это целитель и шаман.

Я надеялась, что они уже открылись. Было почти три часа ночи, не рабочее время, но на визитке говорилось, что место было круглосуточным для правильных людей. Я не знала, что это значило, но неправильность во мне была срочным делом, и мне было некуда идти. И дело было даже не в цене. Если бы я отправилась в настоящую больницу, отец узнал бы, и тогда никакие обещания и уговоры не помешали бы ему забрать меня. Только об этом шамане отец мог не узнать, и я взяла себя в руки и пошла в лес, невольно надеясь, что на меня не нападут клещи.

Через десять минут я поняла, что стоило больше переживать за ноги. Каблуки вообще не обходили для мягкой почвы леса. Я сняла туфли и пошла босиком, несла грязные туфли в одной руке, осторожно шагая по хвое. Вскоре после этого дополненная реальность перестала работать. У телефона еще был сигнал, так что Сибил могла посылать мне сообщения и показывать карту на экране, чтобы я не потерялась, но все, что зависело от связи с моей внутренней магией, не работало — связь ИИ с мыслями, интерфейсы, фильтры на очках, даже программа, соединяющая маленький компьютер в моем наушнике с моим телефоном, где процессор был мощнее. Все это было безумием. Контакты маны были самой старой формой интеграции магии и технологий, почти такой же старой, как современная магия. Они были во всех приборах, и они были известны стабильностью, даже в больницах их использовали. Они не могли просто не работать. То, что было тут, не знало этого, потому что все мое оборудование стало бесполезным.

— Это не может происходить, — буркнула я, вытаскивая бесполезный наушник.

— Что это? — сказала Сибил из динамика телефона. — Я теперь только в аудио, так что тебе придется говорить.

Я покачала головой и убрала наушник в сумку, оглянулась на лес за собой, темный, как деревья впереди. Свет города за мной уже пропал, казалось, слишком быстро. Свет телефона тоже казался тусклым. Обычно ослепительный фонарик едва освещал листья под моими босыми ногами, заставляя идти медленнее между деревьев, которые быстро становились все больше. Стволы становились шире, магия вокруг них сгущалась, заполняла воздух, пока мне не стало казаться, что нужно пробиваться через нее.

Я такого еще не испытывала. Если бы я еще могла двигать магию, тут было бы легко колдовать. Эта магия была такой густой, что липла ко мне, давила на ноги. Было даже страшно в моем нынешнем состоянии, но, судя по карте на моем телефоне, я была почти на месте. Офис шамана должен быть передо мной, но я не видела свет, дорогу или знаки. Только темный лес тянулся без конца во все стороны, звезды мерцали между веток сверху. Поразительное количество звезд, учитывая, как близко мы были к городу.

Было уже ясно, что это было не обычным магическим местом. Тут играла серьезная сила. Иронично, от этого мне было лучше насчет моей миссии. Я переживала, что Питер отправил меня к шарлатану, но любой, кто работал среди такой густой магии, был профессионалом. Я не знала, хотела ли иметь с этим дело, но один потенциал заставлял меня идти дальше, чем прошел бы разумный человек.

В пути я хотя бы могла обдумать то, что случилось с Ником. Хотя это было не лучше страха потеряться в бесконечном магическом лесу, но тревога насчет леса была постоянно. Когда я долго шла, я задумывалась, и хоть глупо было переживать из-за многих проблем сразу, я не могла выкинуть случай с Ником из головы. Но не за угрозы жизни. Любой разумный переживал бы из-за такого. Но мой глупый мозг не переставал думать о произошедшем на парковке у его дома.

Я прижала пальцы к губам. Я помнила каждую секунду того поцелуя с ясностью, но мои чувства насчет этого были хаосом, который дико метался меж двух лагерей.

Первый был старой доброй радостью. Ник поцеловал меня! Меня целовали раньше, но парни, делавшие это, или не знали, кем был мой папа (и пропадали, узнав это), или делали этого, надеясь, что соблазнение Опал Дракона принесет им деньги или славу, или что еще они хотели от дракона. Амбициозные парни задерживались даже меньше, чем те, кто боялся, потому что я не любила, когда меня использовали, но Ник был новой категорией. Он знал, кем был мой папа, какой нищей я была, и каким ужасом была моя жизнь, но он все равно поцеловал меня.

По крайней мере, пока был пьян.

Тут мой мозг склонился ко второму лагерю, расстройству. Все пропало. Ник поцеловал меня пьяным, и теперь все будет неловко, потому что такое бывает после неожиданных пьяных поцелуев. А если он сделал это только из-за удара магией? А если он очнется завтра и пожалеет об этом? А если он не жалел?

Это пугало меня больше всего, и не из-за того, что мне не нравился Ник. Пока я обдумывала это, я могла признать, что сильно привязалась к нему за неделю, но почему нет? Ник был красивым, надежным, трудолюбивым, честным, мы ладили, и он не судил меня за кошмар в моей семье. Это было лучшее начало из всех, с кем я встречалась, но Ник не был тем, кого я встретила онлайн, не был другом или просто деловым партнером. Он был веревкой, не дающей мне упасть в бездну. Даже с трюком с золотом, который я нашла, я не могла заработать достаточно денег, чтобы отплатить весь долг отцу до конца месяца самостоятельно. Я не знала, могла ли сделать это с его помощью, но точно не могла сама. Мне нужен был Ник, и поцелуй это делало большой проблемой, потому что те, с кем я целовалась, не задерживались.

Это не было преувеличением. С мужчинами у меня не клеилось, и я знала, что страх перед отцом отгонял многих в Корею, но даже в СЗД, где я могла скрыть, что я была Опал Ён Э, у меня не было отношений дольше двух недель. Я не знала, было дело в парнях или мне, была я слишком требовательной или странной, сосредоточенной на заработке денег, но, как

отметила Сибил во время моего ужина с Питером, смысл был понятен: если Опал нравился парень, парень уходил. И хоть было несправедливо объединять Ника с другими, потому что он был другим, я не могла рисковать сейчас. Пока мой долг не был оплачен, мне нужно было, чтобы все шло гладко, без драм, и это не могло включать поцелуи из-за удара магией после событий, угрожающих жизни.

Но это уже произошло. Теперь я могла лишь скрестить пальцы и надеяться, что Ник был так пьян, что не вспомнит. Это меня печалило, но было бы лучше для всех, если бы тот внезапный и прекрасный поцелуй остался в моих фантазиях. А пока что нужно было сосредоточиться на настоящем мире, где я все еще брела по бесконечному лесу с натертыми ногами и разбитой магией. Даже мой телефон не выдерживал. Карта уже не обновлялась, Сибил не давала советы подозрительно долго. Я подумывала плюнуть и развернуться, когда заметила свет вдали.

Фонарь. Не электрический, а в старом стиле, со стеклом и маслом, он сиял как золото во тьме леса впереди меня.

Я побежала вперед, ощущая надежду, игнорируя хвою, тыкающую в ноги, поспешила к единственному признаку прогресса тут. Но, хоть я явно двигалась, фонарь не становился больше. Как точка на застывшей карте, он не становился ближе, как бы я ни старалась. Это было как один из кошмаров, когда ты бежал и бежал, но никуда не мог попасть. Еще пятнадцать минут, и я была на девяносто процентов убеждена, что уснула в такси, и все это мне снилось. Только так можно было объяснить происходящее. Но я не останавливалась.

А стоило. Если это был сон, нужно было проснуться и выйти из машины, пока она не забрала, катаясь, все, что осталось на моем счету. Если это был не сон, было даже хуже. До того, как я увидела фонарь, я шла подозрительно долго, но путь по лесу ночью всегда казался дольше, когда не знал, куда идти. Но тут не было сомнений. В отличие от точки на карте, которая не была надежной в движущемся городе, я видела, что фонарь не двигался, хотя я бежала, и я прочла достаточно фольклора, чтобы знать, что леса, в которых ходил и ничего не находил, были не теми местами, где стоило быть. Люди фыркали, когда я применяла логику из сказок к реальной жизни, но в тех историях предки передавали важные знания в мире, где магия перестала существовать. Теперь засуха прошла, и магия вернулась, так что сказки снова были важными.

Такой была тема моего диплома. Вряд ли я попала в зачарованный лес — это был центральный Мичиган, а не средневековая Европа — но лес, который тянулся вечно, постоянно попадался в разных культурах. То, что многие люди рассказывали одну историю, намекало, что такие леса когда-то были частым явлением. Я не знала, откуда он взялся на краю СЗД, но, ощущая магию в воздухе, густую, как сироп, я могла поверить в это. Но теперь я переживала из-за того, как выйти.

Тяжело дыша, я перестала бежать и огляделась. Я хотела осмотреться, но уже не знала, с какой стороны пришла, лес за мной был даже темнее и страшнее леса впереди. В той стороне хотя бы был свет. Свет будто манил меня идти вечно, пока я не умру — такой троп тоже часто встречался в таких историях — но развернуться было как сдать, а мне хватало поражений для одной ночи. Если это была ловушка, я уже в нее попала, но если я собиралась глупо умереть этой ночью, то я собиралась сделать это, двигаясь вперед. Так что я стиснула зубы и пошла вперед, топая решительно грязными ногами по корням и хвое, пока вдруг не оказалась на месте.

Я резко остановилось. Не было перемещения или предупреждения. Лес просто

закончился, и я оказалась на поляне под широким ясным небом, зеленеющим от первых лучей рассвета. Передо мной был двухэтажный кирпичный дом, похожий на другие в районе университета, но этот не был древним или рушащимся. Этот был красивым, белый цемент сиял, на кирпиче были милые узоры на втором этаже, окна были с яркими витражами, а коричневая черепица на крыше выглядела целой, фундамент из гранита тянулся в землю. Это был красивый пример классической архитектуры старого Детройта со времен, когда выражение «мой дом — моя крепость» воспринимали буквально. На крыше была даже башенка с конической крышей и окошком, где могла сидеть принцесса на фотографии для рекламы.

Но, хоть дом был как из готического Возрождения, пейзаж выглядел так, будто безумный эксперимент ботаника пошел не так. Каждый фут открытой земли между домом и лесом был полон растений, каждое было с ярлычком. Но порядка среди них не было. Это была смесь трав, цветов, кустов, деревьев, плодов и ягод. Овощи были рядом с цветами, дальше росли плодовые деревья и то, что я назвала бы сорняками, если бы они не были красиво подписаны как нечто другое.

Как дом, который они окружали, растения были ухоженными. Куст голубики слева выглядел заманчиво, ягоды были идеальными, как в журнале, блестели утренней росой. Я не осмелилась взять ни одной. Я ничего не трогала.

Место было красивым, но выглядело как сад ведьмы. Я не хотела даже задевать траву лишней раз. К счастью, в паре футов от меня была тропа из камней. Она вела безумным зигзагом среди растений, словно отчаянно, как я, не хотела ничего касаться, но я отправилась туда. Босыми ногами было проще идти по камням, и я смогла не наступать на растения, пока шагала к входной двери дома, которая была красной, как яблоко в карамели. Глубоко вдохнув, я подняла руку, чтобы постучать. Костяшки едва коснулись дерева, и голос за мной сказал:

— Мы закрыты.

Я точно подпрыгнула на фут. Сердце колотилось, я обернулась и увидела низкую женщину на тропе, по которой я пришла.

Судя по ее седым пышным волосам и сгорбленному телу, ей было за шестьдесят, может, даже немного за семьдесят. Но ее лицо выглядело старше — куча морщин, среди которых сияли глаза, словно кусочки темного стекла.

Она была наряжена для садоводства, что не удивляло тут: штаны с высокой талией были по колено в грязи, зеленые резиновые сапоги и белая футболка с короткими рукавами, открывающими ее морщинистые руки в веснушках. И хоть она выглядела как бабушка, магия вокруг нее была самой странной из всей, что я ощущала. Она не была острой, как у дракона, или подавляющей, как у духа, но она была там, что само по себе впечатляло, ведь обычно люди не источали столько магии, чтобы я ее ощущала. И она приятно ощущалась. Сила вокруг нее была манящей и плодородной, как сад вокруг нас, резкий контраст с раздражением в ее глазах, пока она смотрела на меня.

— Эм, — я вытащила визитку, которую дал Питер, чтобы не ошибиться с именем. — Вы — доктор Рита Ковальски?

— Пока нет, — женщина упрямо подняла голову. — Мы открываемся в десять.

Я повернула визитку, чтобы она видела.

— Тут говорится, что вы открыты круглосуточно.

— Для правильных людей, — она показала костлявым пальцем в веснушках на строку,

где так и говорилось. — С чего ты взяла, что это включает тебя?

Я скривилась. Она меня поймала.

— Я просто надеялась... Это... у меня срочное дело, и Питер — жрец, который дал мне вашу визитку — сказал, вы можете помочь.

Ее лицо смягчилось от имени Питера.

— Думаю, ты говоришь о своей магии?

Я быстро закивала.

— Я сильно повредила ее неделю назад. Я старалась дать ей исцелиться, но этой ночью кое-что произошло, и пришлось ее использовать, и она... сломалась.

— Ясно, — женщина окинула меня взглядом. — Но что ты хочешь от меня? Если пострадала, иди к врачу. Для этого они и есть.

— Я не могу позволить врача.

— Тогда почему думаешь, что можешь позволить меня? — рявкнула она и указала на красивый дом с милым садом под открытым небом. — Это выглядит дешево?

— Простите, — я сцепила ладони. — Я не хотела...

— Нет, ты сказала то, что хотела, — заявила она, скрестив худые руки. — Ты считаешь, что я — замена низкого качества, которую можно использовать только из-за экстренного случая. Если бы решала я, я бы тебя прогнала, но мне нравится Питер, и лес тебя пропустил, так что я дам тебе шанс. Скажи, зачем ты тут. В этот раз честно.

Я тихо вдохнула, тянула время, подбирая правильный ответ. К счастью, у меня был опыт общения с сильными созданиями, честь которых можно было задеть.

— Прошу прощения, — я опустила голову. — Я не хотела оскорбить. Просто я еще не встречала шамана-профессионала раньше и не знала, как себя вести. Я не считаю вас ниже уровнем. Наоборот. Я шла, потому что знала, что тот, кто живет в этом лесу, точно эксперт, а мне это и нужно. Я что-то сделала с магией, чего не понимаю, и...

— Я ощущаю, — перебила женщина, фыркая. — Она кричит так, что мне слышно.

— Тогда вы знаете, что это серьезно.

Она покачала головой.

— Не просто серьезно. Я еще не видела, чтобы магии было так плохо, а я видела катастрофы. Я потрясена, что Питер не сказал тебе идти ко мне раньше.

— Он говорил, — сказала я ради честности и защиты друга. — Питер дал вашу визитку до того, как это случилось.

Старушка была в ужасе.

— Ты использовала магию, хотя было уже так плохо, что Питер отправил тебя ко мне? Ты глупая?

— Я не по своему желанию так делала! Я же сказала, я пыталась ее не трогать, но дело было срочным. Мне нужно было что-то делать, или мой напарник умер бы!

— Решение было плохим, — сказала она, качая раздраженно головой. Она отвернулась. — Боюсь, я не могу тебе помочь.

Мой желудок стал куском льда.

— То есть, мою магию никак не восстановить?

— Нет, я могу ее восстановить, — женщина шаркала по вьющейся тропе. — Но нет смысла, ведь ты снова ее ломаешь. Твоя магия уже сказала тебе так громко, как могла, что ты издеваешься над ней, а ты не слушала. Если не будешь слушаться своего тела, почему будешь слушаться меня? Я не трачу время на пациентов, которые не будут следовать

протоколу лечения.

— Но я буду! — пообещала я, побежав по тропе за ней. — Обычно я хорошо забочусь о магии. Я проигнорировала в этот раз, потому что была под давлением, и я не понимала, что дело настолько плохое, до этой ночи!

— Почему тогда ты не пошла в больницу? — рывкнула она, повернувшись так быстро, что я чуть не врезалась в нее. — В СЗД много клиник, которые посмотрели бы на твою магию. Многие для бедных, так что не рассказывай про цену.

— Но...

— Никаких «но», — рывкнула она. — Я — врач, поклялась не вредить. Ясно, как день, что ты мучила магию годами. Я не буду тебя лечить, чтобы ты еще сильнее разбила себя в следующий раз, — она отвернулась. — Когда будешь готова объяснить, что тебя сюда привело, мы поговорим. Но если ты просто ищешь дешевую помощь, иди куда-то еще.

Она развернулась и пошла прочь, я смотрела на ее спину. Я не могла сказать, почему приказала такси везти меня сюда, а не в обычную клинику. Она была права, многие врачи помогли бы за те деньги, что у меня были, и они не жили в безумном лесу. Я даже не хотела ее визитку, когда Питер дал ее мне, и я все еще не верила, что шаманы были настоящими магами.

Но, может, в том и было дело. Я уже была у многих «настоящих» врачей. Пока я росла, мама водила меня ко всем экспертам развития магии в мире, всем уважаемым тауматургам из лучших университетов, и никто не смог сказать, почему я так ужасно колдовала. Они просто смотрели на мою магию и говорили стараться сильнее, но я старалась. Я старалась так долго, но все взрывалось мне в лицо. Потому что я не пошла в клинику, даже когда магия болела до слез на глазах. Я не хотела тратить с трудом заработанные деньги на еще одну лекцию о том, что все было моей виной. И это было моим ответом.

— Я не хочу быть неудачницей.

Слова прозвучали печальным голосом девочки, и старушка остановилась.

— С чего ты взяла, что ты такая? — спросила она, обернувшись.

Я беспомощно пожала плечами.

— Потому что я все время проваливаюсь? Я не знаю, почему, но я была ужасным магом всю жизнь. Даже когда я копирую чьи-то заклинания точь-в-точь, это не работает так, как должно. Магия всегда взрывается мне в лицо. Удивительно, что я не сломала себя до этого. Отдача била по мне столько раз, что я ее уже не чувствую. Врачи всегда говорили быть осторожнее, но другие маги делают все это, не вредя себе. А я даже не могу наполнить круг, не получив магией в лицо! — я потерла руками волосы. — Это так раздражает! Я не глупая во всем остальном. Я хорошо училась по другим предметам, но магия просто...

— Не работает, — закончила женщина.

Я мрачно кивнула.

— Я не знаю, какое чудо жду от вас, но вы правы. Я не могу так продолжать, но не знаю, что делать. Я не... я не могу...

Я закрыла глаза и отвернулась. Я не буду плакать при незнакомке. Я не была такой слабой. Я не думала так, но доктор Ковальски опустила узловатую ладонь на мое плечо.

— Что ты не можешь?

Я скривилась.

— Я не могу быть и дальше слабым звеном, — прошептала я. — Многие Уборщики не маги, и они отлично зарабатывают, и я думала, что смогу работать, но я была нужна Нику

этой ночью, и я не смогла. Я спасла его случайно, и я все еще не уверена, не сделала ли все хуже.

— Ясно, — сказала она, хотя вряд ли понимала что-то без контекста. — Что тогда ты хочешь делать?

— Я хочу перестать, — недовольно сказала я. — Я знаю, что хорошим магом мне не стать, но я была бы рада просто не быть ужасным. Я хочу перестать быть помехой. Хочу мочь за себя постоять.

И мочь спасти Ника, не взрывая все вокруг.

— Логично, — сказала доктор Ковальски, когда я закончила. — Идем со мной.

Я моргнула, смущаясь слез на глазах.

— Вы меня вылечите?

— Попытаюсь, — она прошла мимо меня к красной двери. — Я не хотела латать тебя, но если ты можешь быть такой открытой с незнакомкой, думаю, у нас есть шанс помочь тебе с твоей проблемой. Но для начала мне нужно посмотреть на твою магию и оценить ущерб, а я не могу сделать это тут.

Мои колени задрожали.

— Спасибо, — выдавила я, побежав за ней. — Большое спасибо!

— Прибереги это до времени, когда что-нибудь получится, — сказала она. — Хотя я понимаю, почему Питер сжалился над тобой, несмотря на твои предрассудки. Не удивительно для жреца Пустого Ветра, но тот юноша жалеет заблудших.

Я не считала себя заблудшей. Отчаявшейся, но я знала, где я была. Просто мне не нравилось мое положение.

Я не собиралась лишаться неожиданной удачи из-за одного слова, так что держала рот на замке, следуя за доктором Ковальски, когда она открыла дверь и поманила меня внутрь.

* * *

Внутри дом был не такой нарядный, как снаружи. Снаружи был идеальный кирпич и чистые линии. Внутри выглядело как переполненный магазин антиквариата вместе с кучей овощей.

— Не обращай внимания на бардак, — сказала доктор Ковальски, переступая груды летних фруктов. — Брогомир из Хартстрайкеров сделал заказ на прошлой неделе, но еще его не забрал.

— Брогомир из Хартстрайкеров, — с дрожью повторила я. — Вы про брата Миротворца?

Она кивнула.

— Вы продаете овощи одному из трех великих драконов-пророков?

— Я продаю овощи всем, кто приходит и берет их, — проворчала доктор Ковальски. — Эта поляна была местом для экспериментов над плодородностью, пока я не забрала ее. Если я не буду это продавать, я утону в овощах, но поставлять их на местные рынки — такая морока. К счастью, у драконов большой аппетит, и они не против прилететь и забрать.

Я не знала, что сказать. Великий пророк Брогомир был одним из самых известных и уважаемых драконов мира. Даже мой папа говорил о нем с уважением, хотя он обычно ненавидел Хартстрайкеров. Конечно, было всем известно, что Брогомир был безумным. Для пророков это было нормально, так что никто не обвинял его в этом.

— Вот, — доктор Ковальски привела меня в комнатку возле кухни, которая явно должна была стать столовой, но была переделана в кабинет с большим столом, заваленным вещами,

диваном для консультаций и стенами, украшенными дипломами в рамках из уважаемых магических университетов.

— Ого, — я потрясенно смотрела на поле латыни. — Что из этого делает вас доктором?

— Выбирай, — доктор Ковальски убрала ящик редиса со стула, чтобы она могла сесть за стол. — Я была ведущим экспертом в своей области годами. И все еще являюсь, но устала от политики университетов, а университеты устали от шаманизма.

Я смущенно шаркнула ногой, вспомнив свои комментарии Питеру.

— Подходы взлетают и выходят из моды, как и все остальное, — продолжила она. — Сорок лет назад половина магов мира была шаманами. Это было популярно, но шаманизм делает упор на интуицию и меняет принципы колдовства для каждой личности и ситуации. Это не привлекало корпорации. Они хотели магию, которая работает всегда одинаково, хоть она и менее сильна и эффективна и требует больше ресурсов. Так тауматурги стали получать всю высокооплачиваемую работу, а шаманизм пришел в упадок. Простая экономика. Не помогло и то, что архимаг Совета Мерлина звала тауматургию единственной «настоящей» формой магии. Она сделала остальных шарлатанами.

Архимаг была в лагере тауматургии. Она не управляла тем, какой магии учили в школах, но она влияла на магическое сообщество. Когда она говорила, что годилась только тауматургия, остальные слушались. Даже мой папа считал, что шаманы были тратой времени, а он даже не был человеком.

— Я вижу, почему у вас проблемы.

— Все не так плохо, — доктор Ковальски опустилась на стул со скрипом. — Возглавлять университет было хорошо для самооценки, но шаманизму не нужно было одобрение институтов, чтобы сиять. Мы потеряли влияние на людей, но каждый жрец — шаман по определению, так что у нас всегда было это.

— Почему жрецы — шаманы? — я не думала, что богам было дело до того, как ты колдовал, пока ты выполнял работу.

— Потому что жрецы служат Духам, и, в отличие от тауматургов, шаманы не пытаются запихать своих богов в крохотные круги.

— О, — я ожидала что-то великое, но в этом был смысл.

— Но хватит об упадке моей когда-то великой дисциплины, — сказала доктор Ковальски, указывая на диван под окном, который был покрыт книгами, а не овощами. — Присядь, посмотрим на твою магию.

Я кивнула и подвинула стопки, чтобы освободить себе место. Когда я села, доктор взяла мои ладони. Она тыкала кожу мозолистыми пальцами почти полминуты, а потом прижала большие пальцы на внутреннюю сторону моих запястий, словно проверяла пульс.

— Попробуй подвинуть немного магии, — приказала она. — Знаю, ты не можешь, но просто попробуй.

Я кивнула и закрыла глаза, стараясь дотянуться до густой и дикой силы в этой части СЗД. Ее было так много, что я ощущала, как она покрывала мою кожу как вода. Но, как бы я ни боролась, я не могла подвинуть ни капли.

— Интересно, — доктор Ковальски отпустила мои ладони. — Тебе говорили, что у тебя высокая тяга? Очень высокая?

Я кивнула. Тягой измеряли, сколько магии удавалось ухватить за один раз, и моя была невероятно высокой. Я знала это, потому что мама обсуждала это каждый день в моем детстве. Из-за желания отца отбросить мораль ради создания идеальной дочери-мага, мои

гены были сильно подправлены перед моим рождением, и тяга была чуть выше того, что считалось человеческим пределом. Эта способность должна была сделать меня выдающимся магом, но, как все со мной и магией, это не сработало. Моя высокая тяга позволяла мне ощущать и двигать магию на годы раньше, чем другие дети знали, что они были магами, но это не сделало меня лучше в манипуляции силой, а только эта часть колдовства была важной.

Я объяснила все доктору Ковальски. Точнее, рассказала о высокой тяге, и почему это мне не помогало, оставив нарциссизм дракона, который привел меня к такому положению. Я не стыдилась того, что меня вывели в пробирке. Просто я устала от того, что папа нависал над каждым аспектом моей жизни. Серьезно, я не могла даже сломать магию, не найдя его в обломках. Можно подумать, я была рада обвинить его во всех своих проблемах, но я не буду свободна, если продолжу винить его в своих проблемах, даже если во многих он участвовал.

— Думаю, я понимаю твою проблему, — сказала доктор Ковальски, когда я закончила свою историю. — Две проблемы, но они связаны.

— Это было быстро, — воодушевилась я. — Так вы можете меня починить?

— Не починить, — она отклонилась на стуле, задумчиво хмурясь. — Люди двигают магию, пока тянутся к ней внутренней частью себя. Официально, это придаток, собирающий ману, осознающий себя, но его лучше знают по простому названию, душа. Души людей — то, что дает нам уникальную способность двигать магию вне наших тел, как силы из земли, так и силу из других сосудов, включая духов и других живых существ. Способность делать это намеренно делает человека магом, но все души людей двигают магию в какой-то степени, даже если они не маги. Но, как и с любой частью тела, душу можно повредить, если слишком сильно использовать, причинив растяжение или дыру.

— Это случилось со мной? — разорванная душа звучала ужасно.

Доктор покачала головой.

— Ты смогла зайти дальше. Растяжение души болит, но если ты ничего не чувствуешь, значит ты загнала душу дальше предела и вызвала вывих.

Видимо, на моем лице был ужас, потому что она поспешила успокоить меня:

— Не переживай, твоя душа не разбита. Она еще в твоём теле, просто не на том месте. К сожалению, я никак не могу вернуть ее на место.

— Так будет всегда? — моя паника росла.

— Не всегда, — сказала она. — Она сама вернется на место, но связи, которые ты порвала, восстановятся не сразу. Тебе нужно поменьше колдовать, пока твоя магия не исцелится. Если это случится снова, ущерб не получится исцелить.

— И тогда моя магия будет сломана навеки?

— Нет, — сухо сказала она. — Если ты оторвешь душу от тела, ее засосет в Море Душ, и ты умрешь.

— О, — я прикусила губу. — Но это заживет, если я не буду ее использовать, да?

Доктор кивнула.

— Ощущалось близко, когда я осматривала ее до этого, так что чувства должны скоро к тебе вернуться. Но меня больше тревожит не рана.

Я в ужасе уставилась на нее.

— Что может быть хуже, чем вывих души?

— То, что ты вообще могла что-то делать.

Доктор Ковальски склонилась, разглядывая меня яркими глазками, словно я была

интересным и очень опасным насекомым.

— Вывих души — не обычная рана. Душа и тело человека плотно связаны, так сильно, что некоторые считают их одним и тем же. Нужно много энергии, чтобы повредить эту связь. Я удивлена, что ты не взорвала себя на куски.

— Я крепкая, — сказала я с упрямой гордостью. — Все взрывалось перед моим лицом с детства, так что я привыкла.

— В этом и проблема, — заявила старушка. — Отдача — неминуемая часть обучения управлению магией, но ты не должна делать это все время. Повторяющаяся рана за долгий период может привести к серьезному ущербу, — она нахмурилась. — Колдовать для тебя больно?

— Только когда я что-то путаю, — а это бывало часто. — Но обычно я не давлю на магию так сильно. Просто в последнее время были трудные ситуации.

— Ты вообще не должна давить, — заявила доктор Ковальски. — Это нездоровый способ колдовать, особенно с твоей высокой тягой. Ты чуть не вытолкнула свою душу из тела.

— Но у меня не было выбора! Мы с моим другом чуть не умерли.

— Я не говорю о том, что тебе пришлось делать в экстренной ситуации, — строго сказала она, прижимая мозолистые пальцы к моим ладоням. — Такая рана не могла появиться от одного дикого заклинания. Ты страдаешь от того, что всю жизнь ужасно колдовала. Если не хочешь, чтобы это повторилось, тебе нужно регулировать тягу.

Я смотрела на нее.

— О чем вы говорите? Тяга — бессознательная. Это нельзя регулировать.

Теперь доктор Ковальски уставилась на меня.

— Ты серьезно?

Да. Меня учили, что с тягой рождались, как с волосами. У каждого мага было немного иначе, потому что все заклинания тауматургов начинались с круга. Круг не только служил как топливный бак для заклинания, сдерживая всю магию, пока ее не нужно было применить, но и служил для преобразования, создавая из магии, которую схватил маг, силу, которую он мог использовать.

Кроме этого, можно было записать, что именно ты хотел от заклинания, выразить это серией логичных указаний, как компьютерный код. Из-за магических кругов все серьезные маги были тауматургами. В мире, где каждый маг и источник отличались, круги были тем, что всех объединяло. Без них пришлось бы настраивать каждое заклинание индивидуально, учитывать силу и концентрацию магии. Но если направить магию в круг, все странности пропадали, становясь хорошим источником силы, которая гладко текла по заклинанию. Круги убирали проблемы и с разной тягой магов, ведь, если все шло в одно место, не важно, как быстро или сильно ты лил туда магию.

Так меня учили.

— Нет, ты права, — сказала доктор Ковальски, когда я объяснила это. — Так и должна работать тауматургия. Но помни, тауматургия, как все стили колдовства, просто концепция. Это система, созданная людьми, чтобы помочь нашим головам принять то, что мы забираем силу из вселенной и придаем ей облик для использования. Но, как все, что сделали люди, тауматургия не без ограничений. Ее создали как универсальную магическую систему. Потому что у всех языков заклинаний общие понятия. Но есть заметная разница между стилями, хотя каждый тауматург может прочесть, понять и наколдовать записанное заклинание. Для

этого была создана тауматургия. Это усредненная магия.

— Это хорошо, — сказала я.

— Это чудесно, — согласилась доктор Ковальски. — Универсальность тауматургии — великая сила, особенно, если ты — корпорация, которая зарабатывает на напечатанных заклинаниях, изданных комитетом, чтобы их мог применять даже идиот. Но, хоть тауматургия чудесно направила магию в массы, она не подходит для исключений. В этом проблема универсальных систем: ты не можешь спланировать все. Даже если твои заклинания работают, как должны, девяносто девять процентов времени, один процент просто не сможет справиться. И кто-то с тягой выше человеческих пределов не подходит под стандарты.

Я недоверчиво посмотрела на нее.

— Вы хотите сказать, что моя магия слишком безумная для тауматургии?

— Это я и говорю, — ответила доктор, уверенно кивая. — Тебя учили системе, которая подходит для обычного мага, но ты не такая. Потому заклинания, которые ты брала в интернете, взрывались тебе в лицо. Ты не плоха в копировании заклинания, просто ты отдаешь туда столько магии, сколько оно не создано выдерживать. Конечно, все это ломалось.

Доктор Ковальски говорила так, словно это было очевидно, но мне казалось, что она перевернула мой мир и встряхнула его.

— Так дело не во мне? — прошептала я, тело дрожало.

— О, в тебе, — сказала она. — Заклинания в порядке. Ты толкаешь их дальше их пределов.

— Но только из-за безумной тяги, — отчаянно сказала я. — Не из-за того, что я...

«Ужасная, — прошептал голос отца в голове. — С изъянами».

— Дело не в твоих навыках, — сказала доктор Ковальски. — Я не видела, как ты создаешь заклинание, так что не знаю, хороша ли ты в этом, но весь смысл тауматургии в том, что тебе и не нужно быть хорошей. Не нужно быть гением, чтобы быть неплохим магом. Нужно просто уметь читать и копировать заклинания, а это может каждый идиот.

— Кроме меня.

— Было бы проще, будь ты идиоткой, — сказала врач. — Можно научиться создавать заклинания и исправить кривое колдовство, но твоя проблема в одной из основ всей системы тауматургии. Ты могла быть гением заклинаний, но вещи продолжали бы взрываться тебе в лицо, потому что заклинания тауматургии просто не созданы для такого исключения, как ты.

Я сжала ладони на коленях. Мне столько раз говорили — и я себе говорила — что я была ужасным, безнадежным и жалким подобием мага, и я должна была обрадоваться, что это была не моя вина. Что я не была неудачницей, хотя бы в этом. И я была рада. Отчасти. Потому что я была уверена, что поняла все, что сказала доктор Ковальски, хотя было еще сложно поверить, что это могло быть правдой.

— Если это происходит, — робко сказала я, — почему никто этого не видит? Моя тяга была сильной с моего рождения. Мою магию смотрели сотни, а то и тысячи экспертов, и все говорили, что это была моя вина. Они всегда говорили, что я не слушала или плохо старалась.

Доктор Ковальски пожала плечами.

— А ты?

— Конечно, я старалась! — возмутилась я. — Я не хотела быть слабым звеном! Я старалась изо всех сил годами! Но если все время проблема была в моей тяге, почему я узнала об этом только сейчас?

— Не знаю, — сказала доктор Ковальски. — Я не знаю, почему я первой указала на то, что должно быть очевидным всем, кто понимает, из чего состоит заклинание, но это явно связано с тем, что они все были тауматургами, — она улыбнулась. — Эксперты, особенно, уважаемые, становятся жертвами тех же заблуждений, что и все. Если система всегда работает у тебя, естественно думать, что так у всех. Если заклинание не работает, значит, ошибается маг. Само заклинание никогда не подозревают. Как можно? Оно всегда работает.

Она склонилась и подмигнула.

— Опасно думать, что только так можно колдовать. Из-за этого люди не видят, что заклинания тауматургов с изъянами, как все, что создают люди. Но я — шаман. В отличие от твоих уважаемых экспертов, я всегда считала тауматургию с изъянами, ограниченной системой, которая рухнет под весом высокомерия, от этого заметить проблемы, как эта, намного проще.

Я дрожала, когда она закончила. Я вспомнила напыщенные варианты «если бы ты вложила все силы» или «может, твой разум не годится для тауматургии», которые слышала с детства, и объяснения доктора Ковальски были для меня понятны. Услышав это, я ощущала радость от справедливости и ярость. Как они смели заставлять меня думать, что это все было моей виной? Они не знали, как я укоряла себя за это? Как сильно билась, чтобы использовать систему, которой было не суждено работать для меня?! Но, хоть было приятно знать, что не я была неудачницей, проблема оставалась.

— И что мне делать? — отчаянно спросила я. — Хорошо узнать, что я — не ужасный маг, но как мне колдовать, если заклинания мне не подходят? И, пока вы не сказали стать шаманом, отмечу: я уже делала свою версию колдовства без заклинания, когда собирала магию вместе, и это взрывается так же часто, как то, что я рисую. Так я навредила магии в этот раз, так что мне делать? Как колдовать, не вредя себе?

Доктор Ковальски пронзила меня недовольным взглядом.

— Во-первых, шаманизм — не просто «соединение магии». То, что наши правила более гибкие, чем у тауматургии, не означает, что у нас их нет. Наши правила намного важнее, потому что у нас нет кругов как средства безопасности. Тауматурги всегда пытаются найти новые способы закупорить молнию, чтобы любой мог ее коснуться, не пострадав. Шаманы учатся обуздывать молнию. Это куда более опасная форма колдовства, но, как по мне, только ее можно называть магией. Нет ничего магического в том, чтобы направлять измененную безопасную силу через логические указания, чтобы достичь ожидаемого результата. Но брать сущность богов в руки и плести из нее, склонять силу вселенной своей воле, используя только свою нагую душу... — она судорожно вдохнула. — Это сила. Это означает быть магом. Остальное — лишь пародии.

Я не знала, зашла бы так далеко, но у нее шаманизм звучал романтично. И немного безумно. Но я попала из города в сад ведьмы посреди ночи в бесконечном лесу, чтобы узнать, почему моя душа была сломана, разве я могла судить? Доктор Ковальски уже научила меня большому о моей магии, чем все эксперты моего папы, и она описала колдовство забавнее, чем запись заклинания. Даже когда оно вы взрывалось мне в лицо, я всегда плохо справлялась с заклинаниями. Может, пора было попробовать что-то новое?

— Вы могли бы меня научить?

Я думала, что доктор Ковальски после таких ее слов ухватится за идею, но она покачала старой головой.

— Нет.

— Почему?!

— Потому что шаманизм требует высокого уровня контроля над магией, — фыркнула она. — Ты даже не знала, что проблема была в тяге, до этого разговора. Забудь об обучении свободному колдовству. Я переживаю, что ты не сможешь научиться приглушать магию достаточно быстро, чтобы не разбить ее снова.

— Тогда научите меня этому, — решительно сказала я. — Хорошо знать, что я не была слишком глупа для тауматургии все эти годы, но я все еще маг, который не может колдовать, а разве это хорошо? — я сжала кулаки. — Мне надоело быть слабой. Я приму все, что вы предложите. Просто скажите, что делать.

Доктор Ковальски долго смотрела на меня, ее глазки сияли среди морщин. А потом она стала рыться в мешках под столом.

— Уменьшить тягу просто, — сказала она. — Но не легко. Поменять привычку, о которой ты и не задумывалась нелегко, но метод довольно простой. Мне просто нужно найти подходящий предмет, чтобы помочь тебе... ага!

Она выпрямилась и сунула что-то коричневое и продолговатое в мои руки.

— Вот. Это сработает.

Я в предвкушении посмотрела на предмет.

— Это картофель.

— Именно, — радостно сказала она. — Картофель идеального размера, чтобы ты представила, сколько магии нужно двигать. Когда связь с твоей душой вернется, и ты сможешь колдовать, не вредя себе, я хочу, чтобы ты тренировалась хватать количество магии размером с картофель.

— Этот картофель? — я подняла плод размером с мою ладонь. — Но это ничто! Самый маленький круг, который я использую, — тот, что заряжает мое пончо, а он в четыре фута в диаметре. Вы знаете, как долго его наполнять, используя горсть размером с картофель?

— Да, — сказала доктор Ковальски. — Потому что этот картофель хорошо представляет размер тяги среднестатистического мага, так и у меня.

— Но...

— Миллионы магов живут, управляя только такой горстью магии, а то и меньше, за раз, — строго сказала она. — Уверена, ты выживешь. Только так ты сможешь выжить. То, что ты родилась со способностью хватать удивительно много магии, не означает, что твое тело с этим может справиться. Ты уже вывихнула душу, и если ты продолжишь безрассудно хватать как можно больше сил, в следующий раз будет хуже. Ты сказала, что готова на все, тогда пора решать. Ты готова работать, чтобы изменить себя? Или ты будешь просить о помощи меня, а потом жаловаться, когда я скажу, что нужно делать?

— Простите, — я сжала картофель. — Я сделаю это.

— Хорошо, — она выглянула в окно за мной, небо становилось розовым. — Солнце восходит, тебе нужно идти. Нельзя ничего делать, пока связь твоей души не вернется, и это не произойдет, пока ты не поспишь.

Я была готова уснуть. Телефон вообще уже не работал, и я не знала, который был час, но если солнце восходило, я не спала сутки.

— Сон звучит отлично, — я встала с дивана со скрипом. — Сколько я вам должна?

После ее слов, что она не была дешевой, я готовилась к худшему, но пожилой врач покачала головой.

— Сегодня бесплатно.

— Вы шутите.

— С чего бы я шутила насчет этого? — спросила она. — Ты ясно дала понять, что у тебя плохо с деньгами, и я решила побыть доброй. Это пустяки. Кроме моего времени, ты мне стоила сегодня лишь картофеля, а этого у меня много.

Я замотала головой.

— Я должна заплатить.

— Почему?

— Потому что я по шею в долгах, и я не хочу больше, — заявила я. — Если это сработает, и вы починили мою магию, я буду обязана вам жизнью. Но я делаю это, чтобы вернуть свою жизнь, так что позвольте заплатить заоблачную цену, чтобы это было закончено.

Старушка склонила голову.

— Почему так сложно поверить, что я даю тебе что-то бесплатно?

— Потому что это СЗД! — закричала я. — Тут бесплатно только проблемы.

Она была оскорблена.

— Думаешь, СЗД это только деньги?

Я смотрела на нее, пытаюсь решить, был ли этот вопрос серьезным.

— Эм, да? Мы живем в храме безрассудного капитализма, месте, где все разрешено и все продается. Чем еще это может быть?

— Деньги могут купить только вещи, — сказала старушка, ее карие глаза сияли странным янтарным светом в лучах солнца. — Деньги — просто орудие. Это средство, не результат. СЗД всегда понимала это.

— Но обманула меня, — буркнула я.

— Не знаю, почему тебе так сложно понять, — едко сказала она. — СЗД использует деньги для того же, что и ты.

— Чтобы оплачивать долги?

Старушка посмотрела на меня строго.

— Чтобы купить свободу.

Она закончила, и я поняла, что давление в комнате усилилось. Казалось, дикая магия, которую я заметила по пути, стала больше. Тяжелее, давила на меня. Через секунды мне стало сложно стоять на ногах, но доктор Ковальски этого не замечала. Она просто сидела на стуле, смотрела на меня странными яркими глазами, ее магия странно выделялась. Сила от нее катилась волнами сильнее, чем в саду. Сильнее, чем должно от человека. Сильнее, чем что-либо, что я ощущала вне Узлов, когда тьма ловила меня...

Я выронила картофель, когда все поняла.

— Вы — дух.

Старушка улыбнулась.

Я опустилась на стул, выбора не было. Магия так давила, что я ощущала, как она толкала во мне мою пострадавшую душу. Это было ужасное неестественное ощущение, но я не могла переживать из-за этого. Я была занята, пытаюсь понять, с каким духом столкнулась, пока не сказала то, что могло меня погубить.

Это был не голос Пустого Ветра. Вряд ли это было важно, боги, наверное, могли менять

голоса, когда хотели, но тут не было мертвых или забытых, так что это был не он.

Это не могла быть Алгонквин. Я видела много раз Леди Великих озер по телевизору, и хоть она часто принимала человеческий облик, потому что люди боялись, когда понимали, что говорили с женщиной из воды, обычно это было очевидно. И она была Духом Земли. Это все еще делало ее богиней, по сравнению со смертной, как я, но Духи Земли были самыми старыми и маленькими духами. Большие и опасные боги были теми, кого создали люди, Духи Смертных.

В отличие от Духов Земли, они не были ограничены физическими структурами. Они были такими же большими, как страх людей перед смертью, такими же сильными, как способность любить, и они носили столько лиц, сколько мы им давали. Я была уверена, что существо передо мной в теле старушки было одним из таких, но чьим? Нынче богов было много. Кто осмелился бы жить на земле, которую город отказывался...

Я ощутила себя глупо. А потом испугалась, потому что, если я была права, я была в обществе божества, которое пугало сильнее, чем Пастух Забытых Мертвых.

— Вы — СЗД,

— Долго ты понимала, — сказала дух голосом, который уже не походил старушке.

Я вжалась в диван.

— Вы были тут все время или...

— Я всегда тут, — ответил город, улыбаясь мне, и это выглядело так, словно у куклы потянули за нужную нить. — Это одно из моих лиц. У города их должно быть много, но доктор Ковальски — одно из моих любимых. Она умерла десять лет назад, но мы договорились, что я возьму ее душу как часть своей в обмен на ее знания. И ее помощь с садом. Я ужасна с растениями.

Она опечалилась из-за этого. Я не знала, почему богиня хотела быть хорошей садовницей, но это показалось важной.

— Так я говорила с врачом?

— О, да, — сказала СЗД. — Она управляла собой еще пару мгновений назад. Я только подслушивала, но наше предложение было честным. Я не приказывала доктору Ковальски помочь тебе бесплатно, и я не пытаюсь заманить тебя в долг. Мы обе просто хотим помочь тебе восстановить магию.

Она звучала искренне, но я выросла в тени дракона, так что я ощущала тревогу.

— Почему? — я сжала подушки. — Я не хочу грубить, но вы — богиня. Боги ничего не делают бесплатно.

— Не равняй меня под мораль дракона и мерки людей, — недовольно сказала СЗД. — Я — СЗД, Я делаю, что хочу! А я хочу, чтобы ты преуспела.

Я растерянно моргала.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты победила, — уточнила богиня, села прямее, насколько могла старушка. Ее лицо выглядело моложе, и глаза были уже почти оранжевого цвета, как фонари, а не человеческого — и взгляд был хищным. — Ты прибыла в мой город, чтобы начать новую жизнь. Ты пришла быть свободной, уйти от силы, которая хотела держать тебя для развлечения. Когда твой отец попытался сокрушить тебя своей магией, ты использовала ум и хитрость, чтобы обратить оружие против него. Ты находила новые способы держаться. Это делает тебя одной из моих.

Я вздрогнула от слова «моих».

— Я — не вещь.

— Я так и не говорила. Наоборот. Ты — мой человек, потому что я — твой город. Я могу поднимать такие здания, какие хочу, но это просто строения. Важны жизни внутри, и для меня это ты.

— Это все еще не повод, — возразила я, голос дрожал. Говорить так с бессмертным духом было глупо, но этот разговор вызывал у меня все больше тревоги. Боги, драконы или люди, властные создания не выделяли тебя для помощи, чтобы не попросить чего-то взамен. — Вы сказали, что хотите моей победы, то есть, чтобы я одолела папу и освободилась, но я не понимаю, какое вам дело.

— Потому что ты — это я, — сказал раздраженно город. — Я — дух города. Я не встаю и выбираю, кем буду, каждый день. Ты решаешь это. Ты и все, кто зовут меня домом. Вы определяете меня, и если я хочу измениться, мне нужно начать с вас.

Я нахмурилась. Лицо женщины на стуле теперь выглядело моложе моего, напоминая мне, что СЗД была молодой богине. В отличие от Пустого Ветра, древнего, как желание людей, чтобы их помнили, СЗД поднялся из пепла Старого Детройта восемьдесят лет назад, и город не сразу родился со своим духом. Идея СЗД долго появлялась, через десятки лет люди перестали думать о городе, как о территории, завоеванной Алгонквин, и стали видеть место, где все было возможно, и все были свободны. Первая запись о Духе СЗД была всего двадцать лет назад, а мне было двадцать шесть, так что я была старше нее, что было странно понимать о богине.

— Вы сказали, что начнете с меня, — медленно повторила я. — Что это означает? Что мне нужно делать?

Ладони духа — все еще морщинистые ладони доктора Ковальски, резкий контраст с ее новым юным лицом — сжали подлокотники.

— Не ты одна хочешь измениться, Опал Ён Э. Я — город драконов и магов, мультимиллиардеров и суперскребов. Я — самое богатое место в мире, но у меня самые высокие показатели убийств, нищих детей, зависимых и суицида на планете. Ты чуть не погибла на одной из моих парковок часы назад, и скорая не приехала без взятки, — она покачала головой. — Ты убираешь мои заброшенные места, так что знаешь, какой уродливой я могу быть, но я хочу другого. Я хочу быть лучше, убрать то, что делает меня токсичной. Будь я другим городом, я могла бы просто издать законы и исправить проблемы, но я — Свободная Зона Детройта. Меня определяет отличие ограничений, но это не означает, что я хочу быть ямой, где все творят ужасные дела. Я хочу быть хорошим городом. Местом, где люди хотят жить, а не только делать то, что больше нигде им не разрешат. Но я не могу стать такой без хороших людей, живущих во мне. Потому, когда я нахожу тех, кто подходит тому, каким городом я хочу стать, я стараюсь сберечь их.

Я сжала губы. Вот.

— Вы хотите, чтобы я осталась в СЗД.

Богиня кивнула.

— Один человек в городе с девятью миллионами не кажется важным, но собери их, помоги преуспеть и пустить корни, и город изменится. Я изменюсь. Ты — важная часть этого процесса. Честно, я говорю с тобой сейчас, потому что надеюсь, что ты будешь даже больше.

Я снова встревожилась.

— Что это означает?

— То, как и звучит, — ответила она. — Ты такая, каких я хочу привлечь в свой город: юная, решительная, предприимчивая, но не желающая продавать свою мораль. Но было бы глупо проглядеть факт, что ты генетически — супермаг с тягой, которая впечатляет, и та, кто может быть прирожденным шаманом.

Последнего я не ожидала.

— Что?

— Ладно тебе, — богиня усмехнулась. — Думаешь, все могут хватать магию и придавать ей облик по своей воле? Знаю, у тебя плохое мнение о шаманах, но многим людям поразительно сложно собирать и удерживать достаточно магии даже для маленького заклинания без круга. Так громко говорит мне известная шаман, доктор Рита Ковальски, — ее улыбка стала шире. — Есть те, кто интуитивно понимают логику заклинаний, а есть те, кто подходит для роли шамана. Мы не узнаем, относишься ли ты к таким, пока ты не начнешь тренироваться, но доктор Ковальски считает, что шансы велики. Если научишься управлять огромным количеством магии, которую ты можешь собирать, не убивая себя, будет очень хорошо.

Для той, кого звали всю жизнь неудачницей, эти слова были чудом. Но, хоть я не могла перестать улыбаться, я не была душой.

— Звучит как коммерческое предложение.

— Ты умная, — одобрительно сказала дух. — Как и ожидалось от Опал Дракона. Я хочу тебя даже больше теперь.

— Хотите для чего?

Она усмехнулась так широко, что ее лицо уже не выглядело как человеческое.

— Быть моей жрицей.

Я сжалась.

— Как тот слепой жрец в Блуждающем соборе?

— Безымянный из моих, да, — сказала дух. — Но есть и много других. Думаю, ты была бы чудесным дополнением, и это было бы хорошей сделкой для тебя, — ее лицо стало хитрым. — Я знаю, что ты ищешь способа сбежать от Дракона Кореи.

Я застыла.

— Я знакома с драконами, — продолжила она. — Во мне их много. Я видела, как упрямо они держатся за то, что считают своим. Но, хоть он силен на своей земле, мы далеко от Кореи, и Ён — не божество. Я — богиня. Если ты будешь под моей защитой, он не сможет тебя тронуть.

Я судорожно вдохнула. Победа этой ночью с рынком золота дала мне надежду, но два доллара были далеки от сотен тысяч, которые я была должна папе. Я была хорошим Уборщиком, когда проклятие не мешало мне, но даже в лучшие дни заработать достаточно, чтобы отплатить весь долг к концу месяца — всего через три недели — было бы невозможно. Горькую правду обойти не удавалось, но СЗД предлагала мне новый путь. Папа был сильным и ужасным, но даже Великий Ён не мог одолеть бога. СЗД была не драконом, так что побег к ней не вызовет войну кланов, и я не окажусь под другими когтями. Я не хотела быть жрицей, но не могла игнорировать эти факторы. Я пыталась придумать умный ответ, который не считался бы отказом или согласием, когда СЗД подняла руку.

— Тебе не нужно решать сейчас, — сказала она. — В отличие от твоего отца, люди как имущество меня не интересуют. Я хочу последователей, которые хотят ими быть, которые могут работать без моего надзора, и я дам доктору Ковальски учить тебя в любом случае.

Она просила дать ей ученика с ее смерти, и для города полезно иметь сильного шамана, не психа и не испорченного, даже если ты не захочешь быть моей жрицей. Но, прошу, обдумай мое предложение, — она коснулась моей ладони мозолистыми пальцами доктора Ковальски. — Я слышала, порой ты говоришь, что ненавидишь меня, Опал, но ты не знаешь, как сильно я ненавижу те части себя. Мы обе хотим освободиться от того, кем мы были, но, в отличие от вас, людей, я не могу сделать это одна. Город такой, как те, кто зовут его домом, так что я надеюсь, что однажды ты будешь гордиться, называя меня своим городом.

Это было ее лучшее предложение. Глядя на СЗД, я видела выход. Без драконов, предательств или риска с деньгами. Но нужно было преклонить голову перед другой непобедимой силой, и хоть к СЗД я относилась лучше, чем к отцу сейчас, я не знала, смогу ли так сделать.

— Я...

— Ах, — дух накрыла мой рот ладонью, от нее немного пахло влажным асфальтом. — Не сейчас. Иди домой и обдумай это. Когда будешь готова, я появлюсь, как должна богиня.

Я не могла решить, было это утешающе или жутко, но дух передо мной уже таял, ее голодное лицо сменилось морщинами старушки-садовницы.

— Ой-ой, — сказала доктор Ковальски хриплым смертным голосом. — Она давно так сильно не приходила. Ты ей понравилась.

Я рассеянно кивнула, глядя на мой картофель на полу.

— Как это ощущается? — тихо спросила я. — Быть ее?

— Как многое, — доктор встала из-за стола. — Немного хорошего, немного плохого. У меня не было выбора, конечно. Когда она сделала мне предложение, я была уже мертва. Было или идти с ней, или затеряться навеки в глубинах Моря Магии, так что решить было просто, — захихикала она, и ее лицо посерьезнело. — Она была хорошей богиней со мной. Она сохранила мои знания, слушалась моих советов, и она дает мне садить тут все, что я хочу. Как все божества, она требует, чтобы ее ставили на первое место, так что жизни вне нее будет мало. Но она справедливая, и работа интересная. Могло быть куда хуже.

Она улыбнулась мне, но я не могла найти силы ответить на это. Давящая магия СЗД пропала, и я вдруг поняла, как сильно устала.

— Иди домой, — приказала доктор Ковальски. — Машина ждет у края леса, и я обещаю, в этот раз путь будет короче. Поспи хотя бы восемь часов, или твоя душа не восстановится.

Страх этого заставил меня двигаться. Я отблагодарила ее и ушла, забрав картофель и прижав его к груди, как талисман. Я прошла в лес, который теперь был пронизан лучами солнца.

Путь, как и обещали, в этот раз был куда короче. Сад только пропал за деревьями за мной, и я заметила такси на том же кусочке тротуара, где прошлое меня высадило. Я поспешила мимо мониторов магии и бросилась в крохотную машину, рухнула на сидение и ввела свой адрес. Когда мы поехали, я вытащила телефон, чтобы проверить время и понять, почему Сибил была такой тихой. Оказалось, было семь утра, и интернет еще восстанавливался. Я почти ощущала любопытство Сибил, растущее, пока колесико связи крутилось, но у меня не было сил отвечать, и я выключила ей звук, прислонила голову к прохладному окну, пока такси везло меня домой.

Глава 6

Я проснулась намного позже от телефона, звонящего на тумбочке.

Я сонно потянулась рукой среди кучи подушек с кисточками, покрывающих мою глупую новую кровать. Я хотела сбросить все на пол, но так устала, когда вернулась домой, что просто рухнула на кучу. Я даже не разделась. Я как-то смогла забраться под одеяло, потому что теперь была уютно укутана. И я не хотела менять это состояние, потому угащила телефон под одеяло к себе.

— ...ло?

— Где ты?

Я нахмурилась. Это был голос Ника, и он звучал... не в панике — Ник никогда не паниковал — но где-то близко.

— Дома?

Шипение в динамике зазвучало от его выдоха облегчения.

— Ты в порядке?

Мое тело словно ударили грузовиком, глаза не открывались, а голова горела, и я хотела проспать еще месяц. А кроме этого...

— В порядке, — сказала я, широко зевая. — Который час?

— Час дня.

Ах, понятно. Я проспала всего пять или шесть часов. Не хватало еще двух до восьми, которые приказала доктор Ковальски, и этого было мало, чтобы оправиться от целого дня Уборки, похмелья и ночи без сна. Я хотела спросить у Ника, можно ли было спать дальше, когда он убедился, что я жива, но почти паника вернулась в его голос.

— Что случилось прошлой ночью?

Это меня разбудило.

— Ты не помнишь?

— Ничего, — он явно злился. — Я помню, как идиот с плохими имплантатами пытался использовать тебя как заложницу, а потом проснулся на своем диване с жутчайшей головной болью.

Я опустила на подушки с выдохом радости. Он не помнил, что случилось на парковке. Вот и удача. Может, я все-таки не была обречена! Но, пока я праздновала неожиданное везение, Ник звучал все более испуганно:

— Как я тут оказался? — спросил он. — Как мы сбежали с крыши? Почему я ощущаю себя так, словно напился? Я не могу пьянеть!

— Боюсь, это была я, — я пыталась звучать виновато, а не радостно. — Я ударила всех

на крыше магией. По тебе попало отдачей, и ты вырубился, но вырубился и бандиты.

— Но не ты?

— О, я тоже получила, — сказала я. — Я привыкла к взрывам магии, так что быстро пришла в себя. Схватила тебя, пока другие еще лежали, и мы убежали.

Ник выдохнул с облегчением.

— Спасибо.

Я надеялась, что он оставит на этом тему, но стоило знать лучше. Ник, как сказала бы моя мама, был «заинтересован в деталях». Если что-то было непонятным, он не мог отпустить, пока не разобрал все детали, даже своего чудесного спасения.

— Как ты нас вытащила? — спросил он. — Я не видел, чтобы ты поднимала тяжести, так что ты не могла нести меня. Как ты вернула меня в мою квартиру?

— Ты не был совсем без сознания, — я давала ему правду осторожными дозами. — Ты мог идти, прислонившись ко мне, и я помогла тебе сесть в твою машину, а потом отвезла тебя к дому.

Повисло ужасное молчание.

— Ты вела мою машину?

— Она целая! — сказала я. — Я оставила ее на парковке за твоим домом, далеко от других машин.

— Спасибо, — пробормотал он, стараясь звучать вежливо, но не вышло. — Рычаг передачи опущен?

— Вряд ли, — я не хотела обижаться. Если Ник боялся только за свою машину, это меня радовало. — Двигатель издавал странные звуки, но это явно можно починить. Можешь выйти и проверить, если хочешь.

— Позже, — сказал он. — Я еще не смог даже с дивана встать. Когда я пытаюсь, голова кружится так, что приходится ложиться обратно.

Я скривилась.

— Прости за это.

— Лучше так, чем быть мертвым, — сказал он. — Но как долго такое длится?

— Зависит от человека, но должно пройти быстро, раз ты проснулся, — я нахмурилась, пытаюсь вспомнить уловки, которые изобрела во время обучения, когда старалась не отставать и ударяла себя магией почти каждый день из-за этого. — Съешь что-нибудь соленое. Обычно мне помогает.

— Я даже не хочу сейчас думать о еде, — Ник звучал неважно. — Так ты себя ощущаешь каждый раз?

У меня не было отдачи, какую испытывал Ник, но вряд ли этот ответ ему помог бы.

— Это пройдет, — сказала я. — Просто не спеши, отдыхай, и ты будешь в порядке.

Долгая пауза. Я гадала, уснул ли он, но Ник вдруг заговорил:

— Нам нужно поговорить.

Я скривилась. Такие слова не сулили ничего хорошего.

— О чем?

— Это часть того, о чем нужно поговорить, — загадочно ответил он. — Можешь приехать? Я бы приехал к тебе, но не могу встать.

— Хорошо, — я старалась не звучать так, словно готовилась к выстрелам. — Я скоро буду.

Он закончил разговор, и я выбралась из кровати, даже не смотрела на обгоревшую юбку

в крови и бюстгальтер-топ, а сняла их и выбросила в урну. Следом полетели трусики, а потом я прошла в ванную, чтобы помыться, надеясь, что в квартире осталась одежда, в которой можно было пойти к Нику.

* * *

Ничего не было.

После вчерашних экспериментов осталась только одежда, в которой я убирала магазин со слизнями. Она выглядела не так плохо, ведь слизь была невидимой, но останки слизи затвердели за ночь, и ткань была твердой, как картон. К счастью, я жила в СЗД. Мне не хватило бы смелости идти в магазин на углу в таком виде, но я могла накинуть одеяло и добежать до ряда торговых автоматов недалеко от моей двери.

Я не жила в суперскребе, так что выбор был небольшим, но автоматы продавали немного товаров для дома, туалетных принадлежностей, важных предметов, включая одежду. Это был мусор для одного раза, вряд ли толще туалетной бумаги, но вещи были чистыми, и это мне было нужно. Стиль был как «мне шестнадцать, и я убежала в клуб», но это было лучше, чем консервативная мода мамы. Я хотя бы не выглядела скучно в новых блестящих леггинсах и ассиметричной футболке с группой, о которой я никогда не слышала, и я смогла соскрести жижу с сапогов Уборщика, так что ноги не будут страдать в туфлях. Варианта лучше не было, и я схватила сумку и заказала свою машину на день.

Пока я ждала его, я заметила, что Сибил все еще была без звука. Я включила ей звук, готовая извиниться за то, что забыла о ней. Но первыми ее словами в наушнике были:

— Картошку взяла?

Я удивленно моргнула.

— Откуда ты об этом знаешь? Я думала, ты была офлайн.

— Я была офлайн, — заявила она. — Но твой телефон и очки были на тебе. Я заставила их записывать на случай, если я что-то пропущу. Хорошо вышло. Они записали всю ночь для меня. Я просматривала запись, пока ты спала, и я нашла отличные ссылки насчет того, как регулировать тягу, тебе нужно...

— Погоди, ты все время меня записывала? — завопила я. — Сибил!

— Что? — сказала она. — Я — твоя ИИ! Я запрограммирована следить за всем, что происходит в твоей жизни. И я спросила бы, но ты выключила мне звук до того, как я загрузилась из облака!

Я провела ладонью по лицу. Я понимала, что не стоило ожидать приватности с ИИ, которая читала мои мысли, когда могла, но я все еще злилась. Я не говорила доктору Ковальски ничего из того, что не хотела, чтобы слышала Сибил, но это был личный опыт, как терапия. И кому нравилось, когда он узнавал, что его тайно записывали?

— Разве это не против твоего пользовательского соглашения?

— Не знаю, — невинно сказала Сибил. — Ты его читала?

Мы обе знали, что нет, и я отвела взгляд, фыркнув.

— Я сделала это для тебя, — сказала она. — Я переживала, что кто-то использует тебя в момент твоей эмоциональной уязвимости. Но я прокрутила весь твой разговор с доктором Ковальски через четыре программы психологического анализа, и все соглашаются, что у тебя был прорыв! Это фантастика, Опал!

— А еще я встретила богиню, — сухо отметила я. — Это был напряженный момент.

— Ты встретила бога и на прошлой неделе, — напомнила Сибил. — Но кому есть дело до этого? Это прогресс в твоей магии! Твоя неспособность колдовать была на первом месте

из того, что вызывало у тебя негатив. Улучшения там сильно повлияют на твое эмоциональное состояние!

Я ощущала себя намного лучше. Я не смогла отдохнуть восемь часов, как приказала врач, но теперь я проснулась и двигалась, заметила, что магия снова болела. Можно было подумать, что возвращение боли не радовало, но после пугающей пустоты прошлой ночью боль была счастьем. Это означало, что моя душа соединилась со мной, как и говорила доктор Ковальски. Я не хотела пытаться двигать магию, даже если бы горсть была размером с картофель, но я надеялась больше, чем за годы, а то и за жизнь. Но, хоть я радовалась, у меня были проблемы серьезнее.

— Что больше твоей магии? — спросила Сибил.

Я не знала, в этом была одна из проблем. Я думала, что была спасена, когда Ник сказал, что не помнил, но он не стал бы просто так просить приехать к нему. Многие парни, бросавшие меня, делали это, не приглашая меня куда-то, чтобы сообщить об этом, а Ник даже не должен был помнить то, что могло разбить наши отношения, но у меня еще не было такого, чтобы «нам нужно поговорить» заканчивалось хорошо, и в этом была проблема. Не учитывая предложение СЗД, я все еще хотела использовать трюк с рынком золота, чтобы обойти проклятие папы. У меня уже был план, как накопить нужную сумму денег до срока, назначенного папой, но для этого нужен был Ник. Если этот разговор пройдет как все другие, я поползу к СЗД днем.

Но, хоть я переживала из-за денег, мои истинные страхи были куда проще. Я не хотела, чтобы все рухнуло, потому что мне нравился Ник. Я не понимала этого до того, как он меня поцеловал, устроив хаос, но я полагалась на него не только в работе. Например, я должна была позвать Питера с собой на Ночной Аукцион. Он был магом, и это он предложил провести эксперименты с моим проклятием. Он был очевидным выбором, но я даже не думала попросить его о помощи. Я пошла к Нику и заставила его пойти со мной. Я доверяла ему, обращалась к нему. Я не думала так о парне раньше, и если я все испорчу из-за одного пьяного поцелуя, я ужасно разозлюсь.

Но я не могла знать, не поговорив с ним, так что нервно сидела на краю дешевого сидения машины, смотрела в окно на город, пока машина не повернулась к зданию Ника.

Я медленно вышла, поправила дешевую одежду, чтобы они были не такими мятыми, как вылетели из автомата. Когда наряд подростка стал выглядеть прилично, я спустилась к его квартире в подвале.

Ник отвечал на стук в дверь пистолетом, и я сообщала, что пришла. Я сделала так и в этот раз по привычке, постучала в металлическую дверь, крича:

— Это я.

Тихий шорох внутри, и дверь приоткрылась, но я не увидела Ника. Я со страхом подумала, что он игнорировал меня, а потом заметила его на диване, он вытянул длинную ногу, чтобы открыть босой ступней ручку двери.

— Прости, — он закрыл глаза ладонью. — Не могу встать.

— О, боже, — я поспешила внутрь. — Ты был там все время?

— Не все время, — Ник добавил вторую ладонь и потер глаза руками. — Я принял душ после того, как позвонил тебе, но, пока стоял, голова так кружилась, что пришлось лечь.

Становилось понятным, почему его короткие черные волосы были мокрыми.

— Стоило лечь в кровать, — я посмотрела на его ноги на подлокотнике дивана. — Там ты поместился бы лучше.

Он покачал головой.

— Если бы я лег на кровать, пришлось бы вставать, когда ты пришла. Тут проще.

— Я могла бы говорить с тобой там, — я прикусила губу. — Серьезно, ты выглядишь ужасно. Я могу тебе чем-то помочь? Тебе нужна еда или вода...

— Немного воды.

Я кивнула и схватила стакан, который дала ему прошлой ночью, с пола. Когда я наполнила его и вернулась, Ник умудрился сесть. Он выпил три стакана воды друг за другом и плюхнулся на уродливые подушки, вздохнув.

— Похоже, диван пригодился.

Если бы все было нормально, я сказала бы: «Я же тебе говорила», но я могла думать только о том, как он сказал прошлой ночью, что оставил диван, потому что я попросила, и я промолчала. Я схватила раскладной стул у стены — который уже считала своим — и принесла его. Это не было необходимо, но если мы собирались поговорить, я хотела сидеть.

— Тебе нужно что-то еще? — с надеждой спросила я.

Ник покачал головой и приподнялся, но не смотрел на меня. Он сидел и смотрел на свои ладони, человеческую и искусственную. Обе были сжаты, подтверждали мои подозрения, что разговор будет плохим.

— Нам нужно поговорить о прошлой ночи.

Я знала, что меня это ждало, но все равно стало не по себе.

— Ладно, — я старалась убрать дрожь из голоса. — О чем ты...

— Я должен извиниться, — перебил Ник, говорил быстро и четко, словно репетировал это. — Я сказал, что не хотел идти в Рентфри, но не объяснил настоящую причину. Это была моя ошибка, и это чуть тебя не убило. Я не знал, что на нас нападут на парковке, но знал, что что-нибудь произойдет. Я должен был тебя предупредить, но думал, что справлюсь. Я ошибся. Все это была моя вина, прости.

Ник посмотрел на меня, словно ожидал, что я его ударю, но я видела, раскрыв рот.

— погоди, — я едва верила ушам. — Для этого ты меня позвал? Извиниться за то, что случилось на крыше?

Ник нахмурился.

— А что еще?

— Ничего, — сказала я. Слишком быстро, но не сдержалась. Я так обрадовалась, что он не хотел говорить о бое и поцелуе, и это говорил о моих испорченных приоритетах. Но все еще было радостно видеть, что он не помнил. Хоть раз в жизни худшее не произошло. Я не испортила все, и это ощущалось как чудо. Я засмеялась.

— Что ты делаешь? — осведомился Ник, когда я согнулась, хохоча.

— Ничего, — выдавила я, помахав ему руками. — Правда, ничего. Не переживай из-за этого и того, что случилось на парковке. Ничего страшного не было.

Теперь Ник уставился на меня.

— Ничего страшного? — повторил он, серые глаза расширились. — Опал, на нас напало четверо с киберчастями. Тебе чуть не прострелили спину, потому что они хотели поймать меня. Это не мелочи! Я все еще не понимаю, как мы выжили. Смотри.

Он схватил бронированную куртку, в которой я была прошлой ночью, с подлокотника дивана.

— Тут на плече кровь, — он поднял куртку, чтобы я видела. — Не моя, так что или это кровь от парней, в которых я стрелял, или твоя. Ты пострадала из-за меня, а потом еще и

спасала меня из моей проблемы, а я даже не знаю, что случилось!

Почти паника вернулась в его голос, пока он говорил, прерывая мой глупый смех.

— Давай не спешить с выводами, — спокойно сказала я. — Во-первых, на твоей куртке моя кровь, но не из-за того, что ты мне навредил. Я сделала это с собой, и я заплачу за чистку...

— Да плевать мне на чистку! — заорал Ник, сжимая куртку, разглядывая меня в поисках бинтов. — Как сильно ты пострадала?

— Не так плохо, как ты, — я упрямо стиснула зубы. — И это была моя вина. Это я пиялилась на то, что было впереди, когда нужно было следить за спиной. Меня схватили, а потом я разозлилась и взорвала крышу, перебрав магии. Я не думала толком, и, хоть это позволило нам сбежать, чудо, что я не сварила тебе мозги. Ты должен кричать на меня. Ты справлялся хорошо, пока я не налажала.

— Ты вообще не должна была попасть в ту ситуацию, — Ник кипел. — Я не должен был идти с тобой в Рентфри. Ты справилась бы сама. Туристы все время ходят на Ночной Аукцион. Мое присутствие все усложнило, но я не хотел пускать тебя... — он замолк, закрыл рот, словно понял, что собирался сказать. — Я не хотел отказывать, когда ты попросила о помощи, — осторожно закончил он. — Но должен был. Как ты видела, мы с Рентфри не ладим.

— Почему нет?

Ник вздрогнул от вопроса, и я стала бормотать:

— Ты не обязан рассказывать, если не хочешь! Мне просто интересно.

— Ничего, — он отклонился на подушки. — Ты столкнулась с пистолетом из-за этого, так что заслуживаешь знать, — он глубоко вдохнул и посмотрел мне в глаза. — Ты, наверное, догадываешься, что я делал... сомнительные вещи до того, как стал Уборщиком.

Я пожала плечами.

— Работа Уборщика тоже сомнительная.

— Не так.

Он сказал это так, словно ожидал, что я охну и упаду в обморок, но я закатила глаза.

— Ник, — раздраженно сказала я. — Я выросла в замке дракона. Я обнаружила труп в квартире неделю назад. Я не хрупкий цветок, — я указала на его фальшивую правую руку. — Я знаю, что такие киберчасти не получить за работу в офисе, но то, что ты делал, в прошлом, и я последний человек в мире, который стал бы винить тебя за это. Люди делают, что приходится, и ты сделал для меня больше, чем кто-либо. Все в порядке. Ты можешь рассказать. Ты был в банде или...

— Не в банде, — он покачал головой. — Но я работал на несколько. Я работал на всех. Я был фрилансером. Я делал то, за что мне платили, и чаще всего в Рентфри.

Это объясняло интерес Мэгги, когда он появился, но:

— Почему Рентфри? — спросила я. — Там не платят за жилье. Не лучшее место для работы.

Ник пожал плечами.

— Оно подходило для работы, которую я выполнял, и я его знал. Я там вырос.

Он сплюнул последние слова, как выпавший зуб, и я выпрямилась на стуле.

— Серьезно? Ты вырос в Рентфри?

Не такого ответа он ожидал.

— Да, — он с опаской посмотрел на меня. — Разве это не страшно?

— Там тяжело, да, — восторженно сказала я. — Но Рентфри все время движется и выглядит круто с мостами и безумными зданиями, которые все время в движении. Ты жил в той безумной яме с проводами или...

Я замолкла, глаза расширились. Блин. Бли-и-ин. Я вела себя как турист. Ник сказал мне, что вырос в самой бедной части Подземелья, известной убийствами, наркотиками и бандами, а я стала говорить, как круто это выглядело. Это было бесчувственно.

— Прости, — я закрыла лицо руками. — Дай я попробую снова.

— Все хорошо, — быстро сказал Ник. — Я предпочитаю то, как ты говоришь об этом. Я всегда считал Рентфри как о выгребной яме. Это дно СЗД, место, где собирается весь мусор, — его губы сжались в линию. — Я подхожу.

— Я так не думаю.

— Ты меня тогда не знала, — мрачно сказал Ник. — Поверь, я был там на месте. Я делал все, что нужно было людям, даже если работа была грязной. Бил, воровал, угонял машины, похищал и так далее. У меня не было лимитов, пока у людей были деньги, и ты видела от Мэгги, что работа есть всегда, если тебе плевать, что ты делаешь.

Я медленно кивнула, пытаюсь представить это. А потом кое-что вспомнила.

— Так ты убил брата того парня?

Ник пожал плечами.

— Возможно? Я не помню. Я многих убил, и я тогда принимал наркотики. Все это смешивалось.

Он произносил это как признание, но я была потрясена. Ник был таким собранным и дисциплинированным, я не могла представить его наркоманом. Это объясняло то, что он встроил в тело чистильщик печени. Я знала многих зависимых со времен жизни богатого ребенка, и те, кто очистился, усиленно старались такими остаться. Устройство, которое само убирало токсины из организма, звучало как хорошая помощь в такой борьбе, но это все еще было странно. Я не видела Ника в таком кошмаре.

— Как ты оказался в такой ситуации?

— Она на меня свалилась, — он снова смотрел на свои ладони. — Моя мама была дурой, которая все время лежала в домах, подключенных к виртуальной фантазии. Я не мог разбудить ее большую часть времени, и оставалось или учиться жить, или голодать.

Я в шоке смотрела на него.

— Это ужасно.

Ник пожал плечами.

— Для того района это обычное дело.

— Но это все равно неправильно, — недовольно сказала я. — Сколько тебе было?

— Когда? — спросил он. — Так было, сколько я себя помню. Я не уверен, что мне двадцать восемь. Это моя догадка. Я был почти все время один в детстве.

Он сказал это, будто это были пустяки, обычные трудности, но я не могла это представить.

— Как ты выживал?

— В основном, кражами, — сказал Ник. — Порой люди давали еду, когда хотели, чтобы я что-то сделал. Но чаще всего я брал, что мог. В СЗД всегда есть еда, если ты не привередливый.

Я кивнула.

— Потому сейчас я привередливый в еде, — продолжил он. — Я не хочу снова есть

мусор. Хотя могло быть хуже. Рентфри движется так сильно, что всегда есть где скрыться, так что меня не похитили и не продали на арену убийств. Я рано вырос и научился стрелять из пистолета, это помогло получить первую работу. А потом все покатилося.

Я посмотрела на свои ладони на коленях, пытаюсь все осознать. Я всегда знала, что СЗД был городом личных трагедий. Такое безрассудство с законами точно сломало бы кого-то. Был целый жанр фильмов о жутких улицах, как Рентфри. Я их любила, но одно дело — смотреть печальную историю, а другое — сидеть напротив того, кто жил там. Ничто в моей жизни не могло сравниться с трудностями Ника. Говорить, что мне жаль, казалось неуместным, хотя мне было жаль. Я жалела его за то, что с ним случилось. Мысль о Никеребенке, отчаянно пытающемся разбудить мать, потому что он проголодался, вызывала желание плакать, но это было эгоистично, когда Ник никак не реагировал.

Было бы проще, если бы он расплакался. Я могла бы утешить его. Но он рассказал это так же, как сообщал, что цены упали: просто повторил неприятные факты. Но я не могла быть спокойной. Это явно было видно, потому что Ник вздохнул.

— Я рассказал это не ради того, чтобы ты жалела меня, — с горечью сказал он. — Я знаю, ты думала, что я был преступником, когда мы впервые встретились, и ты не ошибалась. Я ушел в Уборку, потому что устал от выстрелов, и я уже не мог заменять какие-то еще части тела. Но ты видела прошлой ночью, до конца уйти не выходит. Многие хотят отомстить мне, я не могу уследить за всеми. Держаться подальше от Рентфри и переезжать каждые несколько месяцев помогает, но я не могу избежать всех бед. Произошедшее на парковке было больше, потому что я отвлекся. Но это может повториться. Ты не должна страдать из-за этого.

Я покачала головой.

— Это не...

— Ты зарабатываешь, а не ловишь пули из-за того, что я натворил годы назад, — сказал Ник, поднял голову и посмотрел на меня. — Это мой промах. Я должен был сказать тебе сразу, какой был риск, но не хотел отпугнуть тебя. Я думал, что смогу справиться. Но не смог, и я не могу гарантировать, что это не повторится, так что если хочешь уйти, сейчас самое время.

Холодок пробежал по мне.

— Зачем мне уходить?

— Не знаю, — недовольно сказал он, глядя на свои кулаки. — Может, потому что ты не хочешь, чтобы тебя пристрелили из-за глупости?

— Но и в тебя стреляли из-за меня, — напомнила я. — На нас напала команда наемников в Узлах неделю назад из-за меня.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что я знал, что это произойдет! — заорал он. — Коффман — фиксер, и я работал с ним раньше. Я знал, что нас ждало, лучше тебя! Все, что я делал с тобой, я делал с открытыми глазами, но тут другое. Я не врал тебе, но я многого не говорил, что стоило сказать. Если бы мне кто-то дал работу и рассказал так мало о возможных опасностях, как я тебе, я бы их убил!

— Не пойму, при чем тут это, — теперь и я злилась. — Ты пытаешься прогнать меня, но я не уйду, Ник. Может, неправильно, что ты не рассказал мне о риске, но я понимаю, почему ты скрыл это, и мне все равно! Ты сказал мне вчера, когда я предлагала тебе уйти, что ты сам

выбрал остаться. Что ж, повторим ситуацию. Ты можешь рассказывать что угодно, я тебя не брошу. Если хочешь покончить с нашим партнерством, тебе нужно самому встать и уйти, потому что я этого не сделаю.

Я скрестила руки на груди и отклонилась на стуле, прижав ступни к полу, бросая ему вызов сдвинуть меня. Ник просто смотрел на меня, как на безумную, а потом опустил голову на ладони.

— Почему ты такая упрямая? — прошептал он.

— Потому что ты мне нужен.

Я тут же пожалела об этих словах. Они звучали холодно и деловито, словно я была тут только из-за своего долга. Но Ник снова посмотрел на меня, и я продолжила:

— Только тебе я доверяю, — я выбрала жестокую честность, ведь вежливость не помогла бы. — Хочешь поговорить о лжи? Я не сказала тебе, что мой папа — дракон. Тебе пришлось узнать это жестоким образом, но ты меня не бросил. Даже когда ты узнал, что я проклята, ты остался и помогал мне бороться с ним. Я не могу заменить это. Я ценю все, что ты сказал мне, и я понимаю, почему ты медлил, но это не меняет того, кто ты для меня. Ты — моя надежда. Ты — мой союзник, мой верный напарник в городе, где такое — редкость. У нас есть такое чудо, и если ты думаешь, что я там каким-то идиотам в металле испортить это для меня, ты сумасшедший.

Пожалуй, это было слишком честно. Ник был потрясен, а потом шумно выдохнул.

— Ладно.

— Что ладно? — нервно спросила я.

— Ладно, я сумасшедший, — он беспомощно улыбнулся мне.

— Это временное безумие? Потому что я не хочу снова проходить через это?

Он рассмеялся. Я тоже. Но не из-за того, что было смешно — это было ужасно — а из-за облегчения.

— Теперь все хорошо?

— Да, — Ник нервно потер мокрые волосы. — Прости, что поднял шум из-за этого, но многие бы перепугались угрозы выстрела.

Я фыркнула.

— Что в нашем общении заставило тебя подумать, что я на что-то нормально реагирую?

— Ничто, — признал он, и его улыбка стала теплой. — Ты все-таки не ушла.

Я застыла, вспомнив, как сидела прошлой ночью на этом месте, но на полу, а не на стуле, сжимая его ладонь, чтобы он знал, что я еще была тут.

— Я думала, ты не помнил этого?

— Я помню парковку, — сказал он. — Когда на нас напали, ты меня не бросила.

— О, — я расслабилась на стуле, а потом выпрямилась. — Конечно, не бросила! Какой человек просто убежал бы, бросив тебя умирать?

— Многие, — серьезно сказал он.

Я хмыкнула.

— Ты знаешь ужасных людей.

— Потому я рад быть твоим напарником, — сказал он, все еще тепло улыбаясь.

Я склонилась ближе, а потом спохватилась и отодвинулась. Глупо. Мне повезло, что Ник не помнил поцелуй, не хватало испортить такую удачу. К счастью, я знала, как отвлечь себя.

— Итак, — я встала со стула. — Если все нормально... — я сделала паузу, он кивнул, —

у меня новое предложение для тебя.

Он приподнял бровь.

— Какое предложение?

— Работы, — сказала я, вытащила телефон и показала ему цену золота, чуть поднявшуюся после падения, которое я устроила прошлой ночью. — Мы теперь знаем, как обойти проклятие, но мне нужно заработать триста тысяч долларов к концу месяца.

— Постой, — глаза Ника расширились. — Триста тысяч? К концу месяца? Почему?

Я моргнула.

— Папа устроил истерику, позвонив, и потребовал, чтобы я оплатила всю сумму. Я не говорила?

— Нет!

— О, — я нахмурилась. — Прости. В общем, вот так. Но я знаю, что мы справимся.

— Неужели? — спросил Ник. — ДеСантос не может за месяц столько заработать, а у него команда из десяти человек. Мне столько не платили, даже когда я был фрилансером.

Ого. Видимо, нанять кого-то убить неприятного человека было дешевле, чем я думала. Но дело было не в этом.

— У меня есть план, — сказала я. — Нужно много работы и много удачи, но если ходить на аукционы утром и вечером каждый день, все получится. К сожалению, если мы продолжим делить доход...

— Вижу проблему, — сказал Ник. — Тебе нужно изменить проценты.

— Только на этот месяц, — пообещала я. — Вот идея: если отдашь мне весь наш доход за следующие три недели, я отдам все деньги за следующие три месяца, минус то, что нужно для еды и аренды. Все, кроме того, что мне нужно для выживания, будет твоим, и раз тогда проклятия уже не будет, заработок будет большим.

Ник нахмурился, размышляя. Я затаила дыхание и ждала. Сделка была серьезной, но отдавать доход за месяц было большой просьбой. Я даже не знала, сколько у Ника было накопленных денег, но других вариантов у меня не было. Если придется делить доход хотя бы немного, шансы накопить сумму к сроку будут нулевыми. Я собиралась подсластить сделку, сказав, что он получит все деньги обратно, если мы не успеем, потому что в Корее они мне не понадобятся, когда Ник кивнул.

— Хорошо.

— Уверен?

— Абсолютно, — он жадно улыбнулся мне. — Я видел, сколько ты зарабатывала до проклятия, и я знаю, сколько их теперь. С этой сделкой я отдам пятьдесят процентов твоих худших недель за почти сто процентов двенадцати лучших недель. Это триста процентов выгоды.

— Ты сможешь прожить месяц? — нервно спросила я. — Потому что мне понадобится все.

— Смогу. Я справлялся много месяцев без дохода.

Он сказал это спокойно, но мое сердце болело от напоминания о его детстве в бедности. Даже в худшие мои дни я знала, что могла убежать к папе, если станет невыносимо. У Ника такого не было. У него никого не было.

— Я могу задать тебе личный вопрос?

— Зависит от вопроса, — сказал он. — Но валий.

— Ты сказал, что вырос один на улицах Рентфри, — тихо сказала я. — Но как ты это

сделал? Я понимаю, что ты работал, но как ты справлялся неделями без дохода?

Ник пожал плечами.

— По-разному. Учился не тратить деньги, чтобы был запас на тяжелые времена. Если я был в отчаянии, я всегда мог найти работу на арене.

— Арене? — я нахмурилась. — Ты про то большое место на дне ямы?

Он кивнул.

— Ею владеет Геймскипер, он дает всем работу, если попросят. Он — самый большой работодатель в районе. Все в Рентфри работали на него хоть раз, но не всегда работа была одной и той же.

Звучало как хорошее дело для общества, но то, как Ник сказал это, заставило меня скривиться.

— Какую работу он заставлял делать?

— Ту, за которую берутся в отчаянии, — мрачно сказал Ник. — Он научил меня, что некоторая работа не стоит денег.

Пальцы его механической ладони сжались в кулак, когда он закончил. Идиотка во мне хотела спросить, был ли Геймскипер тем, на кого Ник не хотел никогда больше работать, как он сказал Коффману, когда тот предлагал деньги за василисков, но не сейчас. Ник был на моей стороне, и дней оставалось мало, чтобы осуществить план, значит, пора было работать.

— Итак, — я улыбнулась. — Готов заработать?

— Я надеялся поспать, — Ник отклонился на диван. — Но ты босс в этом месяце, так что ты задумала?

Мое тело болело от слова «сон», но я яростно игнорировала это. Я смогу поспать, когда все это закончится. Сейчас время было деньгами, и все было против нас.

— Следующий аукцион Уборки завтра утром, — я провела ладонью над экраном телефона. — Но в воскресенье — время торговли. У меня все еще полная квартира дорогой мебели, которую я не хочу.

Ник недоверчиво посмотрел на меня.

— Опустошить квартиру можно лишь раз.

— Знаю, — сказала я. — Но приходится работать с тем, что есть.

— Справедливо, — он встал. — Тогда лучше шевелиться. Я поведу, ты вызови грузовик.

— Уже, — я приказала Сибил отправить последний грузовик на этот месяц к дому и узнать, где взять еще грузовиков задешево, потому что нам нужно было много.

Глава 7

Мы забрали все из моей квартиры. Все. Мебель, подушки, технику. Мы забрали косметику, туалетные принадлежности, щетки для волос. Мы забрали шторы и картины, забрали бра. Ник показал мне, как убирать поверхности на кухне, и мы сорвали гранит, забрали тарелки, серебряную утварь и причудливый лазерный кран, которые мама запихала на мою кухню.

В новой квартире остались только паркет (потому что было бы больше работы, чем стоимости), матрас (мне нужно было где-то спать) и еда быстрого приготовления в буфете (запасы). Все остальное мы забрали на продажу, но в этот раз не на блошинный рынок. Обычно лучше было продавать конкретным торговцам, но я узнала прошлой ночью, что многие прилавки были без золота при себе, а я не хотела проводить каждый предмет из грузовика через паутину торга, пока не найду то, что нужно. Если я собиралась использовать уловку, чтобы оплатить весь свой долг, мне нужно было надежное решение. Место, где было много золота и неумный аппетит к подержанным вещам. Так мы с Ником оказались перед невысоким кирпичным зданием с решетками на окнах и ослепительно ярким знаком

«Ломбард Мартина».

— Ломбард? — сказал Ник, глядя на сияющую неоновую вывеску с отвращением. — Серьезно? Хочешь лишиться всех денег?

— Нет, я хочу, чтобы мне заплатили золотом, — я вылезла из его машины. — В ломбардах всегда есть золото. И да, они пытаются обмануть, но если подумать, что я получу всего пятьдесят процентов в местах, где платят наличкой, потерять десять или двадцать вдруг кажется хорошим вариантом. И они всюду. В Подземелье СЗД больше ломбардов, чем банков и кредитных союзов, так что если мы купим все золото в одном месте, можно продолжить. Это идеально!

— Это позорно, — рявкнул Ник. — Мы — Уборщики. Профессионалы. Ломбарды — для отчаявшихся и идиотов, которые не знают лучшего.

— Или для тех, кто хочет однажды вернуть свои вещи, — возразила я, указала Сибил направить наш грузовик в переулок. — Ты идешь или нет?

Ник закатил глаза и вышел из машины, сунул ладони в перчатках в карманы, следуя за мной в дверь с колокольчиком. Магазин был полон типичных вещей для Подземелья СЗД. На стене были пистолеты и украшения в длинных стеклянных витринах. Двуслойный ряд в центре показывал разную одежду, и в дальнем углу был шкаф с кальянами и трубками всех форм и цветов. Тут были и практичные вещи, как инструменты и пальто, но ничего не выделялось. Смотреть тут можно было только на вещи на полке за кассовым аппаратом.

А они были хорошими. Первым было чучело броненосца, на котором была почти вся чешуя. Дальше была икона на складной деревянной панели с изображением мученика, святого Себастьяна. Это не удивляло, Себастьян был популярным святым, но эта картина выделялась, потому что тут он умирал, а не просто сидел с парой стрел, красиво торчащих из его накачанного живота. Дальше была пара оперных очков, украшенных сценами из «Лебединого озера». Их использовали в Большом театре перед Первой русской революцией. Это была хорошая вещь. Редко находились целые. Я приподнялась на носочки, чтобы лучше рассмотреть, и мужчина средних лет с лысой головой, выпирающим животом и торчащей бородой вышел из комнатки за занавеской.

— Офелия! — закричал он, вытянув руки при виде меня. — Давно не виделись! Ты пришла заплатить и забрать свои вещи?

— Опал, и привет, Мартин, — сказала я, игнорируя потрясенный взгляд Ника. — Я сегодня продаю. Ты еще покупаешь мебель?

— Я покупаю все, — Мартин подмигнул мне. — У меня нет места для крупных вещей, но у нас с братом есть склад под автострадой, где продают мебель. Что у тебя?

Я ухмыльнулась и поманила пальцем.

— Качество.

Он послушно пошел за мной, обходя Ника, пока мы выходили осмотреть грузовик. Как ожидалось, глаза Мартина загорелись при виде дорогих вещей, которые нравились моей маме. Блошиных рынков и больших домов аукционов было много, и ломбарды обычно получали остатки. Товар, как мой, редко попадался ему, и я это знала.

— Я хочу три тысячи за все.

— Это безумие, — сказал он. — Я не смогу продать это так дорого.

Он мог легко получить пять тысяч, но нельзя было начинать торг с того, что хотелось.

— Две восемьсот, — я подняла голову. — Но я снижу до двух пятисот, если заплатишь золотом.

Мартин опешил.

— Чем заплачу?

— Золотом, — сказала я. — Часы, украшения, монеты. Мне важен только вес.

— Зачем тебе золото? — он удивленно посмотрел на меня. — Это все твое ведьмовство?

Ник обернулся.

— В каком вы году? Она — маг.

Мартин фыркнул.

— Ты не видел, что она мне продавала.

Я продавала ему крутые вещи за последние несколько месяцев. И я хотела вернуть их, как только мое состояние бедности подойдет к концу.

— Я сейчас в хорошем настроении, — сказала я, невинно улыбаясь ему. — Две пятьсот. Обменяем на вес.

— Две тысячи, и я отдам тебе твое чучело ящера.

— Это броненосец, и нет, — я сжала кулаки, чтобы не потянуться к своему чуду в броне. — Две пятьсот честно, и ты это знаешь. Ты хочешь мебель или нет? Потому что мы можем поехать куда-нибудь еще.

Мартин голодно смотрел на кровать с белым одеялом.

— Две двести?

Я вытащила телефон и стала печатать Сибил приказ закрыть грузовик.

— Ладно, две пятьсот! — недовольно сказал Мартин. — Но сами выгрузите.

Я взглянула на Ника, он пожал плечами.

— Ладно, — сказала я. — Куда отправить?

— В гараж, — он указал на дверь в дальней стене магазина. — Я посмотрю, наберу ли две пятьсот золотом.

— Приятно иметь с тобой дело, — бодро сказала я, он прошел внутрь, бормоча под нос о ведьмах, золоте и проклятой мебели. Когда он ушел, я повернулась к Нику. Он хмурился.

— Сколько вещей ты заложила за последние пять месяцев?

— Все? — я пожалала плечами, прошла в грузовик и схватила коробку. — Сложно сказать. Я закладывала по частям, когда нужно было платить. То, что ты помог спасти, остатки. Поверь, моя коллекция была крутой.

— Почему ты просто не продала ее? — спросил Ник, подходя, чтобы схватить диван. — Ты заработала бы намного больше.

— Потому что я хотела однажды вернуть вещи, — проворчала я. — Если бы я продала, могла бы заработать вдвое больше, но это купили бы так, что я больше не увидела бы свои вещи. Если я заложу их тут, шансы есть. Ты видел, какие у него цены? Никто в этом районе не заплатит так много за чучело броненосца, — я улыбнулась. — Он платит мне за хранение моих вещей. И да, есть шанс, что это продадут раньше, чем я их выкуплю, но я рискую и выбираю цены ниже, если это дает шанс вернуть мои сокровища.

И я верну их. Я рассеяла свою коллекцию по ломбардам города, чтобы ограничить потери на случай, если коллекционер придет и поймет, на что смотрит. Иронично, большую часть вещей я купила с папой, когда он учил меня торговаться. В конце оказалось, что общим у нас была только любовь к красивым и интересным вещам. Он гордился мной, когда я замечала диковинку в море подделок, или когда я получила на аукционе грязную ткань, которая оказалась ранее неизвестным портретом от Джона Сингера-Саргента. Та масляная

картина все еще была в фойе музея искусств папы в Сеуле. Мы оба знали, что это была не лучшая картина Саргента, и она не заслуживала такое внимание, но папа отказывался переместить ее.

Это давало мне раньше надежду. Первые четыре года в институте я думала, что Ёна можно уговорить, если найти хорошие аргументы. Но каждый раз, когда я пыталась, все приводило к нашим крикам друг на друга, пока я не принимала, что ошибалась. Тирана, который не хотел передумывать, переубедить нельзя было.

— Идем, — я хмуро посмотрела на дорогие подушки и расшитые пледы. — Отнесем этот мусор и отправимся дальше.

Ник мог носить по пять ящиков сразу, поднимать диваны одной рукой, и мы за двадцать минут перенесли все из грузовика в грязный гараж. Когда мы вернулись в магазин, Мартин разложил мое золото на стойке. Он даже расстелил черный бархат, будто мне было дело до красоты часов и колец. Я с порога видела, что Ролекс был подделкой, но мне не был важен лейбл. Меня интересовало золото. К счастью, в моих очках был сенсор плотности, и он был даже лучше, чем на телефоне. Обычно я проверяла им плотность дверей и то, что было за горами ящиков, но интерфейс предлагал и проверку металлов. Золото было плотным, и его было легко увидеть. Потому я знала, как сильно меня обманывали.

— Я сказала золото, а не алюминий с желтым отливом, — прорычала я, бросая часы ему.

Мартин был непреклонен.

— Я похож на Дубай? Настоящее золото тут сложно получить. Все поддельное в СЗД.

— Ищи, — приказала я.

Он поднял телефон.

— Могу заплатить криптовалютой.

— Никто не хочет воображаемые деньги.

— Все деньги воображаемые, — упрямо сказал он, а потом испортил, добавив. — Я могу дать настоящие деньги.

Я уперла палец в стойку так, что стекло заскрипело.

— Я сказала: золото.

— Ладно-ладно, ох. Ты дракон, что ли? — он склонился и выпрямился с большой корзиной золотых украшений. — Ищи сама, если такая привередливая.

Я стала жадно рыться в корзинке, поднимая каждое кольцо, серьгу и браслет, чтобы сканер их проверил. Как Мартин и предупреждал, почти все были подделками, и мне было жаль тех, у кого не было сканера, потому что этот гад продавал их как настоящие. Мне повезло, две с половиной тысячи долларов были небольшим количеством золота. Всего семьдесят восемь грамм, судя по нынешней цене на рынке, которую подсказала Сибил. Пришлось собирать по кусочкам, но я получила то, что искала.

— Спасибо за бизнес, — сказала я, собирая золото в кучку.

— Да-да, — Мартин явно хотел избавиться от меня, но я еще не закончила.

— Пока я не ушла, — я застыла, хотя он пытался отвести меня к двери, — снаружи говорится, что вы и покупаете золото.

— И? — сказал он. — Так во всех ломбардах. Откуда, по-твоему, все, что ты выбрала?

— Не украшения, — уточнила я. — Золото, которое продают по весу за общую цену.

— О, да, это я тоже делаю, — сказал он. — Не так выгодно, как украшения, так что я особо не рекламирую это, но я покупаю золото и серебро, да.

— Отлично, — я подвинула все золото, которое выбрала, на стойке. — Я хочу продать это.

Он смотрел на меня полминуты.

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда, — я смотрела на него. — И пока ты не спросил, почему я не попросила денег сразу, это сложно. Ты не хочешь слушать об этом.

Мартин покачал головой и прошел к кассовому аппарату, бурча под нос о том, что СЗД привлекал много безумцев.

— Сколько граммов тут?

— Семьдесят восемь, — сказала я, опуская золото на его цифровые весы, чтобы он видел.

Он сверил и ввел вес.

— Похоже, нынешняя цена тридцать долларов за грамм.

Я покачала головой.

— Не может быть. Минуту назад было тридцать пять.

— Да, но цена упала, видишь? — он развернул монитор, показывая мне график, который упал ко дну экрана. — Прости, Офелия. Неудача, да?

Я не стала в этот раз исправлять его. Просто махнула продолжать транзакцию, пока цена не упала сильнее. После обмена получилось почти две тысячи двести долларов. Ужасный доход за новую мебель и роскошную косметику, но лучше, чем обычно было.

— В этот раз упало сильнее, — отметил Ник, когда мы вышли из магазина. — Наверное, потому что ты много меняла.

— Я думала о том же, — мы шли к его машине. — Если падение цены зависит от количества товаров, то нам нужно продавать как можно чаще, чтобы снизить падение. Было бы обидно получить сто тысяч в золоте, а обменять за пятьдесят тысяч.

— Ты все равно получила доход! — заявила Сибил.

— Сложно не получить доход, продавая то, что получил бесплатно, — отметила я, проверяя счет банка. — Но мы получили достаточно, чтобы купить хорошие квартиры завтра. Теперь нужно сделать это сто тридцать шесть раз за двадцать дней, и мы победим.

— О, легкотня, — сказал Ник, забираясь за руль. — Ты хочешь что-то еще продать, или ты закончила?

Я не хотела заканчивать, но до аукциона завтра утром у меня не было дел.

— Думаю, на сегодня хватит.

— Отлично, — Ник включил двигатель. — Умираю от голода. Хочешь поужинать?

Это меня соблазняло, но ужин с Ником означал, что он будет готовить, а я не хотела есть еду Ника, пока я забирала и все его деньги.

— Нет, спасибо.

Он смотрел на меня, как на чокнутую, что не удивляло, ведь Опал никогда не отказывалась от еды.

— Ты в порядке?

— Да, — сказала я. — Просто устала, — и это было правдой. Я так устала, что почти уснула в его машине, но Ник не прекращал спрашивать.

— Тебе плохо? — спросил он, окинув меня взглядом. — Ты же не собираешься есть картошку в твоей сумке? Мы только что продали твою микроволновку и плиту.

— Это не для еды! — закричала я. — Это волшебная картошка!

Я знала, как плохо это звучало, когда вылетело из моего рта. К сожалению, объяснение звучало бы еще хуже. Что мне ему сказать? Что я отправилась в путешествие самопознания в бесконечный лес и получила волшебную картошку от мертвой шаманки, которая была еще и сосудом для богини СЗД? Даже меня это потрясло, а я была там.

— Это сложно, — сказала я, прижав ладонь к утомленным глазам. — Ты можешь просто отвезти меня домой? Пожалуйста.

Ник с подозрением смотрел на меня полминуты, а потом тряхнул головой и направил машину в вечерний поток машин, словно рыбу в ручей.

* * *

— Ладно, сколько у нас?

Мы сидели в актовом зале штаба Уборки СЗД, где проводили аукцион. Без пяти шесть утра в понедельник, через пять минут откроются первые лоты этой недели, и народу было полно. Ник рано забрал меня, чтобы мы могли хорошо сесть, но передние места уже были заняты, когда мы прибыли, и пришлось довольствоваться вторым рядом посередине. Место все еще было хорошим, но я знала по толпе, что бой будет жестоким.

— Три тысячи двадцать четыре доллара и восемьдесят семь центов, — ответила Сибил, покрывая мой интерфейс таблицами, которые она составила, пока я спала. — Я просмотрела записи обо всех предыдущих квартирах, и лучший доход был, когда ты купила двухкомнатную квартиру на первом этаже здания среднего размера в районе среднего класса почти за тысячу долларов. Я бы советовала взять три такие, чтобы увеличить шансы дохода.

Я вздохнула.

— Я не управляю тем, что продают на аукционе, ты ведь знаешь?

— Эй, я просто говорю то, что мне сказали алгоритмы, — сказала Сибил. — Я провела десять тысяч симуляций, используя данные пяти прошлых месяцев, и даже учитывая потерю при продаже в ломбарде и переводе в золото, у тебя хотя бы сорок процентов шанса на успех. Это не так плохо! Конечно, это просто симуляция. Ты будешь выбирать квартиру. Но если не тратить слишком много денег, шансов на достижение цели будет больше.

Я бы хотела улучшить шансы, но и сорок процентов были близки к удаче.

— Спасибо за совет, Сиб.

— Всегда пожалуйста, — тепло ответила Сибил. — Я знаю, как тебя радуют цифры!

Так и было. Меня было легко обрадовать, но было сложно получить хорошие цифры в эти дни.

— Какой план? — спросил Ник, вручая мне стакан кофе из торгового автомата, когда я подняла очки с лица.

— Как всегда, — я игнорировала химический дешевый вкус, потягивая теплый кофе, надеясь взбодриться. — Я все еще проклята, так что ставки делаешь ты. Я говорю варианты, как обычно, но я хочу купить много квартир, так что готовься к безумию.

— Сколько квартир? — спросил Ник. — Нас все еще только двое.

— Поверь, у меня есть план, — уверенно сказала я, допивая кофе и опуская очки. — Просто делай ставки на все, что я скажу.

Ник все еще сомневался, когда его лицо появилось в камерах моих очков, но Брокер уже шел, и мы повернулись к короткой сцене с древним занавесом из красного бархата.

— Счастливого понедельника, дети! — бодро сказал Брокер, его идеальное из-за пластики лицо улыбалось, когда он занял место на подиуме. — Вас много, квартир много, так что сделаем это быстро.

Он провел пальцами по стеклянному экрану на подиуме, и картинка появилась в моей дополненной реальности. Она была и на экране на сцене, но у меня кадр был больше, четче, и Сибил была готова искать его с распознаванием по фотографии.

Тут это не требовалось. Брокер начинал с крупных лотов, в этот раз — с целой заброшенной фабрики. Никто не поднял руку. Внутри почти наверняка было что-то выгодное, но даже на фотографии фасада было много разбитых окон, и у кого было время чистить триста тысяч квадратных футов фабрики с битым оборудованием, которую уже могли обворовать? Брокер дошел до одного доллара, а потом убрал фабрику на свалку, что означало ее конец. Если даже Уборщики не хотели имущество, СЗД считала его мертвым. Порой здания со свалки переделывали, но обычно дух города просто убирала их в землю и заменяла чем-то новым. Так было в СЗД: если ты не ценный, ты не нужен.

«Не всегда».

Я подпрыгнула на стуле.

— Что? — Ник развернулся.

— Ничего, — соврала я, потирая виски, чтобы убрать призрачный голос из головы.

«Я — дух, а не призрак», — фыркнула СЗД. Это был иной феномен.

«Не помню, чтобы я пускала тебя в свою голову», — едко подумала я в ответ.

— Пускала, — возмутилась Сибил. — Я показывала, как это выключить, но ты сказала оставить это, и...

— Не ты, — сказала я ИИ.

— Что не я? — сказал Ник.

Я покачала головой и закрыла глаза, пытаюсь закрыться ото всех.

«Не переживай, я не все время тут, — сказала СЗД. — Просто показалась, чтобы напомнить, что предложение в силе. О, и доктор Ковальски хочет, чтобы ты тренировалась на картофеле».

Я закатила глаза. Отлично, теперь меня заставляли тренироваться.

— Я тебя не заставляю, — обиженно сказала Сибил.

«Считай это дружеским напоминанием, — бодро сказала СЗД. — Кстати, следующий лот».

Брокер показывал следующую квартиру, и я отвлеклась от голоса духа и сосредоточилась на аукционе.

Второй была квартира наверху. Это должно было сделать ее глупо дорогой, но фотография с порога показывала комнату по пояс в мусоре. Я улыбнулась из-за гадкого вида. Такое сбивало цену, и я уже заметила несколько хороших признаков. Настолько хороших, что склонилась к Нику.

— Поднимай до тысячи, — прошептала я.

Он моргнул.

— Серьезно? Это куча мусора.

— Куча мусора с коробками еды на вынос из «Ле Пале», — заявила я. — В том месте за блюдо триста баксов.

Ник все еще не был убежден, но он послушно поднял руку за начальную ставку в сто долларов. Было несколько других желающих, но все ненавидели квартиры с мусором, и мы выиграли ее за восемьсот баксов.

— Подходит, — сказала я, адрес появился на моем экране рядом с нашими именами. — Ладно, дальше.

— Дальше? — сказал Ник. — Ты купила полный день работы.

— Расслабься, — сказала я. — Я же говорила, у меня есть план.

— С участием бульдозера?

— Мы не заработаем триста тысяч за три недели, если будем действовать как раньше, — напомнила я. — Просто делай ставки. Я разберусь.

Ник недовольно нахмурился. Я дала ему ворчать, потому что мне было нечем приободрить его. Но, хоть было неловко, я была настроена решительно, смотрела на экран, когда появилась следующая квартира.

Мы купили четыре квартиры, и деньги закончились, и все квартиры, кроме первой, были в Подземелье. Ник напрягался все сильнее с каждой новой квартирой, но он был хорошим Уборщиком, так что молчал, пока мы не сели в машину.

— Ты с ума сошла? — спросил он, как только дверцы закрылись. — Зачем покупать четыре квартиры на одном аукционе? Они делают это дважды в день! Ты боялась, что квартир не хватит? Потому что мы не успеем убрать так много за день.

— Знаю, — я сняла очки. — Но ничего, потому что мы не будем их убирать. Мы отыщем в них ценное.

Ник был потрясен. А потом разозлился.

— Издеваешься?

— Только так выйдет, — возразила я, открыла таблицы, которые подготовила Сибил, на моем телефоне. — Я проснулась рано этим утром, чтобы проверить цифры, и все четко. Если мы будем убирать каждую квартиру, которую покупаем, мы не уложимся во время. Пока не попадем на квартиру-джекпот. Мы не можем на это рассчитывать, так что мой план — купить как можно больше квартир, забрать из них все ценное и оставить уборку на потом.

— Так нельзя.

— Можно, — сказала я. — Технически, мы не должны их убирать. Мы просто выиграли четыре квартиры. СЗД плевать, что мы делаем с ними, пока аренда оплачена.

— И кто будет платить аренду? — осведомился Ник, а потом его глаза расширились. — Погоди, это ты имела в виду, когда сказала, что отдашь все деньги за следующие три месяца, кроме аренды? Ты хочешь повесить на меня сотни квартир, из которых уже забрала все ценное?

— Нет! — в ужасе закричала я. — Я бы никогда так с тобой не поступила! Этот месяц тяжелый. Как только я заплачу папе, я уберу все те места и верну в систему до того, как придется платить за следующий месяц.

— А этот месяц? — спросил Ник. — Кто заплатит, когда начнется следующий месяц? У тебя нет денег. Это тот же день, когда тебе нужно платить отцу.

— Все будет хорошо, — упрямо сказала я. — Мы повесим все квартиры на мое имя, и я отправлю их Собирателям. Мой кредит уже в туалете, так что не важно, будет ли там на несколько сотен плат за аренду больше. И если я сделаю их готовыми для въезда до того, как их заберут, технически я не нарушу соглашение Уборщика с городом. Даже если у меня будут проблемы, твое имя не пострадает.

Я думала, что все хорошо сделала, но Ник качал головой.

— Это плохая идея, Опал. Ты идешь против системы Уборки. Если другие Уборщики узнают, что ты воруешь, они не позволят тебе выигрывать другие квартиры.

— Разберусь с этим, когда до этого дойдет, — буркнула я, сутулясь на сидении. — Я делаю это не из-за того, что хочу. Моя спина прижата к стене, и только так я могу выбраться.

Я справлюсь.

— Надеюсь, — Ник повернулся в сидении, оглядываясь, пока сдавал назад. — Потому что будет плохо, если ты не справишься.

Мне крышка, если я не справлюсь, но не было смысла переживать из-за поражения. Я буду плакать, когда разобьюсь и сгорю. До этого я буду лететь как можно выше и быстрее. Это была моя мантра, пока я открывала первый адрес на карте и давала Нику указания, пока мы ехали среди утренних пробок СЗД.

* * *

Поразительно, как быстро можно закончить в квартире, когда не нужно было убирать за собой. Обычно мы с Ником за день успевали две квартиры среднего размера, а потом ужинали. В этот раз мы сделали все четыре до двух часов дня.

Мы действовали как воры, выдвигали ящики, опустошали шкафы, бросали на пол вещи, которые не хотели. Даже с таким подходом квартира, полная мусора, заняла больше всего времени, но меня не подвел инстинкт. Как многие, живущие сверху, владелица этого места была с проблемой с шопингом. Мы нашли тонны техники, одежды и посуды, новое и в коробках, смешанное с мусором. Некоторые вещи даже не вытащили из мешков, и было проще забирать это для перепродажи.

Нам пришлось побывать в трех ломбардах, чтобы все продать. Я вечность проверяла золото, но к пяти вечера мы закончили, получив доход в шесть тысяч долларов.

— Мало, — ворчала я, тыкая в таблицу, парящую в дополненной реальности передо мной. — Всего три тысячи, если убрать то, что мы потратили на квартиры. Мне нужно зарабатывать пятнадцать тысяч за день, если я хочу накопить триста тысяч за двадцать дней.

— Теперь девятнадцать, — сказала Сибил.

Я недовольно посмотрела на ее иконку.

— Это все равно удвоило твои деньги, — Ник показал моей якобы чувствительной ИИ, как подбадривать. — Это хорошо, и теперь у тебя есть шесть тысяч для вечернего аукциона. Если мы снова сможем так сделать, к концу дня будет двенадцать тысяч. Не достаточно, но близко.

Да, но:

— Ты, вроде, ненавидишь этот план?

— О, я все еще считаю это ужасной идеей, — сказал Ник, разворачивая машину. — Но приятно хоть раз не убираться. Мы сделали только веселую часть работы — поиск сокровищ. Если бы не гора работы, которую мы накапливаем, я мог бы делать так весь день, — он улыбнулся, но взгляд помрачнел, он взглянул на меня. — Я не буду помогать тебе убирать весь тот бардак, когда это закончится.

— Я и не собиралась просить, — убедила его я. — Это все на мне.

И я не хотела этого. Мы с Ником намусорили во всех квартирах в поисках ценного, и теперь мы отправлялись на вечерний аукцион, чтобы купить больше. Я начинала понимать, сколько работы готовила себе в конце этого, а еще мне нужно будет убирать с Ником три месяца, чтобы отплатить ему. Мне придется работать днем и ночью, чтобы все закончить, если это вообще было возможно сделать. Мы собирали квартиры быстрее, чем я могла разобраться с ними, но если я выиграю квартиру на аукционе, чтобы вернуть ее через два месяца не убранной, я нарушу свое соглашение с городом. Я могла потерять лицензию Уборщика и Отмычку, так что потеряю свою жизнь.

— Ты можешь нанять кого-то помочь, — предложила Сибил. — Будет дорого, но зато

это поможет решить проблему. Лучше снова быть в долгу, чем потерять единственный источник дохода.

Мне не хотелось даже думать об этом.

— Серьезно, сейчас тебе нужно больше переживать из-за цены золота, — продолжила Сибил. — Я следила за ней с твоей первой транзакции, и, похоже, цена не просто падает, когда ты продаешь. Она падает, когда золото попадает к тебе. Проклятие словно знает, что ты собираешься делать, и готовится к удару. Так золото будет стоить меньше земли к концу месяца.

— Пока мне платят правильную сумму, мне плевать, — сказала я. — Продажа золота мне подходит. Если цена будет дальше падать, торговцы будут бросать в меня золотом, чтобы разгрузить запасы, пока оно не стало стоить ничего, — я задумчиво поджала губы. — Я должна просить больше.

— Тебе нужно найти способ сделать это быстрее, — сказал Ник. — Ты хочешь покупать больше квартир, но мы три часа продавали улов оттуда. Мы не можем набрать доход, если теряем четверть дня на ломбарды.

— А если мы будем оставлять продажи на воскресенье? — предложила я. — Нам нужно будет продавать часть, чтобы покупать квартиры, но мы можем хранить остальное в моей квартире, раз там теперь пусто. Или в любой квартире, которые мы не используем, пока все не соберем. Из-за падения цены на золото — это риск, но падение происходит на пару процентов за раз, когда я получаю или продаю золото. Наше время стоит больше этого. Если мы оставим продажи на день, когда аукциона нет, мы справимся лучше.

— Можно попробовать, — сказал Ник. — Отправимся на вечерний аукцион, поужинаем, а потом за работу. Когда мы закончим собирать ценности, мы продадим достаточно для завтра, а остальное оставим у тебя. Хорошо?

Звучало как день в восемнадцать часов. Ник работал так постоянно, но он был наполовину машиной. Я была человеком. Очень уставшим человеком, но я не осмеливалась жаловаться. Это была моя идея, так что я убрала ужас с лица.

— Похоже на план.

Он кивнул и сосредоточился на дороге, пока я безумно искала новые ломбарды, чтобы мы попали в лучшие.

* * *

Так шло неделю. Мы вставали, отправлялись на аукцион, забирали ценное, продавали часть для следующего аукциона, а потом делали это снова. На третий день я не знала, зачем оставила матрац. Я жила на кофе и энергетических напитках, игнорируя возмущения Сибил о том, что такой график делал с моим здоровьем. Когда я спала, я спала на диване Ника, чтобы мы не тратили время на его поездку за мной.

Я не искала еду уже на четвертый день и ела то, что Ник ставил передо мной. Я мылась, когда вспоминала, покупала новые вещи из торговых автоматов, когда мои становились дырявыми или грязными, потому что заменить одежду так было быстрее на полчаса, чем купить что-то нормальное или постирать.

Я была потрясена, что Ник это терпел. Он много получит, если мы справимся, но я из человека стала грязным маленьким гоблином, сидящим в его гостиной. Я все еще не знала, было ли его влечение ко мне в ту ночь на парковке настоящим, или его вел пьяный импульс, но если я нравилась Нику раньше, вряд ли можно было сохранить те чувства после этого, ведь я была в ужасном состоянии. Одним вечером я уснула на стуле, пока ела. Упала лицом в

тарелку. Я проснулась, когда Ник поднял меня со стула, чтобы отнести на диван. Я сильно извинялась, конечно, но он заявил, что не был против. Он сидел и распутывал мои волосы — которые я не расчесывала с ужина с Питером, только мыла и стягивала в хвост — пока я не отключилась, на что ушло пятнадцать секунд.

Как я и сказала, кошмар.

Кроме работы, сна и борьбы с рынком золота, я только тренировалась с магией. Я пропустила бы это, если бы могла, но СЗД приняла мое согласие обдумать ее предложение как открытое приглашение бывать в моей голове. Она и Сибил заставили меня тренироваться много раз в день, обычно когда мне нужно было магией пробить чары на квартире, в которой мы искали ценности. Когда я тянулась к силе, СЗД становилась телефоном между мной и доктором Ковальски, передавала до ужаса подробные указания моей новой наставницы, пока я училась хватать горсть магии размером с картофель.

Было так тяжело, что я не понимала, как много магии обычно собирала, пока не попыталась уместить ее в такую горсть. Я всю жизнь хватала магию, которая вместились бы в ванную, и это многое объясняло. Учиться ограничивать себя до размера картошки было как пытаться изменить то, как я дышала. Требовались серьезные усилия, чтобы изменить то, что делал, не задумываясь. И эти усилия мне не нравились, потому что я уже много работала, особенно, когда приходилось так колдовать перед Ником.

Он точно думал, что я сходила с ума. Когда мы столкнулись с кафе, запечатанном магией, мы стояли там двадцать минут, пока я сжимала картофель и вела себя так, словно никогда не колдовала. Дошло до того, что я попыталась магией закрыть голос СЗД, чтобы мы могли действовать быстрее, и тогда я поняла, что в такие игры с богиней не играли. Как только я попыталась, она заперла меня в первой квартире того дня — жуткой тесной коробке под новой эстакадой — пока я не извинилась и не убрала барьер.

Но, хоть я ненавидела посягательство на мое ограниченное время, это работало. Хоть я использовала ее постоянно, магия почти сразу перестала болеть, может, потому что я не растягивала ее до пределов каждый раз, когда колдовала. Заклинания все еще могли обрываться, но они не взрывались мне в лицо, отдача прекратилась, что было чудом. Я никогда еще не была так долго без магии, взорвавшейся перед лицом. Если бы я не устала так сильно, я бы ощущала себя чудесно.

Я ждала радости из-за этого, когда все закончится. Но пока была только работа. Работа, работа, работа и больше работы. Я почти забыла, как выглядело солнце, когда вдруг ко мне пришла мама.

Стоило такое ожидать. Я только бросала вещи в своей квартире, но мы были на аукционах Уборки каждый день, и там она меня поймала. Я вошла и обнаружила ее в первом ряду, без охраны, без слуг. Просто мама в ее типичном белом платье, которое на ней выглядело чисто и изящно, а не скучно, как такие вещи смотрелись на мне.

Ее власть проявлялась в том, что никто не сидел рядом с ней, хотя она была невероятно красивой, сидела одна впереди. В ней ничто не кричало «ВЕЩЬ ДРАКОНА, НАЗАД». Никто не хотел приближаться. Даже я ощущала угрозу, пока подходила спросить, что она тут делала. Когда она посмотрела на меня, я ощутила шок.

— Боже, мам, — прошептала я и села рядом с ней. — Что такое?

Всю жизнь я видела маму идеальной. Идеально злой, идеально нахальной, идеально побеждающей, но всегда идеальной. Женщина передо мной выглядела так, словно спала еще меньше меня. Под ее глазами пролегли тени, которые не мог скрыть даже лучший макияж, и

ее лицо искажала тревога, делая ее на десять лет ближе к ее настоящему возрасту.

— Мам, — сказала я на корейском, сжала ее холодные ладони. — Что случилось?

— Дочь, — сказала она на том же языке, с опаской огляделась в зале, полном Уборщиков, глядящих на нас, как на сериал века. — Мы можем где-то поговорить?

Обычно я подозревала бы ловушку. Но в этот раз я кивнула и помогла ей встать, обвила рукой ее руку и вывела ее из зала. Ник поймал мой взгляд в дверях, но я покачала головой и махнула ему занять нам места, пока вела маму по желтому коридору бывшей школы в сторону туалетов.

— Ладно, — сказала я, когда мы заперлись в женском туалете. — Что, черт возьми, происходит?

— Язык, — сказала мама, но упрек был рефлексом. Мама, казалось, могла вот-вот заплакать, и хоть наши отношения не были лучшими, я была человеком, а она все еще была моей мамой.

— Мам, скажи, что не так? — взмолилась я. — Что ты тут делаешь? Папа заставил тебя прийти?

— Нет, — она вытащила платок из сумочки и промокнула глаза. — Он думает, что я на пути в аэропорт, чтобы улететь в Сеул. Он не знает, что я...

Она замолкла, сжала кружевной платок в кулаке, глядя на меня пугающими глазами.

— Опал, тебе нужно остановиться.

— В чем?

— Не знаю, — недовольно сказал она. — Твой отец не говорит, но тебе нужно прекратить то, что ты делаешь. Ты убиваешь его!

Я отдернулась в тревоге. Это звучало истерично, но моя мама не устраивала истерики.

— С того дня, как я переделала твою квартиру, с ним что-то не так, — продолжила она, говоря так быстро, что я едва успевала. — Он хорошо это скрывает, но я знаю его, Опал! Я вижу, что он слабеет, и я думаю, что это связано с тобой. Тебе нужно остановиться!

Я смотрела на нее в шоке пару секунд. А потом разозлилась.

— Остановиться? — закричала я. — Он меня проклял! Если ему не нравится, что я делаю с этим, он может снять его в любой момент.

— Ты знаешь, что это не так просто! — закричала мама, на ее лице был настоящий страх. — Он — Дракон Кореи! Его слабость ведет к опасности для нас, включая тебя! Ты можешь злиться на него, сколько хочешь, но это влияет на всех нас. Его враги уже близко, но теперь сама Белая Змея в СЗД!

Я сжала губы. Белая Змея была младшей сестрой отца, единственным выжившим родственником, самым назойливым. Она была для Миротворца худшим врагом, чем папа.

— Что она тут делает?

— О, говорит, что думает о предложении Миротворца о взаимном согласии, — сказала с яростью моя мама. — Это все ложь, конечно. Миротворец заставляет всех своих драконов клясться, что они не убьют друг друга, а она добьется своего, только если убьет твоего отца. Но Великий Ён — не дурак. Он держался дома, когда прибыл, и вряд ли она знает о его состоянии. Но ее присутствие тут не сулит добра.

Это было правдой. Белая Змея была всем, чем я обвиняла папу, только без чести и справедливости Ёна. Если она в СЗД, моя мама не зря паниковала. Я просто не понимала, в чем была моя вина.

— Еще раз, — прорычала я. — Это не моя проблема. Если папа не хочет разбираться со

своей сестрой, он может лететь домой. Он может снять мое проклятие. Он может сделать многое, чтобы исправить ситуацию. Почему я страдаю, чтобы это исправилось? Он же дракон!

— Он — твой отец! — закричала моя мать.

— Он не мой отец, — рявкнула я. — И он не твой муж. Он — наш владелец. Мы — егс смертные, глупые маленькие питомцы! Если он страдает, потому что я тяну за поводок, который он на меня надел, то, может, ему стоит поступить достойно и отпустить меня.

— Не знаю, почему я подумала прийти к тебе! — закричала мама. — Ты — эгоистичный ребенок, который лучше утащит с собой на дно самое красивое существо в мире, чем признает, что она ошибается!

— Я не ошибаюсь! — орала я. — Я — жертва! Он делает это со мной!

— Посмотрим, как далеко такое отношение тебя заведет, — прорычала мама, скаля зубы, словно она была драконом. — Я отправляюсь домой, Опал. Ты бросила его, но остальные не забыли, что мы должны своему дракону. Мы уберем его дом любой ценой. Надеюсь, ты поймешь, как сильно твой отец борется за тебя, пока не будет поздно.

— Боже, мама! — завопила я. — Это не моя вина!

Но мама уже шла прочь, слезы лились по ее лицу, пока она шагала по коридору, хлопнув дверью перед моим лицом. Я уже открыла ее, чтобы побежать за ней, но телефон загудел.

«Аукцион начинается, — написал Ник. — Ты идешь?».

Я посмотрела на спину мамы, пока она шла по коридору, стуча каблуками, как ножами, по плитке пола, а потом вздохнула.

«Сейчас буду».

Глава 8

Вторая неделя была безумнее первой. Теперь мы с Ником доходили до десяти квартир в день. Другие Уборщики стали замечать, и борьба на аукционе ужесточилась. ДеСантос пристал к Нику, и это было плохим решением. Ник лучше справлялся с пятичасовым сном, чем я, но он тоже стал раздраженным, и он чуть не оторвал ДеСантосу голову.

Меня тоже пытались оскорбить. Не один раз меня загоняли в угол, но я слишком устала, чтобы бояться. Я просто хотела, чтобы это закончилось. Мы были близко, оставалось несколько дней. Но, хоть я просыпалась, уже считая часы до возвращения в кровать, я боялась того, что время уходило, потому что теперь началась третья неделя. Я уже не могла отрицать, что мы отставали.

Я не могла понять, почему. Когда я думала обо всем, что мы сделали, что мы продали, я не видела поражений. Мы хорошо справлялись, порой очень хорошо, но, хоть доход шел ввысь, этого не хватало, чтобы достичь цели. Если нам не повезет, мы провалимся. И нам должно было повезти за эти дни.

— Еще один шанс, — буркнула я Сибил, плюхнувшись на пожеванный собакой диван, который мы забрали из последней квартиры в центре. Или в Финансовом районе? Я не помнила. — Одно везение — все, что нам нужно.

— Тебе много раз везло, — напомнила Сибил. — Статистически, ты все еще справляешься выше среднего.

— Этого мало, — я уткнулась лицом в ладони. — Папе плевать на «почти». Если денег нет, я проиграла.

— Ты еще не проиграла.

Это было мило с ее стороны, но я была не в настроении для такого. Я устала, хотела есть и была сломлена так, что хотелось плакать. Если бы Ник не был в соседней комнате, я заплакала бы, но у меня еще была гордость. Я выбрала марш смерти, я пройду до конца. Я говорила себе это снова и снова, когда телефон загудел в кармане.

— О-о-о, — сказала Сибил. — Опал, посмотри на это!

— Сама смотри, — буркнула я, потирая утомленные глаза. — Для этого у меня есть ты.

— Тогда слушай, — сказала она. — Ты получила письмо на старый аккаунт из колледжа.

— И? Я все время проверяю там письма. Потому я его не проверяю.

— Это не спам, — сказала Сибил. — Это просьба о консультации. Парень хочет, чтобы ты посмотрела на его статую дракона.

Я вздохнула. Я делала такое в колледже. Это был хороший способ найти скрытые сокровища, пока они не ушли на аукцион, но мне больше нравилось щеголять обширными знаниями истории, потому я обычно не брала деньги. Мне все еще нравилось щеголять, но я уже не делала это бесплатно. И у меня не было времени.

— Скажи ему отнести ее в один из домов аукциона.

— Уверена? — спросила Сибил. — Он говорит, что заплатит тысячу долларов.

Мои глаза открылись.

— Серьезно? — я села. — Тысячу баксов за одну оценку?

— Так написано в письме.

Я нахмурилась, обдумывая это.

— Он может сделать VR-звонок?

— Напишу... — Сибил напевала, а потом мой телефон снова задрожал. — Он не против.

— Отлично, — я села. — Я сделаю это сейчас.

Пока моя ИИ послушно отправляла сообщение, я встала и пошла искать Ника. Он был в спальне, разбирал мужскую одежду из выдвижных ящиков, разложив ее на полу.

— Эй, — сказала я. — Я быстро поговорю по телефону. Какой-то идиот предлагает тысячу баксов за оценку статуи.

— Ты можешь сделать это по телефону? — спросил Ник, не поднимая взгляда.

— Могу в виртуальной реальности.

Он утомленно кивнул, пнул стопку одежды с гримасой.

— Тысяча подошла бы, потому что это место выглядит ужасно. Не знаю, сколько собак было у владельца, пока он не убежал, но они все испортили.

Он поднял нарядную рубашку в пятнах и пожеванную на рукавах, и я скривилась.

— Мебель в гостиной такая же, — сказала я. — Просто заberi, что можешь, и мы отправимся дальше, когда я закончу. Мне пригодятся десять минут на диване.

Ник кивнул, и вернулась в гостиную и надела очки.

— Готова? — спросила я, когда они были на моем лице.

— Связываю, — ответила Сибил. — Но сначала присядь.

Уходить в VR, пока ты стоял, было плохой идеей. Было легко удариться пальцами ног или голенью, когда мир перед глазами не совпадал с реальностью, где находились ноги. Хотя присесть мне нужно было не из безопасности. Я плюхнулась раньше, чем она закончила, прислонила голову к острому краю деревянной рамы, которую пожевали псы-демоны прошлого владельца, в надежде, что дискомфорт не даст мне уснуть.

— Можно начинать.

— Теперь связываю, — сказала Сибил, и вид в камерах пропал, а в очках стало видно милое кафе на берегу озера Сен-Клер. С крохотного балкона отеля было видно край, и я была уверена, что это был пирс в Нью-Редженси, но я не была уверена. Все богатые отели выглядели похоже, и это не было важно. Меня больше интересовал красивый темнокожий мужчина за столиком кафе.

Как только я увидела его, я поняла, что он был богат. Он не только отдыхал в одном из лучших отелей посреди рабочего дня, он был в легком светло-коричневом костюме, который я видела в прошлогодней коллекции от Y23, крутого бренда. Его часы были дорогими, и очки дополненной реальности были такими тонкими, что выглядели почти как обычные солнцезащитные очки, что означало, что они дорого стоили. Даже его вкусно выглядящий кофейный напиток был из известного дорогого магазина. Это выглядело заманчиво — как фотография в журнале, которую готовила толпа часами. Но парень вел себя так, словно это был простой вторник. Я воодушевилась. Я смогу заработать.

К счастью, у Сибил была хорошая картинка меня, записанная заранее, для его реальности, а не снимок с камеры. Было время, когда я могла сочетаться с его «Я такой богатый, что даже не нужно стараться» поведением, но те дни давно прошли. Я не знала, что

нашло на парня, чтобы он предложил тысячу долларов за срочную консультацию, но если бы он увидел, какая я сейчас, он точно отключился бы, не дав сказать ни слова.

— Это Опал Ён Э? — спросил он, улыбаясь мне — точнее, модной версии меня из профиля колледжа три года назад — идеальной белозубой улыбкой. — Известная дочь Великого Ёна?

— Да, — я мысленно попросила Сибил проверить, чтобы разговор не отслеживали. — С кем имею честь говорить?

— Можешь звать меня Эйнсли, — ответил он с нажимом, намекая, чтобы я не спрашивала фамилию.

— Чем могу помочь, Эйнсли?

— Я слышал, ты разбираешься в искусстве драконов и умеешь проводить быструю оценку, — он полез под столик за своей сумкой. — Я склонен покупать на импульсе и купил статуэтку у... необычного торговца. Стоило быть осторожнее, но я давно искал такую, и меня занесло. Обычно я не хочу давать понять, что я ошибся — важно поддерживать репутацию — и я поспрашивал о ком-то надежном, мне назвали твое имя. Спасибо, что так быстро ответила.

— Я была в такой ситуации, — это было не совсем так, ведь я всегда проверяла, а потом платила, но я понимала его ситуацию. — Мой помощник упомянул оплату?

Он вздрогнул от слов об оплате, но я слишком устала, чтобы юлить. Мне нужны были деньги.

— Мне нужно тысячу пятьсот.

— Мы же договорились на тысяче?

— Нет, ты предложил тысячу, — ответила сладко я. — Я прошу тысячу пятьсот. Заранее.

Его сияющая улыбка дрогнула.

— Заранее.

— Срочная работа стоит больше.

Мое проклятие наверняка заберет половину, так что стоило потребовать двойную оплату, но две тысячи были слишком даже для моего нынешнего состояния. Хорошо, что Эйнсли сильно спешил, потому что он согласился.

— Уже отправляю.

Я вызвала цифровой кошелек. Да, оплата в тысячу пятьсот долларов с частного аккаунта появилась пару секунд спустя, хотя осталось семьсот пятьдесят из-за комиссии за перевод и ранее не упомянутого штрафа. Месяц назад это разозлило бы меня. Теперь я просто закатила глаза и добавила потерю к огромному списку обид на отца.

— Оплата получена. Давай посмотрим статуэтку.

Эйнсли улыбнулся и вытащил завернутый предмет из кожаной сумки. Она была размером с американский футбольный мяч и сильно защищена пузырчатой пленкой. Когда обертка была убрана, Эйнсли склонился, чтобы показать мне старого вида статуэтку дракона, покрытую будто золотом, но я знала, что это была чеканной бронзой. Она была так хорошо сделана, что я видела каждую чешуйку. Но я хотела проверить кое-что еще.

— Перевернешь?

Он послушно перевернул статуэтку, и мне стало видно подпись. Корейский был в старой форме, такую я могла читать со словарем, но я знала. Что там говорилось, потому что у отца были сотни таких в коллекции.

— Это один из Тысячи Драконов, созданных в древнем королевстве Когурё, — сказала я. — Это из периода Трёх королевств в Корее, скорее всего, пятый век нашей эры.

Эйнсли выдохнул с облегчением.

— Так она настоящая?

— Если нет, это лучшая подделка из всех, что я видела, — честно сказала я. — Драконов создали, чтобы подкупить первого Великого Ёна не съесть жителей королевства. Он принял подарок, но все равно их съел, потому что он — дракон, но это все еще чудесная памятка истории и фантастический пример старинной статуэтки из дерева, покрытой металлом. Хорошее состояние, учитывая ее возраст. Хорошая находка.

— Спасибо, — сказал он с теплом настоящего коллекционера. — Вряд ли ты знаешь, где можно найти еще такие?

— Не вне Корейского полуострова, — у папы были все, кроме сорока. Я смутно помнила, что остальные были у его сестры, но не была уверена. Я не удивилась бы, если бы Белая Змея их продала. Драконы без кланов не могла зарабатывать на землях, всегда нуждались в деньгах, и продажа сокровищ, которые нужны были ему, чтобы закончить набор, разозлила бы отца.

— Жаль, — Эйнсли вздохнул. — Но если увидишь такую, дай мне знать. Я плачу долларами и не задаю вопросы. Слышал, для тебя это нынче важно.

Мне не нравилось, что он слышал такое обо мне, но если бы он не услышал обо мне, он и не позвонил бы, так что я не возмущалась.

— Я напишу, — пообещала я.

Он очаровательно улыбнулся и закончил звонок. Я глубоко вдохнула, готовясь выйти из виртуальной реальности, когда мой банковский счет звякнул снова.

— Что за...

Еще перевод в семьсот пятьдесят долларов. Я проверила счет, решив, что видела ту же запись дважды, но сумма подтвердила, что я снова потеряла половину оплаты, но этот Эйнсли отправил мне еще полторы тысячи баксов.

— Мило, — я улыбнулась. Я забыла, какой была жизнь, когда были деньги. Я привыкла так делать. Люди радовались, когда ты платил чаевые. Это убедило меня сохранить его номер. Было полезно знать покупателя с глубокими карманами и ртом на замке. Я все еще глупо улыбалась, снимая очки. Ник оказался передо мной.

— Как все прошло?

— Я заработала полторы тысячи баксов! — гордо сказала я.

— Отлично, — он помог мне встать. — Потому что это место — потеря. И, когда ты вернешься чистить в следующем месяце, оставь спальню напоследок.

Я побелела.

— Что там?

— Мы скоро будем есть, так что я промолчу, — ответил Ник. — Скажем так, я понимаю, почему прошлый владелец бросил эту квартиру.

Я застонала. Но эта проблема — как и многие мои проблемы — была для следующего месяца. Сейчас нам нужно было попасть на вечерний аукцион и выбрать следующий раунд.

— Мы можем заехать за кофе? — спросила я у Ника, когда мы вышли.

— Разве твоя кровь не стала кофе? — спросил он. — И что я говорил о кофейнях? Нет смысла так трудиться, если ты собираешься тратить деньги за горячую воду с пылью из зерен по пять баксов за стаканчик.

— Оставь мне хоть одну радость, — взмолилась я.

Ник вздохнул и стал спускаться по лестнице.

— Куда хочешь пойти?

— «Tim Horton's», — тут же сказала я, вытащив телефон, чтобы проверить, где был ближайший магазин.

* * *

Через полчаса я принесла два огромных бумажных стаканчика на вечерний аукцион.

— Знаешь, — сказал Ник, когда мы заняли привычные места в первом ряду. — Тебе стоит просто покупать литровую пачку. Цена будет ниже.

— Я не люблю пить из пачки, — я сделала большой глоток из стаканчика в левой руке. — Так ощущается, что у меня проблемы.

— А сжимать в обеих руках большие стаканы кофе — не проблема?

Мне не нравилась его логика, так что я сделала еще глоток и повернулась на стуле, чтобы рассмотреть зал. Я уже потеряла счет дням, значит, близилась суббота, потому что место было мертвым. Как и все люди, Уборщики хорошо работали в начале недели, но активность падала к концу недели, что меня устраивало. Меньше людей — меньше борьбы. Я хотела скорее забрать квартиры, когда Брокер вошел в комнату.

— Хорошо, что вы двое настойчивые, — сказал он, заметив Ника и меня. — Когда вы спите?

Я помахала кофе, и он покачал головой.

— Сама себя губишь, милая, — он запрыгнул на сцену. — Начнем!

Я вручила стаканчик из правой руки Нику, чтобы надеть очки.

Первые несколько квартир были мусором. Был интересный дом. Отдельные жилые дома были редкими в городе, и обычно там были хорошие вещи, но там жила пожилая затворница с деменцией. Дом не только был ужасно заброшен, но и мебель на фотографиях была такой уродливой, что я заплатила бы, чтобы ее не видеть, так что это мы не брали. Остальные квартиры были такими же дешевыми, не стоящими усилий. Я стала переживать, что мы не найдем ничего, когда фотография вспыхнула на экране, и мое сердце пропустило удар.

Квартира. Маленькая и грязная двухкомнатная квартира, которая была похожа на те, что нам показывали весь вечер. Но на старом стеллаже с книгами стояла статуэтка дракона. Не из масс-маркета, созданная на фабрике, полная ошибок. Эта была сделана идеально, сияющая бронзовая фигурка, которая была похожей, как две капли воды, на ту, что я проверяла меньше часа назад. Она даже лежала на боку, чтобы я видела подпись, будто вселенная хотела, чтобы я получила ее.

Я сжала руку Ника так сильно, что он вздрогнул.

— Делай ставку! — зашипела я.

— На эту?

Я безумно закивала, нарисовала пальцами в воздухе квадрат, чтобы увеличить фото. Чем ближе картинка была, тем больше я верила, что это была одна из тысячи статуэток драконов Когурё, за которые новый друг-коллекционер обещал хорошо заплатить. Выглядело так же. Если бы это не было невозможно, я сказала бы, что это была та же статуэтка, но драконы были созданы одинаковыми. Это явно была еще одна, значит, мы вот-вот сорвем джекпот.

Скрывая восторг, я склонилась, чтобы шепнуть Нику на ухо, прикрывая стаканчиком кофе свои губы от ДеСантоса, который сидел за нами, чтобы мешать ставкам.

— Нужно получить это. Любой ценой.

Не так давно такие слова об обшарпанной квартире вызвали бы сомнения, но после трех недель безумных покупок мы с Ником действовали слаженно. Он даже не спрашивал, что я увидела. Он просто поднял руку, лицо было бесстрастным, когда он сделал ставку, осторожную, чтобы никто ничего не заподозрил.

Уловка сработала. Мы победили без борьбы. Как только Брокер сказал «Продано», и информация о квартире появилась в моем интерфейсе, я вскочила со стула.

— Куда ты? — зашипел Ник. — Аукцион еще идет!

— Нам не нужно все это, — прошептала я, потянув его за руку. — Это большой улов!

— Какой улов? — спросил ДеСантос, склонившись над моим стулом.

Я отмахнулась от него и потянула сильнее за руку Ника. Виновато пожав плечами Брокеру, который строго смотрел на нас, Ник встал и пошел за мной из актового зала.

— Что ты увидела? — спросил он в коридоре.

— Скажу, когда прибудем, — я спешила к пожарному ходу, который вел на маленькую парковку бывшей школы. — Я не хочу, чтобы кто-то подслушал и украл это.

— Это никогда не происходило.

Он был прав, но я смолчала. Это был прорыв, которого я ждала. Я не собиралась рисковать. Я даже не допила кофе, бросила стаканы в урну у двери, и мы пошли по парковке.

К счастью, новая квартира была недалеко. В нескольких улицах от квартиры Ника. Уродливое здание из шлакоблоков выглядело так же, как дом Ника. Я не понимала, почему живой город, который мог создать что угодно, сделала столько уродливых строений, но если нужно было сделать что-то для всех, приходилось делать нечто дешевое. Тут даже не было лифта, только металлическая лестница тянулась снаружи здания до верхнего этажа под Небесными путями, где находилась наша квартира.

— Видеожурнал для этого места, — я активировала камеры взмахом ладони, пока бежала по тускло озаренному коридору. — Чек номер...

— 12297, - подсказала Сибил.

— 12297, - повторила я, вытаскивая Отмычку из-под дешевой мешковатой футболки. — Уборщики: Никола Кос и Опал Ён Э. Подтверждаю. Продолжаем с оповещением жителя.

Я постучала кулаком в дверь. Никто не ответил в следующие пять секунд, и я сунула ключ в замок. Он отлично подошел, и я выдохнула с облегчением.

— Вперед!

Я открыла дверь и ворвалась внутрь. Ник вошел следом, прижимая ладонь к пистолету, что ощущалось ненужным, но справедливым, ведь я ворвалась, как отряд спецназа. Хоть я радовалась, место выглядело как на фотографии. Печальная двухкомнатная квартира, где пахло лапшой быстрого приготовления и плесенью. И на полке передо мной сиял, как запрещенный идол, в резком свете лампочки мой приз.

— Есть! — закричала я, хватая дракона с полки.

Я поняла, что статуэтка была настоящей, когда я коснулась ее. Старая бронза ощущалась не так, как современный металл. Подняв ее к свету, я заметила следы, где творец давным-давно прижимал сияющий металл к глазам и рту дракона, делая каждый зубик острым и идеальным. Чешуя на его извивающемся теле без крыльев была произведением искусства, а грива на его голове была сделана так хорошо, что выглядела как настоящие волосы. Статуэтка была красивой, и в другое время она стала бы вершиной моей коллекции. Но сегодня она была моим билетом к свободе, что было даже лучше.

— Это дорогая статуэтка? — сказал Ник, когда я сжала ее дрожащими ладонями.

— О, да, — я улыбнулась ему, а потом вернулась к заданию. — Сибил, звони Эйнсли.

Ник нахмурился.

— Кто такой Эйнсли?

Я хотела начать монолог об одержимых коллекционерах и их толстых кошельках, но покупатель оказался быстрее, чем я ожидала. Сибил едва начала звонить, и Эйнсли взял трубку.

— Надеюсь, это важно, — его голос был раздражённым. — Я ужинаю.

Я ответила, прислав ему фото сияющего дракона в моих руках. Повисла напряженная пауза, и он заговорил уже другим голосом:

— Сколько?

— Сто тысяч, — заявила я. — И я хочу в золоте.

Я ожидала, что он начнет спорить. Цена не была дикой, учитывая возраст артефакта и его желание, но была высокой. Нужно было начинать с высокой. Это задавало правильный тон, и это давало возможность сбавлять, не опускаясь слишком низко. Я все еще строила в голове стратегию торга, когда Эйнсли сказал:

— Хорошо.

Я моргнула.

— Серьезно?

— Я не переживаю из-за таких мелких сумм, — нахально сказал он, напоминая мне папу. — Слитки швейцарского банка подойдет, или хочешь другой формат?

— Слитки подойдут, — сказала я, оправившись от шока. — Где встретимся?

Он послал мне адрес банка в Финансовом районе, который занимался богатыми клиентами. Я сказала ему, что мы будем через полчаса, и закончила разговор, опустила телефон и потрясенно смотрела в окошко квартиры.

Сто тысяч. Я продала статуэтку за сто тысяч долларов в золоте. Даже если проклятие отрубит кусок от суммы, у меня будет больше сорока тысяч, которые мне требовались, чтобы достичь трехсот тысяч и отдать их папе...

— Я это сделала.

Я повернулась к Нику, тот смотрел на меня, словно не знал, закричу я или упаду в обморок. Я могла сделать все сразу.

— Я это сделала!

Его губы изогнулись в улыбке.

— Сделала.

Я закричала, с высоким воем чистой радости бросилась на него, обвила руками его шею, подпрыгивая.

— Я это сделала! Сделала! Я заплачу ему! Да-да-да-да-да...

— Это не конец, пока деньги не у тебя, — сказал Ник, хотя не отцепил меня с себя. — Давай заберем золото.

Я закивала, побежала к двери так быстро, что поскользнулась. Я в последний миг удержалась, прижимая дракона к груди. О, нет, я почти рычала. Проклятие меня не остановит сейчас. Я была слишком близко.

Тяжело дыша, я схватила грязное полотенце с пола заброшенной квартиры и укутала сокровище. Когда оно стало напоминать младенца, я прошла в коридор, каждый шаг был будто последним, пока Ник вел меня вниз по лестнице к парковке.

* * *

Путь в банк был самым мучительным в моей жизни. Ничто плохого не было. Не было пробок или угрозы аварии, но меня убивала мысль, что вселенную подкупили, чтобы сбить меня. Я всю дорогу на заднем сидении сжимала статуэтку так, как матери-беженки сжимали своих детей на фотографиях в буклетах благотворительных фондов.

Ник тоже нервничал. В Финансовом районе он не стал искать самую дешевую парковку. Он повернул на первую, заплатил заоблачную цену за стоянку, не ворча.

Как и намекало название, Финансовый район был одним из самых шикарных наверху. И одним из самых высоких. Тут было больше всего суперскребов, и это превращало улицы в лабиринт, который направлял ветер с озера Сен-Клер, усиливая его почти до урагана. Обычно это не было проблемой, ведь никто не ходил по Финансовому району пешком, но это делало место встречи опасным.

Когда мы добрались до изящной мощеной площади с фонтанами и статуями, где должен был ждать Эйнсли, я выглядела как безумная бездомная дама, которая сбежала из урагана, и Ник... выглядел как Ник, довольно грозно. Все офисные работники, которые ждали в очереди в модные кофейни, отодвигались, когда мы шли мимо, и швейцары на входе в банк тут же позвали охрану. Если бы я не была так занята, я бы обиделась. Сейчас я не заметила бы, даже если бы на меня опустился дракон. Я смотрела только на темнокожего мужчину в дизайнерском костюме с солнцезащитными очками дополненной реальности — которые все еще были на нем, хотя здания уже отбрасывали длинные тени, и близилась ночь — сидящего на краю фонтана с чемоданом на коленях.

— Мисс Ён Э! — бодро сказал он, заметив нас. — Рад встретить тебя лично. Принесли?

Я была тут не ради вежливости, так что кивнула и развернула полотенце, показывая ему товар, словно я была злым торговцем антиквариатом в фильме про Индиану Джонса. Меня даже потрясло, что охрана не подошла, но парни у двери не шевелились. Может, потому что Эйнсли уже заплатил им, но я подозревала, что дело было в том, что это была СЗД. Даже наверху подозрительное происходило все время, особенно с богачами. Может, эта мелкая встреча не считалась странной, и я была благодарна за это. Мы не занимались незаконным делом, но я была сейчас такой нервной, что не верила себе. Я просто хотела получить деньги, пока по мне не попал метеорит, или пока меня не убил автобус, съехавший с дороги, или чем еще вселенная решит добить меня.

— Ого, — сказал Эйнсли, увидев дракона. — И он настоящий?

— Такой же, как ты показывал мне днем, — я отчаянно старалась не звучать нервно. — Я не могу дать сертификат, но мы можем пойти к независимому оценщику, если ты...

— Нет-нет, я верю тебе, — он широко улыбнулся. — Выглядит идеально. Я ее беру.

Он потянулся к статуэтке, но я отодвинула руки.

— Плата вперед.

— Конечно, — он протянул чемодан. Я не могла схватить его, потому что еще сжимала статуэтку, и я кивнула Нику, тот взял чемодан, опустил его на край фонтана и открыл, стало видно прекрасную сияющую грудку слитков золота. Я еще не видела такого вне замка дракона.

— Прости, тяжелая ноша, — сказал Эйнсли. — Обычно за сто тысяч чемодан не такой тяжелый, но цена золота падает неделями, так что ребятам в банке пришлось набить его плотно.

Я не знала, какой человек жаловался на полный чемодан золота, но не я точно. Я уже была у плеча Ника, он поднял первый слой слитков по одной унции, чтобы мы увидели, как

много в чемодане.

— Сто тысяч, — бодро сказала Сибил, когда ее прибор узнавания по фотографии проверил все серийные номера. — Было пять минут назад. Цена быстро падает.

— Насколько быстро?

— Если хочешь, чтобы содержимое чемодана что-нибудь стоило, тебе лучше бежать.

Я кивнула и повернулась к Эйнсли.

— Вот, — я почти сунула дракона в его руки. — Будет хорошо смотреться с тем твоим драконом.

— У нас несколько, — ответил он с резкой улыбкой. — Рад иметь дело, Опал Дракона.

Я даже не попрощалась. Я схватила чемодан одной рукой, Ника — другой и пошла по площади к банку.

— Я тут для обмена, — сказала я, когда охрана преградила путь. — Вы же меняете золото?

Мужчины переглянулись, и я затаила дыхание. Они видели, как я получила чемодан золота, и хоть я выглядела безумно, они впустили меня, открыли двери банка, и стало видно мраморное фойе, полное встревоженных людей.

Мне было не до них, я пробилась через хаос к ближайшему кассиру, который сидел за красивой старомодной деревянной стойкой, окруженной медными украшениями. Худой лысеющий мужчина ерзал за столом, как нервная птица, его длинные пальцы двигались в сложном интерфейсе дополненной реальности, который видел только он.

— Простите, — я опустила тяжелый чемодан на стойку со стуком. — Я хочу обменять это золото и получить деньги на свой счет.

— Прошу прощения, — ответил мужчина, голос был таким вежливым, что он явно еще не посмотрел на меня. — У нас сейчас проблемы. Если не против подождать...

— Против, — резко сказала я. — Я знаю, что золото падает, потому нужно обменять это сейчас.

Это привлекло его внимание.

— Мадам, — сказал он менее вежливо. — Не просто золото. Золото начало панику. На всех рынках падение, и я занят, разбираясь с проблемами клиентов.

— Мне это дал один из ваших клиентов, — рявкнула я, открывая чемодан, чтобы он видел золото. Его глаза расширились при виде сияющих слитков, и я впилась в шанс. — Ну же, Энди, — взмолилась я, глядя на его бейджик. — Я получила самую важную оплату в жизни, но она не будет ничего стоить, если ты не обменяешь золото. Я знаю, что банк не хочет больше золота, пока оно падает, но цена обязательно поднимется. Это шанс купить задешево.

Он все еще не был убежден, и я изобразила лучший печальный взгляд.

— Прошу, — умоляла я. — Сто тысяч — мелочи для такого серьезного места, как это, но это все для меня. Помогите, и я напишу отличный отзыв.

Кассир вздохнул и потянулся к чемодану.

— Лучше бы вам упомянуть мое имя.

— Конечно, — пообещала я, он стал доставать слитки по одному на стол.

Ожидание было мучительным, пока он взвешивал и записывал. Когда он закончил, цена золота была ужасной. Но, в отличие от других мест, где я была в этом месяце, это был не ломбард или прилавок на рынке. Это был серьезный банк с отделениями в других странах, и тут были законы защиты прав потребителя, так что мне заплатили по той цене, которая

была, когда он начал транзакцию, а не какая была десять минут спустя, когда он закончил все взвешивать.

Несколько тысяч долларов забрали комиссии их банка, чтобы перевести деньги на мой дешевый онлайн-банк. Скрытых камней было столько, что я не знала конечную сумму, пока она не появилась в приложении в моей дополненной реальности. Когда оно обновилось, я чуть не упала в обморок от вида.

— Ты в порядке? — спросил Ник, прижав ладонь к моей спине, когда я покачнулась.

Я кивнула, потом покачала головой, дрожащей ладонью коснулась сияющих цифр передо мной.

Общая сумма: \$323,924.53

— Получилось, — прошептала я, голос был таким хриплым, что я едва узнавала его. — Я накопила триста тысяч.

Я получила намного больше. Даже с падением золота в том чемодане было больше, чем нужно было, чтобы хватило папе. Учитывая, сколько квартир мы с Ником купили, и сколько мне придется платить за аренду, мне нужно было все, но я была слишком потрясенной, чтобы думать об этом сейчас, ведь после лет борьбы, побега из дома в ужасающий город, о котором я ничего не знала, и работой я сделала это. Я победила.

Радость была такой резкой, что ранила. Последовали другие эмоции, так быстро, что я не могла осознать все. Я хотела смеяться и плакать одновременно. И я сделала все сразу, уткнулась лицом в футболку Ника, пока буря эмоций бушевала во мне.

Он дал мне это сделать. Его могло смущать, что он обнимал меня посреди вычурного зала банка у всех на глазах. Я вызывала у него смущение, но когда я попыталась отодвинуться, он не отпустил меня. Он стоял, обвив человеческой рукой мои плечи, шепча, что все было хорошо. Он не уточнял, что было хорошо, но это было не важно. То, что он был тут — и был тут все время, во всем безумии — было самым добрым, что кто-нибудь делал для меня.

От этой мысли я снова расплакалась. Наверное, я могла смеяться и рыдать тут всю ночь, но, когда я поднимала взгляд, триста тысяч смотрели на меня, напоминая, что все еще не закончилось. Ничто не закончилось, пока я не заплатила папе. Я могла передать деньги сейчас, но я не доверяла этому, пока проклятие все еще действовало. И я хотела видеть его лицо. Он думал, что одолел меня. Он думал, что победил, как всегда, но не в этот раз. В этот раз победила я, и я собиралась сунуть деньги в его драконье горло.

— Мне нужно в Канаду, — я отодвинулась от груди Ника.

— Зачем?

— Папа за рекой в Виндзоре, чтобы не попадаться Миротворцу, — объяснила я, мы покинули банк. — Мне нужно заплатить ему, пока не случилось что-то еще.

Зная о моем проклятии, Ник кивнул, словно это было понятно.

— Я могу тебя подвезти.

— Нет, — твердо сказала я. — Я не хочу, чтобы ты пострадал, когда Ён узнает, что я одолела его.

Я хотела сделать это одна. Было несправедливо, ведь я не смогла бы сделать все это без Ника, но он не переживал за это, как я. Никто не мог. Он попал в это из-за денег, но эта победа была моим будущим, моей свободой. Я эгоистично хотела все себе, но я не собиралась быть гадкой.

— Вот, — я махнула пальцами на интерфейс, передала десять тысяч долларов иконке

Ника в моем списке контактов. — Это деньги, которые я должна за заем в прошлый раз.

Обычно Ник сиял при виде денег, но он не был рад в этот раз.

— Не нужно платить сейчас, — сказал он. — Ты ведешь себя так, словно уходишь.

— Я не ухожу, — сказала я. — Я просто хочу, чтобы ты получил деньги, пока не произошло что-то глупое. Ты знаешь, из-за проклятия.

Ник нахмурился сильнее.

— Уверена, что тебя не нужно подвести?

— Да. Я вот-вот разозлю древнего дракона. Ты не хочешь быть рядом, особенно, когда я не смогла бы сделать это без тебя. Тебе стоит вечером укрыться в своей квартире-бункере.

Он кивнул, но все еще хмурился.

— Ты вернешься, когда закончишь с этим?

— Обязательно, — пообещала я с широкой улыбкой. — Когда это закончится, мы закатим вечеринку, какую этот город еще не видел, и будем спать неделю.

Он рассмеялся.

— Тогда жду этого, — сказал он, а я прошла к такси, ждущим в ряд. — Удачи.

— Она уже у меня, — сказала я, и это было так. Я впервые за месяцы ощущала удачу. Я была на коне. — Я позвоню, когда закончу, — сказала я, садясь в первую машину. — И спасибо. За все.

Ник улыбнулся и закрыл за мной дверцу, отошел и смотрел с тротуара, как машинка отъезжает с электрическим урчанием и присоединяется к потоку машин на дорогах, ведущих к мосту Нового Посла.

Глава 9

Двадцать лет назад, когда Алгонквин, Дух Великих озер, правила СЗД, и драконы были изгнаны, соседний город Виндзор, Канада, был населен драконами больше всех городов мира. Город был через реку от Детройта, и туда было легко добраться драконам, которые хотели управлять своими жизнями. Даже те, кто не хотел рисковать, не могли быть далеко от власти и денег. Они построили поместья на берегу Виндзора, крепости были так близко к границе СЗД, как могли, не задевая ее.

Нынче, конечно, для таких уловок не было необходимости. СЗД правила собой, и драконы постоянно летали над городом, многие кланы пересекли реку и построили новые крепости в городе, в котором хотели жить. Но, хоть в СЗД их уже не убивали, это была территория Миротворца. Любой дракон тут должен был слушаться его правил: не убивать друг друга, не сжигать здания и не есть людей на улицах. Это звучало логично для меня, но драконы не были логичными созданиями. Многие кланы были готовы подавить гордость, чтобы получить доступ к самому волшебному городу мира, но многие драконы считали ограничения глупыми и оскорбительными, и те тираны были в Виндзоре.

Конечно, папа был из таких. Он избегал этой части Северной Америки десятки лет, не сменил политику, чтобы загнать меня в угол, купил огромное готическое поместье, и оно стало его крепостью, пока он находился в этом районе. Я должна была восхищаться тем, на что он пошел ради меня, но, как все что делал папа, это было ради него. Великий Ён не стал

бы оставаться в отеле с не своими смертными. Он купил себе дом за миллиарды долларов, чтобы использовать его как временный штаб. Не удивительно.

Я закатила глаза так сильно, когда такси остановилось у кованых железных ворот для проверки, что было больно. Он хотя бы получил хороший кусок земли за свои деньги. Зеленый луг дома тянулся до берега реки Детройт с отличным видом на СЗД за водой, слои города сияли, как слои в неоновом торте на день рождения. Вид был милым, солнце на закате окрасило суперскребы в золотой и красный над крышей поместья в черепице и с заостренными окнами. Если бы я была тут по другому делу, мне бы понравилось. Но я была тут не для отдыха, так что заставила себя перестать любоваться ухоженным садом роз и рядом ив, изящно опустивших ветви в воду, а сосредоточиться на задании.

Когда мое такси закончило до смешного долгий путь к дому, слуга ждал меня на ступенях. Это был старик с пышными усами, который вечно работал как секретарь папы, что было странно, потому что я думала, что он не покидал главный замок в Сеуле. Еще более удивляло, что он вышел сам встретить меня. Обычно швейцарами делали неопытных ребят, но сугулый секретарь открыл дверцу моей машины сам, низко поклонился, когда я вышла на дорожку.

— Юная госпожа, — его голос было невозможно прочесть за железной стеной профессиональной этики. — Великий Ён ждал вас.

Я не сомневалась. Сжав сумку, я махнула секретарю вести. Он повел меня неспешно по каменной лестнице удивительно широкого крыльца поместья в большой холл, полный мебели, которую сдвинули к стене и накрыли чехлами от пыли.

Я опешила. Временный дом или нет, мама не позволила бы дому так выглядеть, пока в нем был отец.

— Почему все в таком виде?

— Ничего не поделать, — сказал секретарь, повышая голос, чтобы было слышно поверх гула наших шагов. — Великий Ён приказал вашей матери и остальным вернуться в Корею недели назад. Только нескольким разрешили остаться с ним, но этот дом такой большой, что мы не могли бы убирать все в таком количестве, так что пришлось почти все прикрыть.

Это звучало практично, но:

— Почему он не нанял местных работников?

— Я не спрашиваю Великого Ёна, — сказал старик, оглянувшись, будто добавляя взглядом: «И тебе не стоит».

Я закатила глаза и решила сосредоточиться на доме, который стоил внимания. Что бы я ни чувствовала к нему, у отца был хороший вкус. Даже во временном доме, как этот, стены были покрыты искусством разных культур и временных периодов. Старые картины перемежались с современными, китайской каллиграфией, корейским текстилем, египетскими артефактами, японскими масками, размещенными с умом, чтобы подчеркнуть красоту каждого предмета.

Даже с выключенным светом и мебелью, сдвинутой к углам, идти по дому папы ощущалось как поход по хорошему музею. У него даже были творения художников из СЗД, новые приобретения. Я была уверена, что заметила акварель в трех измерениях Барклей — отличная картина — на одной из лестничных площадок.

Но мы не подошли ближе, чтобы я проверила, слуга повел меня за тяжелую деревянную дверь в то, что раньше было библиотекой, но теперь выглядело как современная версия приемного зала короля. Тут был диван для ожидания, ковер посередине, чтобы стоять на

коленях и умолять, и высокое кресло, вырезанное умело из дерева, где папа мог сидеть и смотреть свысока на тех, кто посмел просить его внимания.

Это место было давящим и драконьим, с множеством аллегоричных масляных картин людей, простирающихся перед монстрами и богами, но тут хотя бы было светло, благодаря широким окнам с видом на запад и изумрудный луг за домом. За ним был широкий простор реки Детройт, и СЗД поднималась из коричневой воды как айсберг из стали и бетона. При виде знакомого сияющего хаоса города мне стало немного легче на территории врага. Настолько, что я смогла изобразить улыбку, когда старик поклонился и ушел за моим отцом.

Я вытасила телефон, когда дверь закрылась, проверила свои счета. Я проверила трансфер, который собиралась произвести, уже шесть раз, заставила Сибил получить официальный ответ от ИИ-помощника банка, что они знали, что я собиралась перевести деньги на личный счет, и они не будут ни по какой причине взимать комиссию. Я все еще проверяла настройки, когда дверь открылась, и отец вошел в комнату.

Я выронила телефон при виде него. Не из-за ужаса перед драконом, к этому я привыкла. Нет. Я вскочила, потому что папа выглядел ужасно.

Всю жизнь я видела Ёна только жутким и великим бессмертным, красивым и опасным, невероятным. Теперь его смертный облик выглядел так, словно его выжали. Его обычно безупречное лицо осунулось. Его бирюзово-золотые глаза были покрасневшими и впавшими, над высокими скулами пролегли темные круги. Даже блестящий черный водопад его волос выглядел тускло, и он ужасно похудел. Тело под дизайнерским костюмом выглядело как скелет, мышцы, ради которых он даже не тренировался, пропали.

Вид поражал, даже ужасал. Отец был безвременным, как сокровища, которые он собирал, он был непоколебимой силой. И то, как он, тощий, сжимал дверную раму, чтобы не упасть, ощущалось так, словно во вселенной разбили константу. Это казалось невозможным с такой силой, как Дракон Кореи, но, пока я смотрела, как он проходил в комнату и занимал место в кресле-троне, я поняла.

Я сделала это.

Осознание ударило, когда все намеки, которые я не замечала из-за злости или занятости, вдруг встали на места. Это сделала я. Я взломала проклятие папы, но магия, которая воровала мои деньги, откуда-то шла. Что-то питало всю ту неудачу, и, судя по тому, что стало с папой, я знала, что это был он. Потому что он сорвался по телефону, когда я первый раз ударила его проклятием рынком золота и обнаружила то, что могло его сломать. Потому что мама пришла на аукцион без его ведома и просила меня остановиться. Потому что происходило это.

Я не знала, почему не поняла правду раньше. В отличие от людей, которые хватили магию из того, что было рядом, драконы питали свои чары своим огнем. Я знала это. Все, кто изучал магию, знали это, но мне не приходило в голову до этого, что огонь отца не был бесконечным. Я еще не видела, чтобы дракон так тратил свои силы, но только это могло объяснить то, что превратило ухоженного отца в оболочку передо мной.

На безумный миг я ощутила волну стыда. Я просто хотела освободиться. Я не хотела вредить ему, не хотела этого. Он вел себя ужасно, но он оставался моим папой. Я когда-то любила его всем сердцем. Часть меня еще любила, потому что я встала с дивана, чтобы подбежать к нему, а потом вспомнила правду.

Это была не моя вина.

Да, мои поступки осушили его, но он сам проклял меня. Он мог остановиться и спасти

себя в любой миг, но не стал. Судя по тяжелому взгляду впавших глаз, он все еще не собирался отпускать, и с этим осознанием все мое сочувствие испарилось.

— Ты выглядишь ужасно, — я скрестила руки на груди.

— Могу сказать это же о тебе, — ответил Великий Ён, его нечеловеческие глаза окинули меня взглядом, он нахмурился сильнее. — Ты снова похудела.

Я думала, что вещи из торгового автомата висели на мне сильнее обычного, но я не дала ему сменить тему.

— Я тут, чтобы оплатить долг.

— С чего ты взяла, что я это приму? — он прислонился к подлокотнику своего трона, словно это было просто удобное положение, а не то, что помогало ему не упасть. — Срок истекает через несколько дней.

— Не важно, принимаешь ты или нет, — прорычала я, склоняясь, чтобы схватить свой упавший телефон с ковра. — Я возвращаю деньги за колледж, а ты отпускаешь меня, и дальше я делаю с жизнью, что хочу. Такой был уговор.

Он сверкнул зубами.

— Твой уговор.

— Ты согласился на него, — напомнила я.

— Потому что ты меня обманула, — прорычал он. — Ты скрыла то, что была Уборщиком. Я не дал бы слово, если бы думал, что был шанс, что ты преуспеешь.

— Да, может, тебе стоило подумать об этом до того, когда ты решил, что я так глупа, что поставлю все на кон в сделке, где не могу выиграть, — едко сказала я, глядя ему в глаза, называя иконку «Отправить плату» на экране телефона. Через секунду пришло сообщение, что деньги были получены. — Вот, — сказала я дрожащим голосом. — Готово. Я заплатила. Все, как требовалось. Я выполнила свою часть сделки. Теперь сними проклятие!

Я напряглась в конце, уперлась сапогами Уборщика в ковер, пока ждала его бурю негодования, но отец отвернул осунувшееся лицо.

— Нет.

Мои глаза расширились.

— Ч-что? — пролепетала я. — Ты не можешь сказать «нет». Я победила! У нас был уговор!

— Был, — сказал отец, низкий голос был утомленным. — Но проклятие не было его частью. Я обещал это, если ты оплатишь долг сама. Я позволял тебе жить, как ты хотела. Я не говорил ничего о магии.

— Потому что тогда магия и не участвовала! — закричала я. — Ты проклял меня, потому что проигрывал! Но я не могу жить, как хочу, пока ты тянешь меня ко дну, так что убери это с меня!

Ён прищурился.

— Нет, — повторил он и оскалился. — Никогда.

Это шипящее слово разрывало меня. С момента, как я придумала этот план почти пять лет назад, я надеялась на то, что отец держал слово. Дракон Кореи мог растоптать тебя, смешать с грязью, но он всегда сдерживал обещание.

Но не для меня.

— Ты не можешь так поступить!

— Я могу все, что хочу! — взревел он, его обычно спокойное поведение пропало, он вскочил на ноги. — Ты — мой Опал! Я тебя сделал!

— Я — человек! — заорала я, шагая вперед, пока не оказалась прямо перед ним. — Я никому не принадлежу!

— Ты не знаешь, чем я пожертвовал ради тебя! — рычал Ён, его худые ладони сжались в бледные костлявые кулаки. — Я пытался снова и снова дать тебе то, что ты хотела, но каждый раз, когда я давал тебе свободу, ты используешь ее, чтобы навредить тому, что мне наиболее дорого, — он схватил меня за плечо и повернул к огромному зеркалу напротив окна. — Посмотри, что ты с собой сделала!

Я злилась, но при виде нас двоих в зеркале я замерла. Я не разглядывала себя с тех пор, как началась гонка за деньгами. Глядя на свое отражение, я не узнавала тощую утомленную девушку, глядящую на меня. Моя кожа была сухой, шелушилась от плохого питания и недель плохого сна. Мои костлявые руки и ноги были в порезах и синяках от Уборки, а лицо выглядело как череп. Я даже не была похожа на человека. Я выглядела как призрак. Утомленная тень. Иронично, что впервые в жизни я была похожа на папу.

— Смотри, что ты с ней сделала, — прошептал отец на корейском, убирая мои грязные волосы с моего лица. — Я убил бы любого, который сделал бы такое с моим щенком, но что делать, если это сотворила ты?

— Я этого не делала, — процедил я, повернувшись к нему. — Это сделал ты. Это случилось, потому что ты загнал меня в угол. Ты мог спасти нас обоих, поняв намек и отпустив меня!

Лицо отца стало каменным.

— Я никогда тебя не отпущу.

— Почему? — мой голос трещал, как тонкий лед. — Почему ты так впился? Ты всегда звал меня щенком и неудачницей. Мне с ранних лет все рассказывали, что ты считал меня разочарованием. Ты даже назвал меня в честь дешевого камня, чтобы все знали, что я не смогла стать идеальным супермагом, какой ты хотел меня сделать, — слезы появились в уголках моих глаз. — Ты всегда давал понять, как низко меня ценишь, так зачем ты это делаешь? Я — часть какой-то схемы? Винтик в планах дракона, которые слишком сложные для смертных? Почему ты не можешь просто меня оставить?!

Я не хотела так срываться. Отец презирал слабость. Слезы особенно вызывали у него презрение, но я не могла держаться. Даже когда Коффман приставил пистолет к моей голове, я не ощущала себя в ловушке вот так, и я даже не понимала...

— Почему?

— Ты не оставила мне выбора, — сказал отец тихо. — Я говорил тебе годы назад, щенок. Я забочусь о своем, но ты сделала это невозможным. С момента, как ты прибыла в этот проклятый город, ты только и делала, что бросала себя в опасности и нищету. Ты якшаешься с преступниками, рискуешь своим хрупким смертным телом, пока ходишь по домам чужаков и роешься в их мусоре. Мы с твоей матерью пытались уговорить тебя передумать, но ты не слушаешь. Ты — все еще тот глупый ребенок, устраивающий истерики на полу, но я не могу и дальше тебе потакать, — его лицо стало строгим. — Если не будешь делать то, что лучше для тебя, это сделаю я. Это делают отцы.

— Это делают тираны, — прорычала я, вырываясь из его хватки. — Это моя жизнь! Я — не еще одно твоё сокровище!

— Ты — мое величайшее сокровище, — сказал Ён, сжимая мою руку. — И я забираю тебя.

Мои глаза расширились, его костлявые пальцы давили на мой бицепс.

— Что ты...

Дракон не слушал. Он просто повернулся и пошел к двери, волоча меня за собой по ковру, как непослушного щенка.

— Так нельзя! — орала я, борясь изо всех сил, но это было безнадежно. Даже ослабевший, он оставался драконом, а я сама была не в лучшей форме. — Я отплатила! — я попробовала другой подход. — Это означает, что ты должен меня отпустить, плевать на проклятие. Как насчет обещания?

— Я его нарушаю, — с горечью сказал Ён, волоча меня в коридор. — И пока ты не начала угрожать моей репутации, скажу: мне нечего терять. Весь мир знает, что я готов сделать ради тебя. Нарушение клятвы — пустяки, по сравнению с этим, но что сделано, то сделано. Я заплатил цену за нас обоих, и теперь ты возвращаешься домой.

Мои сапоги скользили по паркету, пока я боролась с ним.

— Я никуда с тобой не пойду!

— Я уже приказал готовить самолет для нас в Сеул, — продолжил он, игнорируя меня. — Слуги соберут дом, но мне нужно заняться парой дел перед отправлением. На это уйдет несколько минут, но, пока я занят, — он потянул за дверь дальше в коридоре от библиотеки. Он открыл ее и толкнул меня, бросил на пол внутри. — Оставайся тут и думай о том, что ты сделала.

Я тут же вскочила на ноги, но отец уже закрыл тяжелую дверь и повернул ключ в старомодном металлическом замке, запирая меня внутри.

— Козел! — завизжала я, стуча кулаками по дереву.

В ответ отец зарычал, как зверь, топая по коридору, крича оставшимся слугам собирать вещи. Дракон Кореи и его дочь собирались домой.

Я ударила по двери несколько раз, на всякий случай, а потом повернулась к своей темнице. Теперь меня не ослеплял гнев, и я узнала комнату. Это был чулан для оружия, тут богачи в девятнадцатом веке хранили ружья для охоты. Теперь оружия тут не было. Только пыльные полки, каменные стены без окон и тяжелая дверь, запертая снаружи. Тюрьма.

— Он не может держать меня тут! — кричала я, слыша шаги слуг в коридоре. — Я не дала согласие! Это похищение!

Конечно, никто не ответил. Может, новички и пошатнулись бы, но Ён оставил при себе только верных. Некоторые из слуг тут работали на папу поколениями. Они с радостью порвали бы меня на куски, если бы это ублажило их дракона, ублюдки.

— Предлагаю кому-то позвонить, — сказала Сибил, пока я била дверь. — Но ИИ-защита в этом доме поражает. Я уже подавлена, не могу связаться с сетью. Он даже заблокировал аварийные радиочастоты, а о них никто не помнит! Я даже не могу злиться, я впечатлена!

— Хорошо, — процедила я, повернулась и ударила пяткой по двери, раз стальной носок не помогал. — Моей злости хватит на нас обеих.

Я не просто злилась. Не было слова, чтобы описать убийственную ярость во мне. Я победила. Я оплатила долг. Я должна быть свободной! Я убивалась неделями для того, чтобы отец утащил меня домой?

Громко ругаясь, я хмуро посмотрела на дверь, которая еще стояла, хотя я ее била. Проклятый дуб. Почему папа не мог просто купить дешевый дом с дверями и стенами, которые можно пробить?

— Что ты будешь делать? — прошептала Сибил.

— Не знаю, — я закрыла лицо руками. — Дай подумать.

Она послушно затихла, но это все ухудшило. Без болтовни Сибил я слышала, как отец ходил надо мной, его шаги были четкими и узнаваемыми. Он быстро закончит свои дела. Если я хотела выбраться до того, как он утащит меня в самолет, то это должно быть сейчас, но если я не найду сто пудов силы, я не пробью эту дверь. Я не могла даже пробить путь магией. Как и все места, где папа спал, дом был зачарован внутри и снаружи. Я не могла колдовать тут, но я ощущала гул магии в полу, текущей, как электричество. Меня ударило током, когда я коснулась ее, и я отдернула ментальную руку, яростно мотая головой. Что мне делать?

«Ты могла бы попросить о помощи».

Голос СЗД уже не пугал меня. Но я растерялась из-за ее присутствия.

— Как ты говоришь со мной? — спросила я вслух, ведь мне было плевать, что подумают слуги папы. — Я даже не в СЗД.

«У нас хорошая связь, — ответила богиня. — С твоей высокой тягой тебя просто отыскать, если понимаешь меня. И ты арендовала у меня четыреста двадцать три квартиры. Так что мы с тобой плотно связаны».

Я скривилась. О, да. Я чуть не забыла обо всех квартирах, за которые мне придется платить аренду через несколько дней. Это ничего не меняло, и я теперь жалела, что отправила деньги папе.

«Этого все равно не хватило бы, — сообщила СЗД. — Твой счет будет в шестьсот тысяч, но такое получаешь, когда жестоко играешь с системой Уборки».

Мой желудок сжался. Это было больше, чем я понимала, но в голову пришла идея.

— Тогда тебе нужно меня выпустить отсюда, — сладко сказала я. — Потому что я не могу платить, если я заперта в Корее.

«Ты знаешь, что я могла бы».

Я застыла.

— Правда?

«Я — богиня, — фыркнула я. — Думаю, я могу выпустить кого-то из чулана, даже если это через реку. Но, если я сломаю дверь, я стану сильным врагом, так что я не сделаю это бесплатно».

Я вздохнула. Стоило понимать это.

— Ты все еще хочешь, чтобы я была твоей жрицей?

«Конечно! — радостно сказала СЗД. — Мы с доктором Ковальски были впечатлены твоим прогрессом в управлении тягой. Будет обидно потерять тебя из-за дракона».

— Я согласна с тобой в этом, — сказала я. — Но я уже говорила, что не поменяю одного хозяина на другого.

«Через пару минут у тебя не будет выбора, — сказала дух. — Виндзор почти вне моей досягаемости, но как только твой отец заберет тебя за море, ты будешь вне моей силы. Если хочешь мою помощь, это должно быть сейчас».

Я не могла сейчас. Я понимала, что она говорила. Я могла признать, что она была права, но я боролась так сильно не для того, чтобы продать себя кому-то новому. Я хотела быть свободна хоть раз в жизни. Почему это было так сложно? Что мне нужно сделать?

«Служить», — шепнула СЗД.

— Нет, — прорычала я. — Я не буду преклоняться. Больше ни перед кем.

«Тогда спасай себя сама, — печально сказала дух. — И я говорю это не для шантажа. Я

— богиня города. Мои силы в моих границах, и они не тянутся в Канаду. Я не могу помочь тебе в Виндзоре, если ты — не часть меня. Для еще живой смертной это означает стать жрицей».

Я вздохнула и опустилась на пол, уткнулась лицом в ткань моей сумки. За дверью дом стал тихим, наверное, все несли вещи в машины снаружи. Вскоре они придут за мной, и все закончится. Мне будет крышка. И я буду окончательно побе...

Я вдруг остановилась, смаргивая слезы с глаз. Я снова села, открыла сумку и порылась в ней, нашла ком, который впился в мою щеку. Чуть размякшая коричневая картошка.

Дух в моей голове молчала, а я вытащила корнеплод и смотрела на него. Несколько глазков проросли за недели, пока я носила его всюду, но она была почти такой же, как когда мне ее дала доктор Ковальски. Я знала ее форму наизусть, как и размер и вес. Я знала, как набрать столько магии, не больше и не меньше. Я не пыталась колдовать ничего серьезного с ней, потому что была занята, но я наполняла чары в пончо и открывала магические сейфы, делала многое, не получая взрывом в лицо. Может, я смогу сделать это.

Голова кружилась, я встала на колени и прижала ладонь без картошки к полу, снова проверила чары. Магия текла по ним гладким потоком, была высокого уровня. Я не видела точно заклинание, но это не было важно. Мне не хватило бы умений, чтобы взломать чары, еще и такие дорогие, и взрыв тут убил бы меня. Но, хоть я вряд ли смогу когда-нибудь вслепую обезоруживать чары, я знала папу. Он доверял своим людям, и обычно он не брал пленников. Его угрозы были поверхностными, и магическая защита в доме была от атак снаружи. Великий Ён не хотел бы подавлять магию в своем доме, и хоть было глупо запираť мага в комнате, откуда она могла выбраться, я не была для него магом. Я была его безнадежной маленькой Опал, и если папа что-то не ожидал, так это я, которая могла нормально колдовать.

Я вскочила на ноги, искала мел в сумке, пока бежала к двери. Когда я стала рисовать вокруг дверной ручки, я замерла. Если что-то в тех чарах останавливало магию в доме, это активируют круги. Чары, как все заклинания, работали с точными условиями, и они искали первое, что делал каждый тауматург — то есть, каждый нанимаемый маг. Рисование круга подняло бы тревогу, и папа прибежит, будет кошмар.

Качая головой, я бросила мел в сумку, прижала ладонь к двери. Я могла это сделать. Я колдовала без кругов много раз, но в этот раз я собиралась сделать это правильно. Мне просто нужно...

«Доктор Ковальски говорит: не забудь обуздать молнию».

Я вздрогнула от вмешательства, но жаловаться не было смысла. Моя голова была как шоссе, нравилось мне это или нет, и я могла принять помощь с благодарностью. Я глубоко вдохнула и сосредоточилась на ладонях — одна на двери, одна сжимала картофель. Когда я ощутила обе, я потянулась к магии.

Как обычно, первая горсть была слишком большой. Но я научилась отпускать магию, а не только забирать, и я отпустила и попробовала снова, взяла щепотку свободно парящей магии, словно ловила пушинку одуванчика, пока не набрала горсть размером с картошку.

Сжимая крохотную горсть магии, я сосредоточилась на ладони на двери, думала о том, что хотела, чтобы сделала магия. Я не пыталась приказывать магии, подчинять ее заклинанием. Я создала картинку в голове, тонкий нож, скользящий между дверью и рамой, но острый и сильный, способный рассечь засов. Я представила, как он режет, как металл беззвучно разделяется, как масло. Когда картинка в голове стала реальной, я направила

магию туда, как расплавленный металл в форму. Он тут же затвердел, нож ощущался настоящим, как я. Я направила его в щель, опустила.

Остальное произошло за миг. Магия рассекла замок пополам, как я и представляла, сталь разделилась с шорохом. Я даже не понимала, что сделала это, пока дверь не открылась под своим весом. Открылась для меня.

— Ого, — я отпрыгнула в потрясении. — Сработало.

— Ясное дело, — гордо сказала Сибил. — Ты тренировалась.

Если бы тренировки могли сделать мага хорошим, то я была бы мировым чемпионом десять лет назад. Но хоть Сибил не была права, она и не ошибалась. Я тренировалась. Разница была в том, что я тренировалась правильно.

«Доктор Ковальски поздравляет, — передала СЗД. — Она говорит куда больше, но у тебя на это нет времени».

Точно. Я уже выглядывала из комнаты, сердце колотилось, пока я смотрела на темный коридор. Все еще были снаружи, потому что я не видела ни души. Я не слышала никого, и это был знак, что пора бежать.

«Можешь вызвать мне такси?».

— Нет, — ответила Сибил.

«Да, — прошептала СЗД. — Куда?».

Я представила ближайший перекресток и поспешила в коридор, шаги сменились тихим бегом, я устремилась от библиотеки, где накричала на отца, к крыльцу с выходом на просторный луг за домом. Я открыла стеклянные двери с тихим щелчком, выскользнула на брусчатку, почти не...

— Опал! — заорал отец.

Блин.

— Лучше бы машине быть готовой! — прошипела я богине в своей голове и побежала. Я слышала, как отец бежал по ступенькам сверху, но он или не хотел рисковать, становясь драконом и вредя коллекции, или он был слабее, чем я думала, потому что огромная тень не появилась за мной. Звучали крики и топот бега, но люди, бегущие за мной, были смертными, служившими дракону. Они могли бежать за мной по траве, но когда мы добрались до грязной бамбуковой рощи, которая отделяла часть реки отца от соседнего двора, они остановились и стали искать тропу. Я была Уборщицей, так что бросилась вперед. Речной ил нельзя было сравнить с тем, что мы с Ником терпели каждый день, и я едва замечала густую вонючую грязь, пытающуюся снять с меня сапоги, пока я толкала тело между стеблей бамбука, пока не рухнула на ухоженный газон смежного двора.

Я тут же вскочила на ноги, побежала по газону в сад роз с ангелочками на вилле в итальянском стиле. За мной рев отца сотрясал землю, подгоняя меня, пока я молилась СЗД, чтобы машина ждала меня.

«Не переживай, — шептала СЗД в моем разуме, сосредоточенном на побеге. — Я хорошая богиня. Молись дальше, и ты увидишь! Ты можешь стать жрицей старым стилем».

Если она вытащит меня отсюда, я подумаю. Но я старалась держать эту мысль при себе, пока бежала среди живой изгороди, которой соседи папы окружили свой участок. Пока я продиралась там, я потеряла пару дюймов дешевой футболки, но я выбралась из зеленых тисков и попала на тротуар.

Тяжело дыша и держась ближе к кустам, чтобы слугам папы было сложнее меня заметить, я повернулась и огляделась в поисках развилки на углу. Как на любой улице

большого города, тут было полно припаркованных машин, но среди хороших канадских седанов было побитое такси СЗД. Дверца даже открылась для меня, давая шанс прыгнуть внутрь.

«Видишь, что дарит вера?».

Я благодарила богиню, пока бежала. Я чуть не устроила аварию, пока бежала по перекрестку к машине. Я закрыла за собой дверцу и упала на пол, отец вырвался из стены кустов, откуда выбежала я. Я не знала, шел он по моим следам или по запаху, как гончая — как дракон, он мог сделать и то, и то — но он не успел поймать такси. Даже к Виндзоре маленьких такси было много. Папа даже не взглянул на мое, пока оно проезжало мимо него по изящной улице, набрав максимальную скорость в тридцать миль в час.

— Приветствую в Вал-У такси, клиент! — бодро сказала ИИ машины, ее компьютерное лицо улыбалось мне, я все еще сжималась на полу. — Куда отправимся сегодня?

Хороший вопрос. Я хотела в несколько мест, но только в одном могли помочь. Я обычно избегала этого места, но после удара по улью, который я нанесла, только там папа не сможет меня достать.

— В посольство Дракона, — приказала я, еще боясь встать с пола.

— Хорошо, клиент! — пропело такси, замедлило скорость на углу, мы попали в поток машин, направляющихся к мосту.

* * *

Как центр официальной активности драконов и дом Миротворца, посольство Дракона было одним из самых больших и странных зданий в городе. Хоть оно было ниже некоторых новых суперскребов, оно было шириной в две улицы, создавая поверхность для площадок для приземления драконов на крышах.

Некоторые драконы были такими большими, что этого не всегда хватало. Когда один из великанов, как Конрад, чемпион Харстрайкеров, прилетал, ему приходилось обвинять огромным телом ассиметричное здание из стали и стекла, чтобы приземлиться. Уверена, это было интересно наблюдать с верхних этажей, но в части посольства над Небесными путями были только драконы и мировые лидеры, которые постоянно прибывали на переговоры с ними. Обычные смертные, как я, приходили в здание через менее гламурный вход в Подземелье.

Как обычно, площадь у входа была полной туристов, фанаты драконов надеялись заметить кого-нибудь знаменитого. Вокруг площади было кольцо тележек с товарами, которые появлялись, когда собирались люди. Мое такси даже не смогло добраться до зоны высадки из-за толпы, и я вышла из машины в улице от посольства, побежала дальше, толкая иностранцев, выстроившихся для тура по посольству Дракона. Я устремилась к маленькой двери с табличкой «Только по официальным делам».

— Не хочу докучать, — прошептала нервно Сибил в наушник, пока мы шли сквозь сканеры безопасности и чары обнаружения угрозы. — Но близится точка невозврата, и я должна спросить: ты уверена, что хочешь сделать это? Я знаю, что ты и твой папа сейчас не в лучших отношениях, но Миротворец ему не друг. Это опасное место для тебя.

— Для меня уже нет безопасного места, — сказала я, свет на двери стал зеленым, пропуская меня к ряду окон секретарей внутри. — Но Ён не полезет к Миротворцу. Папа не в его большом альянсе, но Миротворец построил это место, чтобы улучшить отношения людей и драконов, и мои точно требуют улучшения. И он зовет себя Миротворцем. Если я бегу к другому дракону, то стоит выбирать того, кто известен разговорами, а не убийствами.

— В этом есть логика, — сказала Сибил. — Но твоему отцу это не понравится.

— Хорошо, что мне уже плевать, что ему нравится, — рявкнула я, подходя к окну, чтобы показать свое удостоверение работника. Человек внутри опешил при виде моего имени, но проверила меня по базе, потому что не задала вопросов. Она открыла дверь и сказала следовать за знаками на третий этаж к «Услугам для смертных». Я поблагодарила ее и прошла, миновала окно с видом на людное фойе с туристами. Там были бархатные веревки, дисплеи дополненной реальности со сражающимися драконами, а еще большой сувенирный магазин в деловой части здания.

Внутри посольство было таким же пугающим, как и в мой первый раз тут. Я не знала, было это из-за того, что здание было понятным сложным разумам драконов, или сложность была результатом попыток втиснуть много разных офисов в одно огромное здание, но коридоры извивались вечно. К счастью для меня, нижние этажи были для смертных, и тут не было тех, кто обычно был рядом с драконами. Никто не выделялся красотой или нарядами. Кроме интересных названий профессий на дверях, типа «Помощь с налогами за сокровища», «Советы по интеграции в современную жизнь» и «Подразделение по ликвидации аварийных муниципальных поджогов», все тут было обычными офисами, какие были в любом штабе в СЗД.

Иронично, посольство Дракона было похожим на здание правительства больше настоящих таких зданий, которые я видела в городе. Я не знала, как драконы умудрились превзойти город, но это место было полным социальных услуг, тут были даже бежевый ковер, флуоресцентные лампы и стопи бесплатных информационных буклетов, и я ощущала себя так, словно пришла подавать жалобу, пока проходила в стеклянные двери с табличкой «Услуги для смертных» и приближалась к круглому столу с женщинами средних лет в центре, которые всем видом выражали: «Даже не думай пробовать».

Они все были не рады меня видеть, и я подошла к ближайшей, показала леди свою самую чарующую улыбку.

— Здравствуйте, — сказала я. — Мне нужна помощь. Я пострадала от проклятия дракона.

Она не была впечатлена.

— Дракон — часть Альянса Миротворца?

— Нет.

Леди посмотрела на меня, будто спрашивая «и что ты от меня хочешь?», но явно давно тут работала, потому что оставила комментарии при себе.

— Заполните это, и мы посмотрим, что можно сделать, — сказала она, вручила мне старомодный планшет из стопки рядом с ней.

Я вежливо улыбнулась, взяла его и прошла к дивану с недовольством. Я знала, что папа не был другом Миротворца, но я надеялась на что-то лучшее, чем стандартная форма. Я думала, что упоминание проклятия хотя бы позволит мне встречу с настоящим драконом, но в этом месте запугать было сложно, потому что женщина за столом едва моргнула. Но зал ожидания был неплохим. Что важнее, тут не было драконов. Посольство Дракона было полным шпионом. Каждый клан отправлял кого-то в здание слушать сплетни, но они, видимо, были сверху, где происходили интриги драконов. Тут, на дне эксперимента Миротворца, не было никого важного, и хоть это не помогало моему срочному делу, я могла спокойно заполнить форму.

Я пять минут отвечала на вопросы и вводила важную информацию о себе. Закончив, я

вернула планшет даме и устроилась ждать. Больше никого на диванах не было, и я надеялась, что ждать не придется долго. Едва я достала телефон, чтобы поиграть в «Candy Crush 2099», кто-то прокричал мое имя:

— Опал!

Я подпрыгнула на бежевых подушках. Мне не нужно было смотреть, чтобы знать, что меня звали не работники. Я знала, что голос не был человеческим. Смертные не могли звучать так мило, вызывая ужас. Да, когда я подняла голову, я увидела дракона на пороге зала. Но, хоть она узнала меня, я ее не помнила.

Она была красивой, конечно. Все драконы, даже юные и нескладные, выглядели как супермодели в облике людей. Мама говорила, что так проявлялось их высокое положение в природе, но я всегда подозревала, что это было для охоты. Вкусные люди подпустят тебя ближе, если ты выглядишь шикарно.

Эта смертная маска выглядела как корейка. Значит, ее территория была рядом с землей отца, ведь драконы принимали облик как у смертных, живущих в их владениях. Но я не узнавала ее с вечеринок отца, от этого я нервничала сильнее. Только одного дракона из Азии отец не звал смотреть его коллекцию, и она ненавидела его больше всего.

— Белая Змея, — тихо сказала я, прижалась спиной к твердым подушкам дивана, надеясь, что пропаду между ними. — Что ты тут делаешь?

Кроваво-красные губы драконши изогнулись в хищной улыбке.

— Для тебя — леди Белая Змея, девочка, — она прошла в зал ожидания. Теперь я видела, что с ней были ее смертные, пара красивых и нарядных юношей с такими же дорогими солнцезащитными очками, как у Эйнсли. Это выглядело бы глупо в комнате без окон, но ничто не выглядело глупо, когда ты хорошо выглядел и стоял в тени своего дракона. Но я была одна и не на той стороне власти. И Белая Змея усиленно указала мне на это. — Удивлена, что ты меня помнишь, — она прошла ближе. — Когда мы встречались в последний раз, ты была мелким щенком, — она провела острыми, как бритва, ногтями по моей щеке, ждала, что я вздрогну. Когда я не вздрогнула, она продолжила. — Что ты тут делаешь? — спросила она, милый голос был спокойным, словно она пересеклась со мной в месте, где не находилась по делам. Даже леди за стойкой потеряли свои выражения лиц, будто они видели все. Две перестали работать и смотрели, третья быстро шептала в телефон. Стоило бежать к ним за стол, но у меня был тяжелый день, так что я не сообразила, и мне надоело все, связанное с драконами.

— Я могу задать тебе тот же вопрос, — я хмуро глядела на нее. — Ты сдалась и вступила в клуб Миротворца?

— Ни за что, — Белая Змея рассмеялась. — Миротворец забыл, как быть драконом, если вообще знал об этом. Я пользуюсь его нейтралитетом, пока веду переговоры о контракте. Рутинный бизнес, ничего особенного.

Я подавила желание закатить глаза.

— Как твой отец? — продолжила она, играя ладонью с моими грязными волосами. — Слышала, он плохо себя чувствовал.

— Он в порядке.

— Как же, если ты тут? — проворковала она. — Разве не ты — сокровище, которое он защищает любой ценой?

Когда это не вызвало бурю, Белая Змея склонилась, понизила голос до сценического шепота и прижалась красными губами к моему уху:

— Если ты тут из-за Ёна, я могу помочь лучше лакеев Миротворца. Я понимаю брата лучше этих чужаков и, в отличие от них, не заставлю тебя ждать в фойе, как простачку. Я обойдусь с тобой как с возвышенной смертной, и если ты выразишь должное уважение, могу даже снять с тебя проклятие, чтобы наблюдать, как Ён мучится. Что скажешь, Опал Дракона? Хочешь обменяться?

То, что я это обдумывала, показывало, как я злилась на папу. Я доверяла Белой Змее меньше, чем обычному дракону, но было бы приятно дать ей снять мое проклятие, зная, что папа не мог ее остановить. И хоть картинка была заманчивой, это было глупой мечтой. Белая Змея ни за что не снимет с меня проклятие. Она могла использовать его против моего отца. Она точно вопьется в меня когтями, а я не собиралась менять одного дракона на другого, который был еще хуже.

— Нет, спасибо.

Я отклонилась, давая себе место для момента, когда она взорвется, ведь драконы так делали, когда им отказывали. К моему потрясению, Белая Змея только улыбнулся.

— Тебе стоит подумать, тывовка, — сладко сказала она мне. — Твой отец хорошо скрывает слабости, но мы знаем, что ему плохо. Это редкий шанс для нас обеих. Не хочешь заставить его заплатить за то, что он с тобой сделал.

Дыхание дрогнуло не от искушения, а от ярости. Я могла ужасно злиться на папу, но я не была предательницей. Ён был гадом, заслуживал наказания за то, что сделал, но я не собиралась продавать его сестре. Змеи могли биться между собой, сколько хотели, но я не хотела быть орудием в их войне. Мне надоело быть вещью дракона, как и надоел этот разговор.

— Отвали, — сказала я ей.

Драконша надо мной застыла так, будто ее клетки перестали двигаться.

— Что ты мне сказала?

Я посмотрела ей в глаза, чтобы она точно не пропустила:

— Отвали.

Слово вылетело изо рта, и я поняла, что оно могло стать моим последним, но было так приятно высказать такое одному из этих тиранов. Ярость и шок на лице Белой Змеи стоили риска. Я говорила себе радоваться этому на случай, если это было последним, что я видела, когда ладонь опустилась на мое плечо.

Я вздрогнула сильнее. Я так сосредоточилась на драконше передо мной, что не заметила, как другой подошел сбоку. Это было глупо, потому что даже мои ощущения говорили, что новый был куда больше. Он был высоким и не особо красивым для дракона, с высокими скулами, светло-бронзовой кожей, ярко-зелеными глазами и прямыми черными волосами длиннее, чем у моего отца, которые были в неопрятном пучке, куда он воткнул кисти, на многих еще была свежая краска. Он был одет неряшливо, в белой рубашке под фрак, не заправленной в джинсы в краске, такие старые, что они побелели, а кожаные мокасины выглядели так, словно их сделали коренные американцы еще до вторжения на их земли.

И, если этого было мало, на его плече был голубь. Не горлица или какой-то еще интересный вид, а серый городской голубь, какие обычно ели оброненную картошку на улице. Он радостно сидел на длинных волосах дракона, вертел головой, отливающей радугой в стороны, чтобы посмотреть на меня по очереди черными глазками. Дракон сел рядом со мной, словно мы были друзьями.

— Простите, — сказала я после долгой неловкой паузы. — Я вас знаю?

— Ни капли, — сказал новый дракон, указал пальцем в краске на Белую Змею. — А она знает.

Белая Змея, казалось, увидела призрака. Она уже попятилась, но когда дракон указал на нее, она вздрогнула, как испуганная мышь. Это потрясло. Мой отец всегда говорил, что его сестра была трусливой, но я думала, что он просто оскорблял ее. В этом могла быть правда, потому что я еще не видела, чтобы дракон вел себя так странно. Белая Змея знала, что ее поймали, потому что, когда она смогла посмотреть в глаза новому дракону, ее милое лицо исказили гнев и стыд.

— Кто дал тебе право перебивать нас?

— О, простите, — ответил зеленоглазый дракон, не звуча виновато. — Я не знал, что тут проходило собеседование, — он посмотрел на меня. — Ты же не против моего появления?

Я замотала головой, и дракон повернулся к Белой Змее с очаровательной улыбкой.

— Видишь? Она не против.

— Ее мнение не важно, — прорычала Белая Змея. — Я...

— Гость в доме моего братишки, знаю, — ответил новый дракон. — И скоро нас покинешь! Уверен, я буду расстроен, лишившись твоего общества, как только мне напомнят, кто ты.

В другой ситуации я рассмеялась бы от этого. Но даже в моем безрассудном состоянии сейчас я не осмелилась смеяться над Белой Змеей. Ее лицо было в красных пятнах от ярости, и черный дым лился из ее носа и рта. Дракон рядом со мной мог играть с таким огнем, но я сгорю, если она его выпустит. Она ужасала, но баланс власти уже сменился, потому что, хоть она выпускала дым, Белая Змея опустила взгляд первой, отступила в коридор, куда уже убежали ее смертные. Она недовольно оглянулась на меня, но, хоть она хотела пригрозить мне, ее прервала приподнята бровь дракона рядом со мной. Она перестала притворяться и убежала на скорости, которую смертные считали бы бегом.

Когда она пропала, я повернулась к неожиданному спасителю с поклоном.

— Спасибо.

— Не стоит, — странный дракон похлопал меня по голове как собаку. — Я прибыл только купить немного семечек для моей любимой леди, — он погладил голубя на плече, тот счастливо ворковал, — когда увидел твою проблему, я решил повеселиться за чей-нибудь счет.

Я в ужасе смотрела на него.

— В-вас не послали спасти меня?

— Прости, что задеваю эго, но я не уверен, что знаю, кто ты, — бодро сказал дракон. — Я проходил мимо, потому что торговый автомат на этом этаже единственный в здании продает нужный бренд семечек. Я говорю брату закупить больше, но он вечно «Боб, ты самый сильный, самый красивый дракон в мире! Купи себе сам семечки!». Представляешь?

Я не могла, но не из-за семечек и торговых автоматов. Я поняла, с каким драконом говорила, и я уже не знала, было ли хорошо то, что он прогнал Белую Змею. Теперь я знала, как она себя вела. Этот дракон был страшнее, потому что, хоть он был с голубем и глупым прозвищем, я теперь знала, что сидела рядом с Брогомиром, старшим сыном клана Хартстрейкер, один из трех оставшихся драконов-пророков. Он был братом Миротворца. Говорили, он сходил с ума. Я верила слухам.

— Что ж, — я подвинулась на диване. — Спасибо за спасение. Я не хочу занимать еще больше вашего ценного времени, так что почему бы вам не пойти за семечками? Ваша леди, которая очень красивая, кстати, выглядит, кхм, голодной.

— Моя супруга довольно голодная, — сказал Великий Брогомор, шевеля темными бровями. — Но ты удивительно вежливая для меньшего существа, — он красиво улыбнулся. — Тебе нужно пойти с нами!

— О, нет, я не могу, — быстро сказала я, размахивая руками. — Я не хочу быть третьим колесом, и я жду встречи с...

— Бред, — Боб обвил длинной рукой мои плечи и сам поднял меня с дивана. — Не нужно быть пророком, чтобы увидеть, куда тебе нужно. Я чуял проклятие на теле за три этажа от тебя. Чем ты так разозлила Ёна? Дракон Кореи обычно любит смертных. Seriously, я слышал, что у него двести смертных, суестьихся в его логове! Это напоминает даму, помешанную на котах.

Я нервно рассмеялась, пытаясь понять, как сбежать из новой ужасной ситуации. Блин, не стоило идти к Миротворцу за помощью! Драконы всегда все ухудшали. Теперь меня кормят его веселой подружке-голубю.

— Он хотя бы отведет нас на этажи выше, — шепнула Сибил, пока мы шли в лифт.

Брогомор нажал кнопку очень высокого этажа. Лифт поднимался ужасно быстро, и мой желудок трепыхался, пока мы неслись к вершине здания. Лифт замедлился, и дверцы открылись, показывая красивый коридор, который отличался от скучных комнат, освещенных флуоресцентными лампами, внизу. Тут посольство было в меру роскошным. Тут были высокие окна с видом на постоянно меняющийся горизонт СЗД, мраморный отполированный пол с настоящими ископаемыми в каждой плите и деревянными панелями на стенах, покрытых красивыми акварельными китайскими картинами драконов в полете, я не знала художника, и это потрясло больше всего. Папа научил меня узнавать всех важных художников Китая за последние две тысячи лет. Как я могла пропустить кого-то такого хорошего? Я все еще обдумывала это, когда Брогомор вытолкнул меня из лифта.

— Эй! — я невольно зашагала вперед.

— Не переживай, — ответил он, нажал кнопку закрытия дверей снова. — Это нельзя пропустить.

— Что пропустить? — испуганно сказала я. — Я не знаю, зачем вы меня сюда повели!

— Мне нужны семечки для моей милой, — он игнорировал меня. — Осторожнее, маленькая смертная!

Он бодро помахал, когда двери лифта закрылись, и я осталась в панике в красивом коридоре. В красивом драконьем коридоре. Я еще не была в этой части посольства.

— Меня съедят, — шепнула я Сибил.

— Все будет хорошо, — ответила она успокаивающим голосом, каким она говорила, когда все шло плохо. — Брогомор — один из трех пророков-драконов. Значит, он видит будущее, да? Он не просто так привел тебя сюда.

— Это не значит, что для меня это хорошо, — прошипела я. — Миротворец — враг папы, помнишь? Это может быть...

— Мисс Ён Э?

Я подпрыгнула с писком и оглянулась, юноша выглядывал из двойных дверей в конце коридора. Он выглядел неприметно с черными подстриженными волосами и улыбкой, и я не поняла, что он был драконом, пока не заметила неоновозеленые глаза, признак клана

Хартстрайкер. Это ничего мне не сказало. Хартстрайкеры были драконами Америки, и их был миллион. Ну, может, не миллион, но много. Этот выглядел юно, может, даже младше той, что принимала мой отчет в Узлах. Я пыталась решить, работал он тут или просто искал сплетни, когда он поспешил мне навстречу.

— Простите за ожидание, — он протянул руку. — Я слышал о вашей проблеме с отцом, и я хотел бы помочь.

— Правда? — я не ожидала услышать это от дракона. — Спасибо большое, кхм...

Я смущенно замолчала. Этот дракон ожидал, что я его узнаю, но я понятия не имела. Я просила мысленно Сибил подсказать мне, когда юный дракон рассмеялся.

— Не удивлен, что вы меня не узнаете, — он широко улыбнулся мне. — Все говорят, что по телевизору я выгляжу иначе, — он указал на свое лицо. — Я — Миротворец.

Глава 10

Я смотрела на него, лишившись дара речи. А потом выпалила:

— Ты — Миротворец?

Я была в ужасе от своей грубости, но я была в шоке. Миротворец был одним из самых сильных драконов в мире, только он смог создать и поддерживать коалицию множества кланов, несмотря на конфликты. Он не просто правил всеми драконами в СЗД. Он и его союзники управляли двумя третями всех существующих драконов. Я слышала, что он был юным, но дракон передо мной выглядел так, словно ему не продали бы алкоголь. Он даже не источал хищную угрозу. Если бы не его глаза, я решила бы, что он был человеком, хотя обычно я так не ошибалась с драконами.

— П-простите, — запнулась я, упала на колени в отчаянной попытке загладить ситуацию. — Простите, великий дракон. Я не знала.

— Не страшно. Так всегда, — Миротворец махнул мне встать. — И Боб всегда так толкает людей. Я бы не отправлял его за тобой, но доверить работу, пока Белая Змея в здании, я мог только ему или Джастину, а я не хотел начинать войну.

Я не знала, кем был Джастин, но если Миротворец считал Великого Пророка Брогомара безопаснее, то я его боялась.

— Прошу, входи, — сказал дракон, указывая на двойные двери, откуда он только вышел. — В моем кабинете бардак, но только тут из всех комнат здания нас не подслушают. Драконы — ужасные сплетники, и их тут сейчас полно.

Я медленно кивнула, прошла за Миротворцем по коридору и в комнату, в которой было немного беспорядка, но от него было уютно.

Было не так роскошно, как ожидал после коридора. Потолок был высоким, и стены украшало больше красивых картин акварелью, чем снаружи. Кроме шедевров неизвестного гения, кабинет Миротворца выглядел поразительно нормально. На стенах не было голов врагов, в углах не хранились сокровища или груды золота, не было известных орудий войны. Только несколько удобных кресел, парочка горшков с растениями и стул, покрытый фотографиями его и его смертной жены. Это так отличалось от драконов, что я стала задумываться, не передавалось ли безумие Брогомара среди всех Хартстрайкеров. Миротворец указал мне сесть.

— Нам нужно поговорить о твоём отце.

Это было ожидаемо, и я села, вздохнув. Миротворец опустился на потертый кожаный стул за своим столом и сцепил ладони на промокательной бумаге.

— Я так понимаю, что у тебя и Дракона Кореи сейчас проблема.

— У него проблема, — с горечью сказала я. — Он проклял меня.

— Знаю, — ответил Миротворец. — Моя сестра, которая помогала тебе в Узлах, рассказала мне об этом.

Судя по словам мамы, она рассказала всем, но это меня не тревожило.

— Если знаете, то вы понимаете, что это не моя вина, — недовольно сказала я. — Мы договорились! Если я выплачу все деньги, которые должна ему, он меня отпустит. Таким был уговор, и когда я стала побеждать, папа проклял меня неудачей, мешая зарабатывать деньги. Я смогла все равно выплатить долг, но теперь он отказывается снять проклятие. Он даже пытался похитить меня и увезти в Корею! Пришлось сбежать и ловить такси.

— СЗД рассказала мне, — кивал дракон.

Я уставилась на него.

— СЗД рассказала вам?

Он улыбнулся.

— Она и мой город.

Ого. Все те слухи, что город была близка к ее дракону, не были слухами. В другое время я спросила бы у него, как он оказался в таких отношениях с богиней, но сейчас были проблемы серьезнее.

— Если знаете историю, вы должны мне помочь, — сказала я. — Знаю, мой папа не входит в ваш клуб мира, но я живу на вашей территории, и в СЗД запрещено удерживать смертных против их воли.

— Я знаю свои законы, — сказал Миротворец, но не едко. Он звучал печально, и потому я не удивилась, когда он добавил. — Но я не могу тебе помочь.

— Почему? — я вскочила на ноги. — Дракон проклял меня против моей воли! Я не прошу воевать с ним. Мне нужно, чтобы с меня сняли его магию!

— Боюсь, это одно и то же, — сказал Миротворец, сцепив пальцы на столе. — Я знаю о вашей с отцом уникальной ситуации уже какое-то время. Когда ты захотела приехать сюда четыре года назад, Ён прибыл ко мне лично, чтобы попросить разрешения.

Я моргнула.

— Да?

Миротворец кивнул.

— Это было серьезное дело. Как ты и сказала, Ён — не часть моего «клуба мира», и в этом проблема. Я — Дракон Детройта. Жизнь на моей территории — привилегия, которую получают драконы, поклявшиеся слушаться моих правил. Я не могу просто пустить жить тут смертных дракона. Нужно подавать прошение, и твой отец сделал это для тебя. Хотя и с силой.

Я... не знала этого. Я думала, что прибыла в СЗД против воли отца. Я не понимала, что он пошел на такое для меня. Я не была уверена, что верила в это. Я не думала, что Миротворец стал бы врать о том, что легко проверить, просто не могла представить, чтобы папа проглотил гордость и попросил об услуге дракона, которого презирал.

— Я тоже не мог поверить сначала, — сказал Миротворец при виде моего лица. — Но мне ясно, что твой отец сильно заботится о тебе. Он хотел, чтобы ты могла учиться в месте, которое выбрала, и я позволил ему отправить тебя туда.

— Вы были очень щедры.

Губы дракона дрогнули в улыбке.

— В этом был и эгоизм. Я надеялся убедить его вступить к нам. Корея — одна из последних больших территорий вне альянса, и Ён известен благородством. Мы заинтересованы в его вступлении. Я надеялся искутить его щедростью, но он — упрямый дракон, который ценит свою независимость.

— Звучит похоже на кое-кого, — шепнула Сибил мне на ухо.

Я мысленно оттолкнула ее и вернула внимание к Миротворцу, который все еще говорил:

— Отношения с Ёном ухудшились за годы, — продолжил он. — Но я все еще не могу позволить моим драконам снять с тебя проклятие.

— Почему? — спросила я. — Я читала ваш указ, который вы издали для народа СЗД, когда основали это место. Он на всех брошюрах внизу. Вы обещали, что не позволите драконам мучить людей, — а меня явно мучили.

— Я обещал, — сказал Миротворец. — Но, как я уже говорил, Ён — не мой дракон. У него своя власть, и три недели назад он заявил, что любое вмешательство в магию, которую он оставил на тебе, будет воспринято как начало войны.

Я потрясенно посмотрела на него.

— Он сказал вам такое?

— Он сказал всем, — мрачно ответил Миротворец. — Слухи о твоём проклятии еще не разнеслись всюду, а он обратился к нам и издал указ. И, раз Ён держит слово, мы все поверили ему. Потому я не могу сделать то, о чем ты просишь. Я сочувствую твоей беде, мисс Ён Э, но весь смысл Указа Миротворца — покончить с войнами между кланами драконов. Мы на грани настоящего мира впервые в нашей кровавой истории, и я не могу рисковать этим из-за тебя.

— И что мне делать? — закричала я. — Я не могу снять проклятие сама!

— Если тебе станет лучше, долго оно на тебе не пробудет, — сказал Миротворец. — Проклята ты, но страдает Ён, — он склонил голову. — Ты знаешь, как работает магия драконов?

Я кивнула.

— Я знаю, что папа тратит свой огонь, чтобы поддерживать проклятие на мне.

— Он тратит больше, — юный дракон прижал ладонь к своей груди. — Наш огонь — не только топливо для наших заклинаний. Это наша жизнь, то, что делает нас драконами. Проклятие Ёна на тебе такое сильное, потому что он лил в него свой огонь. Он старый, огня накопил много. Но драконий огонь не бесконечный, и когда ты заставила его использовать огонь, чтобы обвалить рынок золота, ты взяла больше, чем ему стоило тратить.

Я удивленно смотрела на него.

— Откуда вы знаете о рынках золота?

— Драконы на редкое обращают больше внимания, чем на золото, — он рассмеялся. — Добавь вспышки магии Ёна в то же время, как цена падает, и его странное предупреждение о твоём проклятии, и многие смогли сложить два и два. Этим он завел много новых врагов. Моя мать хочет его голову. У нее много золота.

Не у нее одной. Я видела горы золота, на которых спали драконы. Я была занята тогда и не думала об этом, но теперь понимала, что проблемы на рынке золота разозлили многих. Это было бонусом. Все, что давило на папу, меня устраивало. Я не понимала, почему Миротворец рассказывал мне это так, словно мне было дело.

— Его враги — не мое дело, — холодно сказала я. — Я сделала то, что должна была. Если бы ему не нравилось, он мог остановить проклятие в любой миг.

— Но не остановил, — сказал Миротворец. — И тут появляется проблема.

Я приподняла бровь, и дракон склонился с мрачным видом.

— Правильно он поступил или нет, но твой отец потратил огромное количество своего огня, пытаясь вернуть тебя под свой контроль. Это сделало его слабым и уязвимым, и это плохо для всех. Дракон Кореи — не часть моего альянса, но у него есть альянсы с несколькими драконами из моей группы. Если один из его врагов увидит его слабость как шанс, это может погрузить весь регион в войну и угрожать миру, который я строил двадцать лет. Это серьезный ущерб для семейной проблемы.

Мои надежды рушились с каждым словом.

— И вы толкнете меня к нему? — сказала я. — Отдадите папе, чтобы успокоить его, чтобы сохранить ваш мир?

— Я никому тебя не отдаю, — терпеливо сказал Миротворец. — Но, думаю, тебе нужно спросить себя, почему твой отец готов зайти так далеко.

— Потому что он — нарцисс, который не может отпустить, — рявкнула я.

— Нарциссы не вредят себе ради других, — возразил он. — Ён делает все это неправильно, но я верю, что в душе он хороший человек.

— Вы хотели сказать, хороший дракон?

Миротворец покачал головой.

— Это разные вещи. Забавно, но проблема Ёна в том, что он и то, и другое. Дракон Кореи известен жестокостью, хитростью и честью. Его боятся его враги, уважают соседи, его народ обожает его. Кроме избыточного интереса к коллекционированию смертных, его репутация дракона была безупречной. А потом появилась ты.

— Хотите сказать, что я испортила его? — с горечью спросила я.

— Нет, — сказал Миротворец. — Такой поворот событий заставляет меня хотеть его сильнее. Гордый и эгоистичный дракон не будет подвергать себя такой опасности из-за смертной. Мне ясно, что, что бы он ни говорил, Великий Ён сильно любит тебя, и будет величайшей трагедией воевать из-за такого красивого явления.

Я посмотрела на свои ладони. Я хотела верить его словам. Я была лишь человеком. Конечно, я хотела, чтобы отец любил меня. Но я уже много раз ранилась об это и не хотела обманываться снова.

— Вы ошибаетесь.

Миротворец отклонился в кресле.

— Как же?

— Отец меня не любит, — я сжала кулаки поверх дешевых грязных леггинсов. — Он хочет владеть мною. Я — его Опал, вещь, а не человек. Он делает это все не из-за того, что скучает и хочет видеть меня рядом. Он делает это, потому что только мне хватило смелости отказать ему, а он этого терпеть не может.

— Что ж, — медленно сказал дракон. — Он твой отец. Думаю, ты знаешь его лучше.

Я одобрительно кивнула, но дракон еще не закончил.

— Порой людей, к которым мы ближе всего, сложнее видеть правильно. Наши чувства могут мешать нам видеть то, что прямо перед нами.

Я в гневе сжала кулаки. Кем он себя возомнил, говоря мне это? Это была не мелкая семейная ссора, которую можно было исправить долгим разговором и объятиями. Отец

пытался похитить меня! Но, пока я придумывала, как ему сказать, что он ошибался, не оскорбив, Миротворец поднял ладони.

— Понимаю, — сказал он с улыбкой. — Но, пока ты не отвернулась от меня, я могу задать вопрос?

Вряд ли это было хуже того, что он уже рассказал, так что я кивнула.

— Ты ненавидишь своего отца?

Я удивленно моргнула. Я не думала об этом раньше. Но теперь меня спросили, и ответ был очевидным.

— Нет, — сказала я. — Я злюсь на него, хочу, чтобы он прекратил, но я не ненавижу его.

— Почему? — спросил Миротворец. — Ты сказала, что он ужасно поступил с тобой. Я не могу снять с тебя проклятие, но многие драконы могут. Почему не продать его одному из его врагов и покончить с этим?

Я открыла рот, чтобы выдать привычную фразу, что я не хотела менять одного хозяина на другого, но слова ощущались как пепел во рту. Ситуации были разными, но то, как просто и прямолинейно он задал вопрос, напоминало доктора Ковальски, когда она требовала, чтобы я сказала ей правду. Я думала и тогда, и сейчас, что говорила правду, а потом спросила себя о правде — настоящей причине, по которой я старалась выполнить сделку, а не продала папу тем, кто был бы рад узнать о его слабости — и ответ оказался другим.

— Потому что он — мой папа.

Но я знала, что эти слова можно было поставить под сомнение. Родители не всегда были хорошими. Многие люди ненавидели своих пап, и на то были причины. У меня был повод, и, несмотря на все, что он сделал, сколько раз он топтал мою жизнь и звал меня щенком и разочарованием, я не смогла это сделать. Я не знала, любила ли его, но я не могла заставить себя ненавидеть его. Даже ради своего спасения, что было самым глупым моим решением. Я ожидала, что Миротворец так мне и скажет, но дракон, к моему удивлению, просто кивнул, его юное лицо стало старше от сочувствия, словно он знал, что я ощущала.

— Твой ответ дает мне надежду, — сказал он. — И я не верю, что Ён видит в тебе только вещь.

— Но это так, — возразила я. — Он сам так сказал.

— Не сомневаюсь, — ответил Миротворец. — Но ты должна знать, что слова и чувства дракона — разные вещи. Он может звать тебя вещью, но в каждом моем разговоре с ним — с первой встречи, когда он попросил дать тебе жить тут и до его заявления, что тот, кто тебя тронет, станет его заклятым врагом — Ён постоянно звал тебя своим ребенком. Ты не его по крови, но действует он так, будто ты — его любимая дочь, важнее огня или золота.

— Если это так, — прошептала я с дрожью, — зачем он делает это со мной?

— Не знаю, — сказал Миротворец. — Но, думаю, ты была права, сказав, что он хочет тобой владеть. Я вижу, почему ты не можешь терпеть этого. Никто не хочет быть вещью. Но для старого дракона, которого с рождения учили, что симпатия — это слабость, которая его погубит, желать камень безопаснее, чем любить дочь. Эту проблему он должен решить сам, конечно, и я не прошу тебя простить его. Просто... вам стоило бы поговорить.

— Я пыталась, — раздраженно сказала я. — Я сто раз пыталась, но он не слушает! Он просто кричит.

Рот Миротворца дрогнул.

— Ты кричишь в ответ?

Я посмотрела на свои ладони. Я... кричала на папу немного. Или много. Но я не была виновата! Он вел себя ужасно, злил меня этим. Я пыталась понять, как объяснить это Миротворцу, чтобы я не звучала как часть проблемы, но дракон встал из-за стола.

— Я не могу исправить то, что разбито между тобой и твоим отцом, — сказал он. — Только вы можете починить этот мост, и тебе нужно найти способ сделать это быстро. Все драконы мира встревожены из-за рынков золота, и они винят Ёна в этом. Уверен, ты ему сейчас не сочувствуешь, но слабый дракон опасен. Ён потратил почти всю магию, пытаюсь держать тебя на поводке. В отличие от тебя, он не может просто взять еще магии. У него есть только огонь в нем. Когда это закончится, не станет и его.

— До этого не дойдет, — пообещала я. — Папа упрямый, но он не убьет себя ради моего проклятия.

— Может, не намеренно, — сказал Миротворец. — Но даже осторожные драконы способны творить глупости, когда отчаянно хотят победить.

Я опустила взгляд. Я все это знала.

— Просто поговори с ним, — сказал дракон. — Он все делает не так, но я уверен, что твой отец любит тебя. Ты сказала, что не ненавидишь его, это хорошее начало. Ён старый, его сковывают традиции. Он не сможет измениться первым, но ты — юна, ты — человек. Твой вид определяет весь мир. Ты можешь заставить упрямого старого дракона увидеть истину.

Я вздохнула.

— Это не сработает.

Миротворец пожал плечами.

— Может, нет, но я советую все равно попробовать, потому что ни один дракон под моим управлением не снимет с тебя проклятие. Я не буду воевать, потому что вы двое слишком упрямые, чтобы разобраться, как цивилизованные люди.

Это было справедливо, но:

— Что мне делать? Говорить с папой — хорошая идея, но я тут, потому что он пытается меня похитить. Это не дает шанса для переговоров.

— Ты можешь оставаться в посольстве, сколько хочешь, — предложил Миротворец. — Я не могу снять твоё проклятие, но могу предложить убежище. И я обещаю, что тут тебе будет безопасно. Как бы он ни злился, твой папа не пройдет мимо всех нас, особенно в его нынешнем состоянии.

Мысль, что другой дракон узнает, как ослабел отец, нервировала меня, но я прогнала это ощущение с гримасой. Я не была в ответе за то, что он сделал с собой, я не была обязана оберегать его. Для этого были его послушные смертные. Я была свободна, и я не собиралась дрожать, прячась тут.

— Уверена? — прошептала Сибил. — Тут неплохо. У них есть бассейн, кафе и прочее.

«Это тюрьма», — подумала я.

— Все сразу не получишь, — рявкнула Сибил. — Даже если бы Миротворец был готов снять с тебя проклятие, твой отец не остановился бы. Он все равно гнался бы за тобой, пытаясь увести домой. Варианты — остаться тут и быть в безопасности в удобной клетке или выйти и рисковать. Тебе решать, но это не закончится, пока вы с твоим отцом не придете к решению.

Правда этих слов ударила меня как поезд. Я была в тупике, да? Я сосредоточилась на проклятии, как до этого на долге, но это были не те цели. Каждый раз, когда я доходила до

цели, папа создавал следующую. Так он сделал с проклятием. Я могла пересекать все финишные прямые, какие хотела, но это никогда не закончится, пока один из нас не сдастся.

Я отчаянно хотела верить, что не я. Мне нравилось думать, что я была сильнее этого, но я была смертной в этом конфликте, и он прижал меня к стенке сильнее обычного. Теперь я знала, как мой трюк с золотом вредил ему, и я не могла даже больше зарабатывать. Если не хотела рискнуть случайным убийством папы. Хоть это и была бы его вина, меня мутило от одной мысли об этом. Но если он был готов идти на все ради победы, а я — нет, значит, я уже проиграла?

Эти мысли подавляли.

— Простите, — я потеряла ладонью лицо.

— Не спеши, — Миротворец обошел стол. — Мне пора идти. Паника из-за золота еще не утихла. Мне нужно проследить, чтобы никто не нарушал правила, но ты можешь оставаться в моем кабинете, сколько хочешь. Когда будешь готова перебраться в комнату, просто позови...

— Нет, — быстро сказала я. — Вы были очень добры, слишком добры, но я не могу оставаться тут. Я сбежала из одной тюрьмы дракона не ради жизни в другой, хоть тут и уютно. Я справлюсь сама.

— Уверена? — казалось, он искренне переживал за меня, я еще не видела такого у дракона. — У нас есть отдельные дома для работников-людей, если тебе будет удобнее...

— Нет, все хорошо, — сказала я. — Мне есть куда идти.

— Позволь хотя бы проводить тебя, — он поспешил к двери для меня. — Это место запутанное. Я не хочу, чтобы ты заблудилась.

Он просто не хотел, чтобы смертная дракона, который обрушил цену богатства других драконов в мире, бродила одна. Миротворец был слишком тактичен, чтобы сказать это прямо. Он во многом был не таким, как я ожидала, и, хоть я себя ужасно ощущала, это вызвало мою улыбку.

— Прошу, не поймите превратно, — сказала я, следуя за ним к лифту. — Но вы — самый приятный дракон из всех, кого я встречала.

— Спасибо, — просиял Миротворец. — Выход над Небесными путями или в Подземелье?

— Подземелье, пожалуйста, — его уверенная улыбка осталась в моем разуме как согревающий огонь, пока лифт нес меня вниз по зданию.

* * *

Я отправилась домой к Нику.

Это было плохим поступком. Я покинула защиту посольства, и папа мог снова идти за мной по пятам. Нести эту катастрофу к порогу Ника было ужасным способом отблагодарить человека, который помог мне больше всех, но я не могла принять этот удар, не увидев его еще хоть раз. Я не знала, что собиралась делать с месяцами платы, которые обещала ему за помощь мне в последние три безумные недели, но я была уверена, что что-нибудь придумаю. Скорее всего, я снова стану вещью богатого дракона. Папа может отдать ему пару миллионов, чтобы Ник держал рот на замке.

От одной мысли об этом было плохо. Мысли становились темными, и мне пришлось выключить Сибил, чтобы она не вмешивалась. Я знала, что было ужасной идеей отключать ИИ, отвечающую за ментальное здоровье, в такой миг, но я не собиралась себя убивать. Я просто была побеждена. Сильнее, чем когда-либо в жизни.

Я пять минут после прибытия спускалась к двери Ника. Он, наверное, ждал меня, потому что, едва я подняла руку для стука, он открыл дверь.

— Ты вернулась! — радостно сказал он, его свежесбритое лицо улыбалось мне. Он принял душ и переоделся в чистую одежду, выглядел в миллион раз лучше меня. — Значит, папа тебя отпустил?

Я не знала, могла ли объяснить, что было не так. Я открыла рот, но ничего не вышло. Даже то, что я продумывала в машине — речи «Спасибо за все» и «Мне жаль», которые я планировала — пропало из моей головы. Глядя на яркие глаза Ника, вымытые волосы, торчащие во все стороны, я видела только то, что потеряю, жизнь, которой меня лишали силой, с которой я не могла бороться, и я... я...

— Опал?

Я не сдержалась. Я заплакала. Это было ужасно, по-детски, унижительно, но мое тело не слушало голос разума. Все было кончено. Все, над чем я работала, все, что я строила. Моя жизнь тут не была богатой или красивой, но она была моей. Только это я могла звать своим за все свое существование. Теперь папа забирал это, как забрал все, а я не могла его остановить. Я ничего не могла.

Ник выругался под нос, нервно посмотрел за дверь и втянул меня в квартиру, запер за собой. Это оказалось плохим ходом, потому что я ощутила ложную безопасность и заплакала сильнее. Я пыталась извиниться за то, что вела себя как дура и постоянно плакала при нем, но рыдания не давали ничего сказать внятно. Это было проблемой, потому что Ник стал паниковать.

— Что мне сделать? — он сжал мои плечи. — Скажи, я сделаю, что угодно. Только, пожалуйста, перестань плакать.

Я закрыла лицо ладонями. Это было самым трогательным и унижительным из всего, что мне говорили. Я ненавидела себя за слабость и слезы, за то, что нуждалась в поддержке, но я была в отчаянии. Я устала терять. Я устала бороться и жертвовать, чтобы все взорвалось перед моим лицом. Просто устала. Устала до костей.

— Можно объятия?

Печальный тихий вопрос прозвучал с икотой, но я знала, что Ник меня понял, потому что он вздрогнул.

— Да, — он неловко обвил меня руками. — Конечно.

Я виновато закрыла глаза, когда он прижал меня к своей груди. Я не должна была так использовать его для утешения. Казалось, я все время рыдала в футболку Ника, но он разрешил, и у меня не было сил отказаться. К счастью, Ник не был против. После неловкости он быстро оправился, притянул меня к своей груди, и я плакала и плакала.

Мы явно двигались, потому что, когда я перестала рыдать и заметила, что было вокруг, мы сидели на диване. Я не знала, как долго, но уже какое-то время, потому что черная футболка Ника промокла.

— Прости, — прошептала я.

— Я не против, — тихо сказал он, гладя мои волосы. — Лежи на мне, сколько хочешь.

Я кивнула и уткнулась лицом в его шею, жадно вбирала тепло, которое он мне давал, ведь не знала, когда еще будет шанс. Может, после сегодня я больше не увижу Ника.

От этого я снова заплакала. Я не думала, что слезы остались, но я решила поставить рекорд, потому что рыдала еще полчаса, пока не смогла взять себя в руки.

— Итак, — сказал Ник, когда мое рыдание утихло до всхлипов, — оплата прошла плохо.

Я покачала головой у его груди.

— Хочешь рассказать, что случилось?

Нет, я даже не хотела думать об этом, но я уже была эгоисткой. Нику нужно было знать, что преследовало меня. Если его заденет, потому что мне не хватило смелости предупредить его о том, что я привела к его двери, я буду не лучше преступников, которые охотились на него.

— Я заплатила папе, — тихо сказала я, держа голову у его груди, чтобы не видеть его лицо, когда он услышит, как меня загнали в угол. — Но он отказался снимать проклятие. Когда я попыталась его заставить, он запер меня. Он собирался силой забрать меня домой, но я сбежала и добралась до Миротворца.

Грудь Ника дрогнула подо мной.

— Ты говорила с Драконом Детройта?

Я кивнула.

— Он не смог мне помочь. Папа уже объявил, что объявит войну дракону, который снимет мое проклятье, так что мне крышка. Хуже того, я узнала, что то, что мы делали, чтобы обойти проклятие, ранило его. Ему приходилось обрушивать цену на рынках золота, этим он снова и снова использовал свой огонь. Он выглядел почти как мертвец, когда я видела его, и я... я...

Я замолчала, дрожа, а Ник нахмурился.

— Не понимаю, — сказал он. — Если ему больно от падения цен, нельзя заставить его этим отпустить тебя?

Я замотала головой.

— Я не хочу его убивать!

— Не нужно заходить так далеко, — сказал Ник. — Просто немного надави на него. Чтобы припугнуть.

Тактика была логичной. Так поступил бы настоящий дракон, но я снова покачала головой.

— Мне не хватит смелости, — честно сказала я. — Я злюсь на него сильнее, чем раньше, но...

— Но он твой папа.

Я кивнула, благодарность от того, что он понимал, нельзя было описать словами.

— Я не хочу мучить его, чтобы освободиться, и я не знаю, сколько еще он выдержит. А если я зайду слишком далеко и убью его этим?

— Он может в любой миг остановиться.

— Но я не верю в это, — безумно сказала я. — Он уже зашел дальше, чем я ожидала от него. Я боюсь давить на него. Я знаю, что этим играю ему на руку, но мне уже все равно. Мне не хватает на это сил. Я — не дракон, и хоть он ужасно себя ведет, и это решило бы все мои проблемы, я не хочу убивать папу.

Все мои проблемы собрались вместе. Я знала, что должна была сделать. Просто не могла, потому и проиграла. Я всегда упрямо гордилась тем, что могла превзойти в безумстве любого, но я нашла себе соперника. С моей удачей он казался драконом, который мог испортить всю мою жизнь.

— И что ты будешь делать? — спросил Ник.

— Ничего, — с горечью сказала я и отодвинулась от него. — Не видишь? Это конец. Я удивлена, что папа еще не выбил твою дверь и не утащил меня за волосы. Он уже знает, где

ты живешь.

— Может, он не думал, что ты вернешься, — сказал Ник. — На его месте я думал бы, что ты отправилась к аэропорту или в Канаду. Не в Подземелье.

— Но он поймет правду, — и тогда мне конец.

— А если нет? — спросил Ник.

Я нахмурилась, не понимая, но Ник улыбался, словно у него была отличная идея.

— Это не его город, — он склонился ко мне. — Город мой. Я всю жизнь в СЗД. Я знаю, как тут исчезнуть. Я могу забрать тебя с собой.

Он выглядел так уверенно, что мои надежды на миг воспрянули, а потом я опомнилась.

— Шутишь, — я покачала головой. — СЗД — большой город, но не безграничный. Он — древний бессмертный дракон, который уже сжег магию ради этого. Он не даст мелочи, типа вопроса, где я, остановить его. У него неограниченное время и ресурсы для охоты на меня. Мы не победим.

— С таким отношением — нет, — упрекнул Ник. — Я не виню тебя за нежелание убить папу. Это показывает, что ты лучше него. Но проигрыш в одном бою не означает, что ты проиграла войну. Мы работали все время, думая, что для победы нужны деньги. Мы не пытались бежать. Может, это не будет длиться вечно. Он бессмертен, но ты — нет. Тебе не нужна вечность. Тебе нужно просто победить его при своей жизни, а это мы можем сделать.

Я в шоке смотрела на него.

— Ты серьезно?

— Я не предлагал бы в другом случае, — упрямо ответил Ник.

Я все еще не могла поверить в это.

— Я не могу тебя просить об этом. Мы не можем быть Уборщиками, если мы пропадем!

Ник пожал плечами.

— Есть много других способов заработка.

— От которых ты ушел в Уборку! — напомнила я. — Я не хочу, чтобы ты возвращался туда из-за меня.

— Есть много работы между Уборкой и убийствами, — Ник ухмыльнулся. — Можно попробовать РЕПО, ремонтировать, убирать в традиционном смысле. Работы много, если не вредничать. Работа не будет лучшей, но ты не будешь в лапах отца, и тебе не придется делать это одной. Я буду с тобой на каждом шагу. Будет как эти три недели, но без безумного графика, потому что ты умрешь, если так продолжишь.

Пожалуй, так и было, но я не могла поверить в то, что слышала.

— Но... — прошептала я. — Почему?

— Потому что даже я не могу работать по восемнадцать часов в день.

— Нет, — я замотала головой. — Почему ты предлагаешь мне это? Я знаю, как трудно тебе было строить жизнь. Почему ты готов отдать это ради меня?

Ник опустил взгляд.

— Ты знаешь, почему.

Я догадывалась. Было сложно не делать этого после случая на парковке, но я все еще не могла объяснить это.

— Есть другие девушки, — тихо сказала я. — Менее проблематичные.

— Да, но я их не хочу, — яростно сказал Ник, все еще не глядя на меня, вода пальцами сквозь темные волосы. — Ты... — он утих, вздохнув, а потом повернулся ко мне. — Я оставил для тебя диван. Я одолжил тебе денег. Я так не делаю. Никогда. По крайней мере, не

делал, но ты... — он подбирал слова. — Ты заставляешь меня хотеть, чтобы дома были две тарелки, — сказал он. — Я считал это лишним, больше бесполезных вещей, которые нужно перевозить, но с тобой хочется делиться вещами. Мне одиноко, когда тебя нет рядом. Такое со мной еще не происходило. Я еще не скучал по кому-то, не переживал из-за кого-то. Мне это нравится. Мне нравишься ты. Только ты из всех, кого я знал, не подвела меня. Если тебе нужно бежать, я иду с тобой, и мне плевать, если я не смогу больше Убирать. Я могу заработать всюду, но я не могу найти другую тебя.

Я задержала дыхание, когда он закончил. От страха или надежды, я не знала. Этот день был американскими горками, и я не знала, что чувствовать. Я все еще не считала, что план Ника сработает, но то, что он был готов попытаться после всего, что случилось, разбило меня. И я поступила эгоистично.

Я поцеловала его.

Это было почти как атака. Без грации. Я просто бросилась и прижалась губами к его. Я застала его врасплох, потому что Ник вздрогнул подо мной. А потом поцеловал меня в ответ, не дав подумать о моих действиях, обвил меня руками, его рот открылся под моим, будто в приветствии.

Я ответила, обвив его, как осьминог. Это была ужасная и безрассудная идея. Мы оба были уставшими и эмоционально уязвимыми, и мы должны были убежать, но я не могла остановиться. Я боролась и теряла на всех фронтах, но целуя Ника — по-настоящему, а не пользуясь моментом, пока он был опьянен магией — я ощущала победу. Единственную победу. Конечно, я держалась за нее всем, сжимала край его футболки отчаянными дрожащими ладонями.

Его дыхание дрогнуло от удивления, когда я задрала его футболку, но он не боролся, и я стянула мокрую ткань через его голову, открывая его металлическую грудь. Я видела ее лишь мельком с помощью камер до этого, так что теперь не спешила, прервала поцелуй, чтобы исследовать металлические пластины цвета плоти.

Ник был с бронированными плечами. Левое было полоской металла между ключицей и настоящей рукой, но пластина на правом покрывала все плечо от основания шеи до кибернетической руки. Его механические пальцы сжались, как настоящие, когда я провела ладонью по металлической руке до запястья. Я сделала это еще раз, а потом перешла к его груди и спине. Они были покрыты соединяющимися стальными пластинами, которые спускались до пояса его джинсов. Я потянулась к ширинке, чтобы увидеть, насколько далеко они тянулись, когда Ник поймал мою ладонь.

— Не тут.

Я удивленно подняла голову, а он тяжело дышал, лицо было румяным, но решительным.

— Я много об этом думал, — объяснил он, увидев вопрос в моем взгляде. — Я не буду делать это на диване.

Теперь я покраснела.

— Тогда почему нам не...

Он встал, не дав мне закончить, подхватил меня и понес решительно в спальню. Я радостно сжимала его, смеясь почти с маниакальной радостью, когда он закрыл дверь и опустил меня на матрац, который все еще был на полу, потому что я не смогла пока убедить его, что кровати стоили усилий при переезде. Носейчас я не возражала. Бетон ощущался безопаснее, когда Ник опустился рядом со мной, его металлическое тело придавило мягкий матрац. Но когда он склонился, чтобы поцеловать меня, он остановился.

— Уверена?

— В том, что это хорошая идея? — спросила я, улыбаясь ему. — Нет. Но хочу ли я?

Я ответила действиями, стянув с себя футболку. Дешевая ткань уже порвалась в моем бою с кустами, порвалась сильнее, когда я стянула ее через голову, но мне было все равно. Я была занята, вернула губы Ника на свои, целовала его до потери дыхания. Он целовал меня так же пылко, снимая беспощадно с меня дешевые леггинсы и спортивный лифчик. Решив не быть обнаженной первой, я напала на его джинсы, расстегнула пуговицу и спустила их по его ногам. Когда я отодвинулась, чтобы понять, что там было, я застыла.

— Ого.

Я знала, что у Ника было много киберчастей, но не понимала, что они тянулись и вниз. Не полностью покрывали, как его грудь, но пластины на его ногах тянулись до колен. Только спереди и сзади. Бока ног и то, что было видно от паха, были из плоти, но с множеством шрамов. Внутренние стороны бедер были пересечены следами от операций. И выглядело больно.

— Откуда это?

Я не понимала, каким грубым был вопрос, пока он не прозвучал. К счастью, Ник не обиделся.

— Прослойка титана на костях, искусственная почка, новая печень и фальшивые колени, — ответил он спокойно, указывая на каждый шрам по очереди. — Пластины доходили до бедер, но людям нравится стрелять по ногам, а мне надоело вытаскивать пули, так что я продлил их.

Он постучал металлическими костяшками по пластинам на бедрах, и мои глаза расширились.

— Болит?

— Болело, когда внедряли, — сказал он. — А теперь, — он пожал плечами. — Есть проблемы, как со всем. Приборы ломаются, и нужно менять фильтры, но дополнительная защита того стоит. Я копил, чтобы бронировать череп, а потом понял, что не хотел выполнять работу, где мне могли прострелить голову.

— Хороший выбор, — сказала я и посмотрела на его трусы. — Так у тебя еще есть...

Ник хитро улыбнулся.

— Хочешь узнать?

Я улыбнулась и прыгнула на него, стянула последние наши вещи, мы упали на матрац.

Не буду врать, я представляла секс с Ником много раз. Это было нормально. Он спас мне жизнь, он был красивым, и мы все время были вместе, так что мои мысли уходили в ту сторону. Но, хоть в фантазиях было быстро и грубо, как наши жизни, реальность была удивительно милой. Я спешила, но Ник не собирался торопиться. Он упрямо медлил, ласкал меня, словно я восхищала его, и я еще никогда не ощущала себя сокровищем так, как тут.

Я действовала иначе. Я сжимала Ника, словно без него рухнула бы, терялась в его теле, в разных температурах кожи и металла, в жаре его дыхания в моем ухе. Я больше не открывала глаза. Я держалась за него и позволяла физическим ощущениям отгонять мои страх, тревоги и потери, пока не остался только миг, когда все было прекрасно, и ничего не болело.

Когда это закончилось, мы плюхнулись на матрац, тяжело дыша, не отпуская друг друга, словно рухнули с орбиты.

— Что ж, — сказал Ник, его низкий голос был таким довольным, что он будто урчал. —

Думаю, теперь мне нужна кровать.

— Или хотя бы матрас побольше, — я повернулась на бок и улыбнулась ему. — Значит, мне уже не нужно спать на диване?

— Нет, если мы оба спим тут.

Я не знала, было ли это возможно, ведь мне пришлось бы спать на нем, но такие милые мелочи и не должны были иметь смысла.

— Посмотрим, который час, — Ник схватил джинсы из угла, куда я их бросила, и вытащил телефон из кармана. — Ого, — сказал он, увидев экран. — Поздно. Нам стоит шевелиться, если мы хотим оторваться от твоего папы.

— Наверное, — я прильнула к нему.

Ник не двигал меня. Я знала, что нам нужно было встать. Папа не будет вечно идти по ложному следу, а мы с Ником были в этом месте неделями. Как только он решит проверить город, он найдет нас, но было сложно бояться. Спальня Ника без окон ощущалась тайной и защищенной. Из шума были только гул кондиционера и наше дыхание, и это заставляло думать о другом, не о долге и выживании.

— Можно задать вопрос?

— Валяй, — сказал Ник.

Я приподнялась на локте, чтобы видеть его лицо.

— Я нравилась тебе раньше, или это, — я махнула на наши сплетенные тела, — недавнее явление?

Он пожал плечами.

— Это важно?

— Потешить мое самолюбие.

Ник рассмеялся.

— Это не новое. Я был заинтересован тобой с первого раза, как увидел тебя на аукционе Уборщиков.

— Правда? — я была польщена. — Почему ничего не сказал раньше?

— Не думал, что это будет уместно, — честно сказал Ник. — Я видел, что ты смотрела на меня свысока.

— Не было такого!

Он посмотрел на меня обжигающим взглядом.

— Не надо. Я знаю, когда меня бояться. Ты вздрагивала каждый раз, когда я садился рядом. Ты думала, что я бандит.

Я скривилась от точной оценки.

— Я не злюсь из-за этого, — продолжил Ник. — Ты не ошибалась. Я был преступником, а ты явно была богачкой, прибившейся к Уборщикам. Я не обижался на твой страх, но не был глупым. Я знал, что у меня не было шансов, и я говорил себе просто любоваться, пока ты не уйдешь, когда тебе наскучит. Но ты не ушла. Ты оставалась, и у меня кончились предлоги держаться в стороне.

Я рассмеялась.

— Так ты следовал за мной в дом доктора Лиля с непристойными намерениями?

— Я не знаю, о чем ты, но я не просто так шел за тобой, — сказал Ник. — Я хотел узнать, что ты делала. Я не надеялся на то, что смогу зайти глубже, но как только я сблизился с тобой, было сложно уйти.

— Моя жизнь была воронкой безумия, — согласилась я.

— Это тут ни при чем, — сказал он, повернувшись на бок, чтобы видеть меня. — Я не хотел идти. Ты была красивой и забавной, а еще — хорошим Уборщиком. Ты работала изо всех сил, знала многое о диковинках, чего не знал я. Ты была даже лучше, чем я представлял, а мое воображение работало хорошо, — он усмехнулся. — Ты была моим джекпотом. С чего бы мне уходить?

Я прикусила губу, счастливо ерзя. Я еще не была чьим-то джекпотом. Не за себя точно. Многие парни пытались через меня подобраться к папе, но только Ник хотел меня за то, какой я была теперь. Хотел меня как Опал, без дракона.

— Рада, что я хоть что-то хорошее принесла, — я убрала спутанные волосы за ухо, чтобы скрыть, как он меня порадовал. — Я переживала, что ты получил из наших отношений только проблемы.

— Ничего, — сказал он. — Мне нравились и проблемы.

— Почему? — опешила я. — Ты зависишь от адреналина, или я должна знать о чем то еще?

— Не так, — сказал Ник. — В СЗД можно завалить себя делами и без дракона. Просто я не против твоих сложностей. Мне нравится тебе помогать. Я чувствую себя нужным.

— Я пыталась не использовать тебя, — отчаянно сказала я, желая, чтобы он понял.

— Знаю, — сказал он. — Я заметил это с самого начала, но точку поставило то, что ты вызвалась убрать мое имя с квартир, когда мы забирали из них ценности. Ты не была обязана так делать. Мое имя было на тех покупках автоматически. Ты могла бросить меня с ними, но мне даже не нужно было переживать об этом. Ты забрала все квартиры. Ты заботилась обо мне, даже когда я не смотрел. Тогда я понял, что могу доверять тебе. По-настоящему.

То, с каким благоговением он это сказал, вызвало теплое покалывание в теле. Я все еще нежилась в ощущении, когда вдруг вспомнила.

— Боже, квартиры!

Ник нахмурился.

— Что с ними?

— Они все еще на моем имени! — встревожено сказала я, вскочила и схватила свое нижнее белье с ручки двери, куда он забросил его. — Я не могу пропасть в городе! На мне висят четыреста квартир. Мне нужно их Убрать!

— Или что? — спросил он, опускаясь на матрац. — Мы вот-вот уйдем из Уборки, так что не важно, заберет ли СЗД твою Отмычку. Брось их.

— Я не хочу злить богиню, — сказала я, прыгая на одной ноге, натягивая трусики. — И я все еще должна тебе три месяца работы за помощь мне. Я могу делать это в любом месте, но как нам зарабатывать? Мое проклятие еще активно, и я уже не могу делать трюк с золотом. Как нам жить, если с каждой работы мы будем получать лишь половину оплаты?

— Обойти проклятие просто, — сказал он. — Мы просто не пустим тебя работать.

Я застыла.

— Что?

Ник сел и стал спокойно одеваться.

— В первую неделю Уборки вместе, пока ты не поняла трюк с золотом, я работал на стороне, пока тебя не было рядом, чтобы свести концы с концами. Я не говорил тебе тогда, потому что не хотел расстраивать, но работа, которую я выполнял сам, не имела проблем с оплатой, хоть я и отдавал деньги тебе.

Мои глаза расширились так, что стало больно.

— Ты давал мне деньги, которые я не заработала?

— Ладно тебе, — сказал он. — Ты же не думала, что я продавал каждый раз вещи вдвое дороже? Я продавал вещи и разницу покрывал работой на стороне, чтобы ты могла получить свою часть.

Я не могла поверить в услышанное.

— Зачем ты это делал?

— Потому что ты так перепугалась из-за проклятия, что не думала ни о чем другом, — недовольно сказал он. — Ты снова и снова говорила, что уйдешь. Я не хотел этого, так что добывал тебе деньги. Все просто.

— В этом нет ничего простого! — завопила я. — Ты мне врал!

— Не о чем-то важном! — рявкнул он. — Да, я врал о том, откуда деньги, но эта ложь ранила только меня. Если мне все равно, какие проблемы?

— Потому что я не хочу, чтобы ты помогал мне из жалости.

— Это не так, — сказал он. — Я делал это не из жалости к тебе. Я хотел быть с тобой, и я делал то, что было необходимо, чтобы это случилось. Точка.

— Нет, — в ярости сказала я. — Я ценю то, почему ты это делал, ясно? Но твои хорошие намерения не отменяют того, что я ощущаю. Я не хочу зависеть от тебя!

— Почему? — его голос звучал оскорблено. — Ты не думаешь, что я могу тебя обеспечить?

— Я не хочу, чтобы меня обеспечивали! Я выросла в доме дракона. Я видела, что здоровых отношений быть не может, когда одна сторона полностью зависит от другой!

— Я — не твой папа! — заорал он. — Я не хочу владеть тобой или запереть тебя в сейфе. Я просто хочу жить с тобой, но на жизнь нужны деньги. Раз ты не можешь зарабатывать, мне придется. И это хорошо. Я всегда работал. Я не против работать для тебя. Просто дай уберечь тебя.

— Но в этом и проблема, — отчаянно сказала я. — Я не хочу быть на содержании. Я делала это, чтобы освободиться, а этого не будет, если мне нужна чья-то помощь, чтобы прожить день.

— Помощь — это не плохо, Опал, — тихо сказал Ник, протянув руку, чтобы пригладить мои спутанные волосы. — Ты месяцами работала, изводя себя, но тебе не нужно больше делать это. Тебе не нужно бороться. Я могу обеспечить нас обоих. Будет не так сложно, ведь уже не нужно переживать о твоём долге. Если ты не будешь пытаться зарабатывать, проклятие не сработает, так что и это не проблема. Просто идем со мной. Ты будешь жить в комфорте и безопасности, и я буду с тобой. Это победа для нас обоих.

Я отбила его ладонь.

— Ты меня не получишь, — прорычала я. — Никто меня не получит!

Ник вздохнул.

— Я не это имел в виду.

— Это!

— Почему ты так злишься? — спросил он. — Нет ничего плохо в желании помочь кому-то!

— Я злюсь, потому что ты меня не слушаешь! — завопила я. — Я сказала, что не хочу быть у тебя на содержании!

— Что еще ты можешь делать? — закричал Ник. — Ты не можешь зарабатывать деньги, не можешь обеспечить себя, не можешь даже выйти наружу, ведь твой папа охотится на тебя.

Признай, Опал, ты в тупике. Я — твой единственный вариант. Я пытаюсь тебя спасти. Перестань упрямяться и позволь мне!

— Не указывай мне на мои варианты, — прорычала я, пятась. — Не важно, насколько все плохо, моя жизнь принадлежит мне. Не моему папе, не богине и не тебе.

Я развернулась и вышла, распахнув дверь, чтобы пройти в гостиную. Ник догнал меня через миг, схватил мою руку, когда я склонилась, чтобы забрать сумку с дивана.

— Пусти, — сказала я холодным голосом.

— Отпущу через секунду, — он сжал крепче. — Но сначала ты должна позволить мне...

Я не предупреждала снова. Когда я развернулась, в ладони была горсть магии размером с картофель. Я ударила первой по его руке, отталкивая его от меня. Две другие отправились к его ногам, застряли там, став похожими на картинку, которую я отчаянно представляла: две тяжелые наковальни, которые даже Ник не мог сдвинуть. Я не знала, сработало ли это, пока Ник не попробовал пойти за мной и чуть не упал на лицо, его ноги были прижаты к полу двумя сияющими сгустками, которые похожи на маленькие наковальни.

— Что это такое? — взревел он, пытаясь поднять ноги.

Я смотрела на него, грудь вздымалась.

— Магия, — восхищенно сказала я. Я долгий миг стояла и смотрела на чудо, которое совершила, а потом отвернулась от него. — Не преследуй меня.

— Опал!

Но я уже схватила сумку и вышла из его квартиры, перешагивала по две ступеньки, спеша к парковке.

Глава 11

Первым делом, добравшись до тротуара, я включила Сибил. Не полностью — мой разум был хаосом и мог активировать ее срочное вмешательство, а я не хотела разбираться с этим — но я включила достаточно дополненную реальность, чтобы видеть банковский счет — на остатки после глупого перечисления денег папе.

Я смотрела на баланс долгое время, а потом нажала кнопку передать все Нику. Он не заслуживал этого после такого фиаско, но я не хотела, чтобы он говорил, что я обманула его. Двадцать тысяч не были и близко к количеству, которое я обещала, но я хотя бы могла смотреть на себя в зеркало и знать, что я отдала ему все, что могла. Честность с собой была важной, особенно теперь, когда у меня только это и осталось.

Я сжала в кулаках ремешок сумки и зашагала. Я не знала, куда, и мне было все равно. Мне было больше не к кому бежать, не было умных планов, оставалось только коротать время, пока папа не появится, чтобы забрать меня. Я не знала, будет в этот раз личный визит, или он пошлет слуг. Наверное, слуг, решила я, пока шла по полному мусора тротуару. Папа не стал бы глупо идти в город в таком состоянии.

Я старалась успокоить себя тем, что мы оба страдали от этого, но не могла. В этой ситуации не было ничего хорошего. Это было хуже всего. Минусы были со всех сторон.

— Это не означает, что все не может наладиться.

Внезапный голос заставил меня вздрогнуть, но не из-за того, что он прозвучал за мной. Я знала этот голос. Да, когда я развернулась, со мной на тротуаре стояла СЗД. Богиня отличалась от того раза, когда говорила со мной из доктора Ковальски. Ее тело в этот раз было выше, кожа была темнее, а лицо с острой челюстью казалось почти мужским. Как я, она была в дешевой одежде из торговых автоматов, но на ней это смотрелось хорошо. Я не знала, захватила она тело юной жрицы, или она могла просто призывать людей, как призывала здания, но я была уверена, что это была она. Если голоса и волн сильной магии, исходящих от нее, как шум от дороги, было мало, нечеловечески сияющие оранжевые глаза сразу ее выдавали.

— Здравствуй, Опал, — богиня улыбнулась мне на тысячу ватт. — Удивлена видеть меня?

Да, но, чем больше я думала, тем больше понимала, что стоило ожидать такое.

— Дай угадаю, — я убрала грязные волосы с лица. — Ты пришла снова сделать предложение, когда я упала на дно ямы.

Ослепительная улыбка СЗД стала еще шире.

— В том фишка богов. Мы всегда появляются, когда мы нужны больше всего.

— Это делает вас не такими хорошими, как ты думаешь.

Город рассмеялась от моей горечи и шагнула вперед, чтобы взять меня за руку.

— Почему бы нам не выпить кофе? Напротив есть хорошее место.

Я провела в квартире Ника последние три недели. Я точно знала, что поблизости не было приличного кофе. Но, когда я посмотрела на другую сторону улицы, маленькая кофейня оказалась между стрипклубов виртуальной реальности. Там даже была площадка со столиками на улице.

— Ого, — сказала я. — Удобно.

— Многое возможно, когда двигаешь здания, куда хочешь, — СЗД потянула меня за руку. — Давай выпьем кофе и поболтаем?

Я уперлась ногами в асфальт.

— Сколько это будет мне стоить?

— Я угощаю, — пообещала она.

Я покачала головой.

— В СЗД нет ничего бесплатного.

— Просто дай мне пять минут своего времени, — попросила богиня. — Прошу.

Пять минут были многим, ведь я уже долго была в этой части города. Я была удивлена, что меня еще не запахали в черный мешок и не бросили в багажник. Но люди моего папы могли легко забрать меня и из кофейни, так что я дала СЗД увести меня по людной улице в кафе, которое выглядело так, словно вечно было тут. Я не знала, как СЗД устроила это, но она проделала фантастическую работу. Бариста за стойкой даже не выглядела удивленной, что она теперь была не в той части города, куда пошла на работу утром. Она приняла наш заказ с профессиональным безразличием, крикнула названия напитков пустой кофейне и прошла к кофемашине, чтобы их сделать.

СЗД платила, так что я взяла самый большой напиток в меню: огромный моккачино с горой шоколадной стружки, взбитыми сливками и таким количеством доз эспрессо, что можно было заправлять этим ракету. СЗД получила чашку кофе с дюймом расстояния от края. Я не знала, почему она попросила так много места, а она схватила пачку пакетиков сахара со стола и стала открывать их и высыпать в кофе по три сразу.

— Ладно, — сказала я, подавив ужас. — Ты купила мое время. Я выслушаю все, что ты хочешь сказать, пока не закончу это, — я постучала пальцами по огромному стакану.

— Я справлюсь быстрее, — пообещала СЗД, добавляя еще три пакетика сахара в кофе, который уже был на пределе сладости. — Я уже сделала предложение: стань моей жрицей, и я спасу тебя от твоего папы.

— Нет, — тут же сказала я. — Я не буду никому принадлежать.

— Тебе может понравиться, — певуче сказала богиня.

Я упрямо скрестила руки на столе.

— Если я не сказала да Нику, не скажу так и тебе, — с Ником я хотя бы получила бы поцелуи. Мысли о катастрофе, которую я оставила в его квартире, открыли во мне бездну чувств, с которой я не могла сейчас разбираться, и я упрямо обратила внимание на кофе.

— Ты не знаешь, что упускаешь, — сказала СЗД, когда я выпила половину стакана. — Я следила за твоим прогрессом в магии, особенно за той впечатляющей парой быстрых блоков на ногах Николы Коса. Доктор Ковальски впечатлена. Она убеждена, что ты будешь отличным дополнением нашей команды.

Я покачала головой, и дух надула губы. А потом ее оранжевые глаза загорелись.

— А если я дам тебе свои силы? Дам попробовать их на время?

Я фыркнула.

— Как бесплатная пробная версия? Четырнадцать дней силы богини без обязательств!

Это было шуткой, но богиня радостно закивала.

— Именно! Ты агрессивна сейчас, потому что тебя загнали в угол, но я уверена, что ты передумаешь, как только ощутишь, каково это — служить высшей силе, которая тебя ценит.

Я с подозрением приподняла бровь.

— Это типа «первая доза бесплатно»?

— Возможно, — невинно сказала она. — А ты из тех, кто зависим от власти?

Конечно. Все были зависимы от власти. Но, даже зная, что это была ловушка... я могла

сделать многое за неделю с силой города. Было бы приятно хоть раз увидеть, как папа опасается меня. Но, хоть это было заманчиво, я покачала головой.

— Ну же, — взмолилась она. — Просто дай мне неделю. Я могу сейчас отвести тебя в убежище, и если ты не захочешь служить мне, когда все кончится, я верну тебя на тротуар, и ты продолжишь бежать по своей жизни. От такого не отказываются.

— Нет, — сказала я.

Богиня фыркнула и сделала глоток сахара со вкусом кофе.

— А ты упрямая, да? — буркнула она в свою чашку. — Столько гордости. Ты точно не дракон?

Пару дней назад меня это сильно оскорбило бы, но теперь я лишь пожала плечами.

— Я дракон по натуре.

— Еще повод объединиться в команду, — сказала СЗД. — Я люблю драконов.

Я улыбнулась ей.

— Ты не сдаешься, да?

— Никогда! — она выпрямилась во весь рост. — Каким городом ты меня возомнила?

— Туше, — я наклонила свой стакан к ней, чтобы она видела, сколько еще осталось. — Хочешь что-то еще предложить? Осталось еще четыре дюйма кофе.

— Думаю, я уже все сказала, — СЗД выбросила стаканчик с кофейным сиропом в урну, которой не было рядом секунду назад. — Я — город свободы. Заставлять слушаться — не мой стиль, но ты жила во мне уже долгое время, Опал Ён Э. Я не видела, чтобы ты пропускала хорошую сделку, так что вряд ли пропустишь мою. Ты знаешь, где меня найти, если передумаешь.

Я кивнула на улицу за окнами кафе.

— Везде?

Богиня улыбнулась, протянула руку и постучала пальцем по моему виску. Ее палец замер на миг на моей коже, холодный и твердый, как асфальт, а потом она пропала, оставив меня одну с недопитым кофе и горой пустых пакетиков от сахара.

Я покачала головой и допила кофе. Как только я слизнула остатки сладости со стакана, я прошла к стойке и попросила у баристы ключ от туалета. Мне не нужно было туда срочно, но общественные туалеты в городе были редкими, как единороги, и я уже отдала Нику все деньги. Меня скоро поймают, но я жила в СЗД слишком долго, чтобы упустить такой шанс. Я сходила в туалет, вымыла стакан и наполнила его чистой водой, опустила последнюю пару монет из кармана в баночку для чаевых и пошла в город.

Казалось, я долго шла. Я выключила дополненную реальность, так что не знала, который был час, но Подземелье ощущалось особенно рано утром. Тут все еще было людно — всегда было людно — но бары и казино уже не наполнялись, а закрывались, и автобусы были полными рабочих с фабрик. Я не шла в какое-то конкретное место, так что не открывала карты. Я просто шла по прямой по потрескавшемуся тротуару, чтобы понять, как далеко он тянулся. Как оказалось, далеко. Я начинала подозревать, что улица Ника тянулась до границы Огайо, когда заметила что-то блестящее в сточной яме у своей пятки.

Пенни. Грязная, но узнаваемая. Пенни перестали использовать в США пятьдесят лет назад после кампании Дэвида Хартстрайкера, длившейся несколько десятков лет. Он был сенатором Нью-Мехико, единственный дракон в Конгрессе. Он заявлял, что создание монет стоило больше, чем они сами, что было правдой. Конечно, как только издали указ, оказалось, что он был заодно с компанией, которая собиралась получить миллионы от

государства, чтобы собрать и переработать бесполезные пенни, но такое получал, когда избирал своим представителем жадного дракона.

Важно было то, что пенни нынче были редкими, их собирали коллекционеры. Эта выглядела хорошо, когда я стерла с нее грязь. Она стоила около доллара, но все равно было хорошим вложением для того, что было одним центом. Я прятала счастливую находку в передний карман сумки для сохранности, когда я вдруг поняла.

Я только что заработала деньги.

Я застыла, и пьяница за мной выругался и отшатнулся в тележки маленького автомата с овощами, перед которым я остановилась. Черт возьми.

Я вытащила монетку и покрутила в руках, но ошибки не было. Это была пенни. Хотя она не использовалась уже полвека, ее можно было обменять. Деньги. Я была проклята не получать их, но я подобрала монету с земли.

Ужасное чувство расцвело внутри. Я вытащила телефон из сумки и набрала номер, который все еще помнила наизусть после всех этих лет. В Корею был день, но мама всегда отвечала, каким бы ни было время. Она была Первой Смертной, она была во главе домашней стороны империи Ёна, чтобы все шло так гладко, чтобы он даже не замечал этого. Даже когда она проводила ночь с отцом, кто-нибудь взял бы трубку, чтобы сказать, что она была недоступна. Но в этот раз ничего не было. Гудки звучали и звучали.

Я оставила гудки, переключилась на новую линию, набрала папу. Я знала, что вела себя глупо. Наверное, это была уловка, чтобы напугать меня, и чтобы меня вычислили по звонку, но я не могла отогнать ужасное ощущение, что что-то было не так. Миротворец пару часов назад говорил, что мое проклятие было связано с жизненной силой папы. Если оно не работало, то или папа решил отпустить меня, или он умер. Вряд ли Ён передумал с нашего разговора, и оставалась смерть. Или уловка. Это могла быть уловка. Пенни были чем-то между валютой и коллекционным предметом. Может, проклятие ошиблось?

Но оно не давало до этого пройти ничему, что хоть немного напоминало деньги.

— Ну же, — прошептала я, расхаживая по тротуару, слушая гудки. — Бери трубку, старый ящер.

Ничего.

Ругаясь под нос, я провела пальцем по экрану телефона, чтобы вызвать список контактов. Я подумывала включить Сибил, чтобы она звонила всем сразу, экономя мое время, когда услышала шум шин на улице рядом с собой.

— Опал!

Я тревожно подняла голову. Ярко-желтая спортивная машина остановилась слева от меня, супердорогая модель выглядела как металлическое оригами, а не машина. Треугольные окна были так сильно тонированы, что я не видела, кто кричал мне, пока дверца водителя не открылась. Из машины вышел стильный темнокожий мужчина и улыбнулся мне.

— Я так и думал, что это ты, — он сверкнул идеальной улыбкой, снял свои стильные очки дополненной реальности, которые были на нем и ночью — Помнишь меня?

Конечно, я помнила. Было сложно забыть того, кто дал тебе чемодан золота. Это был Эйнсли, богатый коллекционер, который бросался деньгами как конфетти. Он и сейчас так делал, оставил дорогую спортивную машину с открытой дверцей, подбежав ко мне.

— Ты в порядке? — его чарующий голос был полон тревоги. — Я ехал мимо и заметил тебя. Ты выглядела расстроено.

— Личные проблемы, — напряженно сказала я, следя за звонками, на них все еще не ответили.

— Тебя подвезти?

— Нет, спасибо, — я отвернулась, надеясь, что он поймет намек.

— О, не бойся, — Эйнсли опустил ладонь на мое плечо. — Судя по виду, у тебя серьезные проблемы. Давай я тебя подвезу.

— Я сказала: нет, — прорычала я, вырываясь из его хватки. Я попыталась. Но, хоть я тянула всем телом, ладонь Эйнсли не сдвинулась с моего плеча.

— Это была не просьба, — пальцы впились в мою плоть.

Я выронила телефон, ругаясь, и сжала его запястье обеими руками. Когда я попыталась ущипнуть его, чтобы он отпустил, я поняла, что его кожа не была плотью. Пластик с текстурой кожи покрывал его руку, которая ощущалась как рука Ника.

Блин.

Эйнсли улыбнулся мне, наслаждаясь моим страхом, когда я поняла ситуацию. Я не знала, сколько было металла в нем под стильной одеждой, но это было не важно. Одна рука была сильнее человека из плоти и кости, как я. Я собиралась спросить, что он творил, потому что это ощущалось неуместно, а потом он постучал по боку своих вычурных очков дополненной реальности. Я уже видела такие солнцезащитные очки на двух парнях днем. И потом я все поняла.

— Ты — один из смертных Белой Змеи.

— Долго ты разбиралась, — ответил Эйнсли на корейском. — У миледи есть для тебя работа.

— Я ничего для нее не сделаю!

— Но ты уже сделала, — сказал он с жестокой улыбкой. — Ты сделала больше для моей красивой госпожи, чем она могла мечтать, но ты еще не закончила. Видишь ли... — он понизил голос до шепота. — Он не мертв.

Эйнсли вытащил из кармана еще три тонких слитка золота по одной унции, которыми платил мне сегодня. Я застыла от вида сияющего металла, колени ослабели под весом того, как плохо я поступила. Белая Змея знала о проклятии. Конечно, знала. Все знали. Миротворец сказал мне это вечером. Она знала, как сильно это навредило папе, так что дала мне все, что мне было нужно. Конечно, Эйнсли старался заплатить мне больше! Не он был глупым, а я. Я так сосредоточилась на борьбе с папой, что дала им обыграть меня. Какая же я дура.

— Ой, не надо так смотреть, — низкий голос Эйнсли дразнил. — Ты должна радоваться. Ты дала всем понять, что не хочешь быть любимым питомцем Великого Ёна. Это твой шанс отомстить ему, — он придвинул золото к моим рукам, еще сжимающим его запястье. — Бери. Это твое. Тебе же нужны деньги? Ты же хочешь быть свободной?

Я выдохнула с дрожью, голова кружилась.

— Ладно, — сказала я после пары секунд, стараясь смотреть на него с невинным смертным видом. — Но можно я сначала вытащу картофель из сумки?

Смятение мелькнуло на красивом лице Эйнсли, а я ухватилась за шанс, отпустила его руку и сунула ладони в свою сумку, чтобы сжать корнеплод, который мне дала доктор Ковальски. Я, наверное, могла бы справиться и без него. Я знала его размер и вес наизусть, но даже после неожиданного успеха с Ником я не осмелилась снять учебные колеса. Я была слишком напугана. Даже с картофелем в руке я схватила слишком много, но не было

времени пробовать снова. Эйнсли уже понял, что происходило, и сжал мое горло, он двигался намного быстрее меня. Я уже ощущала, как его металлические пальцы давили на мою трахею. Сейчас или никогда, и я толкнула магию в него, безумно представляя молот, пока била ею по его лицу.

Как с Ником, эффект был моментальным. Эйнсли отлетел, но и я тоже, в торговые тележки за мной от силы моей магии. Эта отдача была маленькой по моим меркам, но я не страдала от этого уже три недели, так что было больнее, чем должно. Я рухнула на землю в позе зародыша, втягивая воздух сквозь зубы, пока ждала, что боль утихнет. Она всегда утихала, и хоть эта, казалось, длилась вечно, на деле это было не так долго, потому что, когда я подняла голову, Эйнсли лежал без сознания на земле рядом с кусками моей взорвавшейся картошки.

Мои плечи опустились от вида. Эх, а я думала, что хорошо справлялась. Но с этим я могла разобраться позже. Сейчас мне нужно было добраться до папы.

Перепрыгнув крыс, уже сбежавшихся к испеченной картошке на асфальте, я оббежала дергающиеся ноги Эйнсли и прыгнула в его машину.

— Сибил! — закричала я, нажимая кнопку на наушнике, чтобы загрузить ее. — Ты мне нужна!

— Пора вмешаться? — тревожно спросила она, появившись онлайн. А потом ее голос стал растерянным. — погоди, чья это машина?

— Не важно, — я водила ладонями по гладкой панели возле руля. — Помоги понять, как ее двигать!

Сибил охнула. Для драматического эффекта, ведь у нее не было легких.

— Ты теперь угоняешь машины?! Сколько я была отключена?

— Это не угон, — рявкнула я, а потом нахмурилась. — Ладно, угон. Но он пытался меня убить, так что это законно!

— Вряд ли так закон...

— Сибил, ты можешь просто мне помочь?!

— Ладно, ладно, — сказала ИИ, ее иконка мигала, пока она связывалась с компьютером машины. — Двигатель работает, но на передаче автоматический замок. Машина не поедет, пока в ней нет зарегистрированного пользователя.

Я кивнула, выскочила из машины, подбежала к Эйнсли, который еще стонал на тротуаре. Не медля, я схватила его за дорогие туфли и потащила его по асфальту к машине. Похоже, механической была только его рука, потому что он был не таким тяжелым, как Ник. Он все еще был высоким, но я двигала диваны на работе, и я была сейчас смертельно напугана. Это придало мне сил, о которых я не подозревала, и я подняла его за руки и ноги и запихала в багажник.

— Вот, — я опустила крышку и подбежала к дверце водителя. — Сработало?

— Я проверю, — сказала Сибил, я плюхнулась на место водителя. Как только мои ноги задели контакты манной в сидении, дополненная реальность машины накрыла меня, меняя то, что до этого было пустой панелью управления, на радугу сияющих дисплеев.

— Пользователь обнаружен, — сказала машина, голос был чувственнее, чем у Сибил. — С возвращением, красавчик!

Я закатила глаза и выключила звук, вывела свою карту и приказала машине везти нас в Канаду.

***

Пересекая мост Нового Посла, я поняла, что не знала, был ли папа в Канаде. Там я видела его в последний раз, но поездка в его новый дом была часы назад. Он мог отправиться в СЗД на поиски меня или лететь в Корею. Это были хорошие идеи, но не казались мне правильными. Ён, которого я знала, не стал бы слепо нападать или бежать в убежище. Он остался бы в месте своей власти и стал бы работать над следующим планом. Так сделала бы я, туда я и отправилась, направив украденную желтую машину не к дому папы, а к соседнему поместью. К тому, где я продиралась через заросли пару часов назад.

— Разве это не карма? — сказала Сибил, пока я шла по густому илу вокруг роши бамбука, отделяющей участок реки отца от других домов.

— Я не верю в карму, — сообщила я, медленно поднимая ноги, чтобы не потерять обувь в иле. — Если бы существовал баланс вселенной, папа давно получил бы наказание.

— Он получил тебя, — сказала Сибил. — Это точно причинило ему много горя.

Я не могла с этим спорить, но:

— Если я — его карма, почему я страдаю от этого? — парировала я. — Я ничем это не заслужила!

— Разве?

Я послала в нее мысленно убийственный взгляд.

— Эй, — сказала Сибил. — Я — просто ИИ для ментального здоровья. Моя работа — держать зеркало. Я не в ответе за то, что тебе не нравится увиденное.

— Мы можем просто сосредоточиться на задании? — недовольно сказала я, вырывая сапог из грязи. — Мне сложно и без терапии от тебя.

— Я просто хочу убедиться, что ты готова к этому, — сказала Сибил, пока я проходила последние стебли бамбука и ступала на ухоженный газон поместья отца. — Когда доходит до твоего отца, это как чистить магазин, полный трупов. Я не хочу, чтобы ты подавилась в критический момент.

Я тоже не хотела, потому решительно не думала ни о чем, кроме работы передо мной. К счастью, эта часть была простой. Даже с фонарями у дома было темно у воды, и моя одежда была в грязи, так что было просто пройти по газону к поместью. У стены я развернулась, прижалась спиной к камню, пока двигалась вдоль дома. Было дальше, чем я помнила, но вскоре я оказалась на корточках под большими окнами библиотеки, ставшей приемной, где мы с отцом поссорились.

Я не знала, была ли я в правильном месте. Как и все в этом, была лишь интуиция. Я еще не встречала дракона, который не любил бы драму, и изящная комната с его тронном была самой драматичной в доме.

Да, когда я выглянула из-за подоконника, они оказались там, выглядели как сцена с картины Возрождения. Белая Змея сидела на деревянном троне, отец стоял на коленях перед ней. Его осунувшееся лицо было опущено к ковру, который до этого был разноцветным персидским, а теперь был покрыт большим темно-красным пятном. Пол тоже был в этом цвете, но его было так много, что я не понимала, что это была кровь — его кровь — пока мой взгляд не упал на спину отца.

Мое сердце остановилось. Спина Ёна была разорвана, дорогой костюм разорвали, чтобы было видно глубокие раны с обеих сторон от позвоночника. Такая рана уже четыре раза убила бы человека на месте. Отец не был смертным и еще дышал, но с трудом. Его сестра сидела, закинув ноги на резную ручку трона, спокойно убирала кровь из-под длинных ногтей

кончиком одного из его древних ножей для писем. Я не слышала, что она говорила, из-за плотного стекла, но видела, что она насмеялась. Она радовалась победой над врагом, и я ненавидела ее за это с такой силой, которую даже я не понимала.

Это было так странно. Если бы меня спросили неделю назад, хотела бы я увидеть папу на коленях, я спросила бы только, сколько платить за билет. Теперь это происходило, и я могла думать лишь, что она не имела права. Там был мой папа. Я сбросила его так низко. Если кто и собирался победить сегодня, это должна быть я, не она. Она прилетела как стервятник и украла его. Выхватила у меня! Я не собиралась так ей это спускать.

— Гнев — сильная эмоция, — шепнула Сибил мне на ухо. — Но Белая Змея все еще дракон. Помнится, таких тебе не одолеть.

— Тогда я позвоню Миротворцу, — шепнула я в ответ. — Он не позволяет кровопролитие на его территории.

— Да, но его территория закончилась у реки, — напомнила Сибил. — Виндзор — нейтральная земля. Это все еще убийство, ты можешь вызвать полицию, но что они сделают с драконом? Особенно с тем, который собирается стать следующим Драконом Кореи?

Ничего. Власти смертных были бесполезны в таких делах. Но что мне делать? Обычно я не занималась ничем без плана, но я бежала на инстинкте с побега от отца днем, и это привело к бардаку. Я не могла и дальше так делать. Нужно было остановиться и подумать. Хоть Белая Змея и была трусихой, одолеть дракона в одиночку было нереально. Хотя огонь дракона был магией, а у меня была большая тяга. Может, я смогла бы ворваться и высосать все из нее до того, как она сожжет меня?

— И убьешь себя в процессе, — прошипела Сибил, не дав мне закончить мысль. — Я не хочу портить твой прогресс, но ты не смогла не взорвать картошку магией города. Если попытаешься осушить дракона, ты взорвешь себя.

Я хотела сказать, что она ошибалась, но это было бы ложью, а у меня на такое не было времени. Папа был там один, и это объясняло, почему он не пошел искать меня. Я не знала, сколько тут была Белая Змея, но она явно пришла после того, как Бромгомир прогнал ее из посольства. Значит, папа истекал кровью уже около двух часов. Может, почти четыре, но это было слишком долго. Если его смертные пережили нападение Белой Змеи, они не могли прийти на помощь. У него осталась только я, а это было обидно, потому что вся ситуация возникла из-за него. Если бы он не был таким... драматизирующим, этого не произошло бы!

Но я не могла бросить его там.

Я ударила головой об каменную стену. Ён был моим тираном, врагом, владельцем и кошмаром, но до того, как он стал всем этим, он был моим папой. Он поднимал меня, когда я плакала, и звал своим сокровищем. Это было теперь не так мило, ведь я знала, что он говорил в прямом смысле, но где-то под той горой презрения была девочка, все еще покрытая тыквой. Девочка, которую он прижимал к груди, хоть она пачкала его костюм. Сколько бы плохого ни произошло между нами с тех пор, я не могла позволить ему умереть, даже если это освободило бы меня. Как я сказала Нику месяц назад, если не можешь с собой жить после этого, это не победа.

К сожалению, хоть я знала, что нужно было сделать, я все еще не знала, как. Я не могла позволить отцу умереть и не могла его спасти. Я сбила его, но Белая Змея наносила последний удар, а она была драконом. Мелким, но все еще намного сильнее меня. Я даже не знала, что надеялась достичь, придя сюда. Я побежала, потому что не могла медлить. Но теперь я смогла только получить место в первом ряду на смерти моего папы.

Но, когда я стала погружаться в отчаяние, я вспомнила, что один вариант еще оставался. Иронично, из-за этого отец и ослаблял себя. Теперь в повороте, будто из греческой трагедии, я должна была выбрать это, чтобы спасти его. Это должно было расстраивать, но я считала это подходящим. Никто не ценил иронию больше божества.

— Ладно, — тихо сказала я, сползая по стене на холодную траву, глядя на многослойный город за рекой, сияющий неоном в ночи. — Ты победила. Я возьму твою силу.

Я затаила дыхание, закончив, но слышала только тишину в своей голове. Она тянулась, и мое сердце сжалось. Я начинала переживать, когда сильный голос вздохнул в моей голове.

«Ты не могла принять это решение до того, как отправилась в Канаду?».

— Знаю, прости, — я опустила голову перед СЗД, потому что это казалось хорошей идеей, когда извинялся перед богиней. — Это был тяжело для меня, ясно? Но я готова делать то, что ты хочешь. Только помоги спасти папу.

«Серьезная просьба, — сказала СЗД, — И не часть нашего изначального соглашения. Я предлагала тебе поразительные силы в обмен на спасение тебя от папы. Спасение его — большое дополнительное условие».

— Ты — великий и могучий дух СЗД, — льстила я. — Если ты не можешь спасти дракона, кто может?

«Дух драконов».

— Она ничего не сделает, — возразила я. — Она — воплощение драконовой природы! Она скажет папе взять себя в руки, перестать истекать кровью на ковер и вырваться когтями на свободу.

«Технически, она и должна быть воплощением дракона, но ты в чем-то права, — сказала СЗД. А потом в ее голосе появилась нотка желанья. — Было бы приятно отыгаться. Она всегда ходит по округе, творит чудеса, пьяная выскочка».

Я ничего не знала о Духе Драконов, так что не знала, была ли критика справедливой. Не она помогала мне сейчас, так что я не спорила.

— Тебе нужно отыгаться, — сказала я. — Показать всем! Ты добавляешь пять футов к самому высокому суперскребу каждый раз, когда здание вне СЗД называют «самым высоким в мире». Зачем останавливаться сейчас? Покажем этому духу-змее, кто тут настоящий бог!

«Я знала, что ты будешь хороша в этом, — сказала СЗД. — Ты уже говоришь как жрица».

— Так ты поможешь? — нервно спросила я, оглядываясь. Белая Змея встала и смотрела на отца свысока, словно пыталась решить, было забавнее обезглавить его или содрать с него шкуру заживо. — Я не хочу торопить, но время на исходе.

«Не знаю, — сказала дух. — Я хочу помочь, но мне не нравится давление. Ты пришла ко мне, потому что у тебя нет другого выбора. Я так не делаю».

— О, ладно тебе, — взмолилась я, глядя на отца дикими глазами. — Ты сказала, что будешь рядом в худшие мои моменты! Сейчас ужасный момент.

«И я с тобой, — сказала СЗД, — Но я говорила, я принимаю слуг по их воле. Я не заставляю. Я — не твой папа».

Обычно это было бы большим плюсом в ее пользу, но меня загнали в угол. Продать себя СЗД было последним шансом. Если она не хотела меня, все было кончено. Должен быть способ уговорить ее, как-то убедить...

— погоди, — сказала я. — А если мы заключим сделку?

«Я люблю сделки, — сказала она. — Продолжай».

Времени не оставалось, и я стала говорить так быстро, как могла.

— Я вот-вот буду должна тебе почти шестьсот тысяч за аренду. Мы обе знаем, что я не могу оплатить это, так почему бы мне не отработать их? Как работа?

«Звучит отлично! — сказала богиня. — Я всегда пытаюсь поднять уровень занятости, и мне нужны жрецы больше денег. Но в эту сделку не входит твой папа».

— Нет, но это сделает меня твоей жрицей, — сказала я. — Ты сказала, что твои люди получают «фантастические силы» — твои слова — и я верю в это. Ты — богиня,двигающая огромные небоскребы по своей воле! Работая с тобой, я должна стать достаточно сильной, чтобы спасти папу самостоятельно.

«Я вижу, что ты делаешь, — сказала СЗД. — Но не знаю, нравится ли мне это. Жрецы должны приходить ко мне скромно».

— Но я тебе нужна, — возразила я. — Ты намекала на это при каждой встрече. Ты не стала бы винить работника за переговоры насчет лучших условий с нанимателем, который очень хочет его заманить. Это спрос и предложение, а ты — город, полный работников. Не говори, что такое поведение не подходит тебе.

«Не могу, — признала недовольно она. — Ты — дочь дракона, да? Вымогаешь у богини».

— Это не вымогательство, — сказала я, — а торг. Нам обеим нужно то, что есть у другой, так давай обменяемся. Я буду служить твоей жрицей, пока не отработаю долг, а ты дашь мне силу спасти папу. И все. Никакого пистолета у моей головы и темных сделок. Просто уговор с согласием обеих сторон, как на любой другой работе.

«Готово», — сказала СЗД.

Я вытянула руку. Это было глупо, ведь СЗД не была рядом, чтобы пожать ее, но я сделала это инстинктивно. И не зря, видимо, потому что призрачная рука ясно сжала мою ладонь. Я закрыла глаза, ожидая прилив божественной силы, но получила лишь запах выхлопных газов.

— Погоди, — растерянно сказала я. — Это все?

«Пока что, — сказала моя новая богиня. — Я уже сказала, Виндзор — не моя территория. Это не меняется магически, потому что ты согласилась временно быть жрицей. Если хочешь мою силу, вернись в пределы города».

— Но папе нужна помощь тут! — прошептала я в панике. — Что мне делать?!

«Мои жрецы находчивые, — сказала СЗД. — Уверена, ты разберешься. Просто пересеки реку, и я помогу. А пока что я дам тебе отвлечение, — дух сделала паузу. — Ох, тебе стоит пригнуться».

Я рухнула на землю. Я не знала, что пыталась избежать, но когда город говорил пригибаться, ты делал это. Я все еще прижималась к траве под окном полминуты спустя, когда услышала грохот над водой. Последовал странный скрежет, и мне пришлось поднять голову. Так я увидела, как подвесные провода на мосту Нового Посла отцепляются и падают, чтобы обвить, будто щупальцами, автоматический грузовик, ждущий у границы. Шины грузовика скрипели, провод размером со ствол дерева поднял его с асфальта, и весь мост выгнулся, словно праща, чтобы отправить грузовик через воду.

В меня.

Я рухнула на землю с приглушенным криком. Я не знала, слышали ли меня драконы, но было поздно переживать. Три секунды спустя грузовик врезался в стену дома над моей

головой, как копьё, пробивая окно и камень вокруг него, чтобы попасть по Белой Змее.

Так я думала. Я не видела это, потому что обнимала землю, чтобы спастись. Когда я подняла голову через миг, драконша пропала, как и почти вся северная половина дома папы. Казалось, в здание попали огромной пулей, и отец оставался на коленях у края дыры, не пострадавший.

— Пап!

Я вскочила на ноги и вбежала внутрь, спотыкаясь об обломки.

— Пап! — повторила я, сжав его плечи. — Вставай! Нужно уходить отсюда!

Он смотрел на мое лицо, не понимая. Я смотрела, пытаясь не бояться. Я думала, что папа до этого выглядел плохо, но дракон на коленях на кровавом ковре был белым, как призрак, его обычно бирюзовые глаза были тусклыми, как пепел. Если бы он не хватал ртом воздух, я сомневалась бы, что он еще был жив.

— Опал, — наконец, прошептал он. — Что ты тут делаешь?

— Забираю тебя, — ответила я, просовывая руку под его плечи. Я все еще думала, как поднять его, не тревожа пальцами его раны, когда он отдернулся.

— Тебе нельзя тут быть, — его голос был разбитым и таким испуганным, каким я его еще не слышала. — Тебе нужно идти.

— Мы оба уйдем, — твердо сказала я.

— Не глупи, — прошипел он, звуча уже больше как прежний. — Она убьет и тебя! И прошел все это не ради того, чтобы ты умерла!

— Никто не умрет, — упрямо сказала я. — Идем...

Рев перебил меня. В дыре, которую оставил грузовик в доме, стало видно, как обломки на газоне дрожат. Потом появился дым, а потом вспыхнул огонь. Я смотрела, как он поднимается в ночи, скованная смертным ужасом, пока отец не сжал мою ладонь.

— Иди! — приказал он, толкая меня. — Я задержу ее.

Глупость этих слов привела меня в чувство.

— Ты даже на ногах не стоишь! — заорала я, вернувшись на место. — Но не переживай, я справлюсь.

Он был возмущен.

— Как ты можешь...

— Не ты один с силой, — я хмуро посмотрела на него. — Если хочешь сделать что-то полезное, пойми, как нам перебраться через реку. Там я со всем справлюсь.

Отец открыл рот, но замер, лицо дрогнуло, и он опустил взгляд. Мне стало не по себе. Я знала, что попасть в СЗД будет проблематично, но я не верила до этого момента, что он не сможет. Папа всегда был сильным, непоколебимым, и я всю жизнь билась об него головой. Но сейчас он выглядел смертным больше меня, и я не знала, как с этим справиться. Я все еще пыталась придумать план Б, когда обломки на улице взорвались, и появился дракон.

Она была не самой большой из всех, кого я видела, но все драконы были огромными, когда смотрели на тебя свысока. Белая Змея сочеталась со своим именем, была рекой белой чешуи. Ее тело было длинным, извивалось, ее клиновидная голова была обрамлена гривой синих шелковистых волос. Ее раскосые глаза были такой же смесью красок моря, как у отца, и хоть у нее не было крыльев, как у европейских драконов, я знала, что она могла летать быстрее ветра. Сейчас она нависала над нами, как жуткая буря, огонь капал с ее обнаженных клыков, пока она озиралась в поисках того, что ударило ее.

А потом она посмотрела на нас.

— Ты, — прорычала она, голос сотрясал воздух. — Я съем тебя заживо!

Я не знала, была эта угроза для меня или Ёна, но это не было важно. Белая Змея бросилась к нам, ее когти размером с дверцу машины тянулись порезать нас на куски. Сжимая папу, я отпрянула и собрала идеальную горсть магии размером с картошку, представляя гранату.

Это было одно из моих лучших применений магии. Магия выглядела как сияющая граната, пока летела по воздуху, но взорвалась на носу Белой Змеи, не оставив даже следа. Она будто и не заметила, раскрыла пасть, и воздух вокруг нас стал нагреваться.

Я скривилась, ощутив это. Я еще не была под обстрелом огнем дракона, но знала, что нас ждало, и я не видела вблизи путей отступления. Может, маг лучше меня смог бы сделать что-то с магией дракона, дрожащей в воздухе вокруг нас, но я еще такой не стала. Я была неудачницей, которая проваливалась много раз. Но теперь моя удача закончилась полностью. Я жалела, что не позвонила Нику перед концом. Я не знала, что сказать, но ощущалось неправильно, что последние слова ему будут злыми.

Ох, это было частью горы сожалений. Я не знала, заставит ли СЗД мой призрак отрабатывать то, что я обещала ей, или она отпустит меня в загробную жизнь без возражений, когда папа схватил меня за талию и отскочил назад.

Жуткий миг я падала с берега реки. А потом взлетела в воздух. Высоко, покинула землю и ослепительный залп огня, я неслась по ночному небу на спине огромного синего дракона.

Я схватилась за него с воплем, сжала кулаками длинные шелковистые волосы его зеленой, золотой и алой гривы. На приятный миг ностальгия одолела страх. Я каталась на спине отца много раз в детстве, и на миг я вернулась в Корею, летала над горами на драконе, который никогда не уставал и не давал мне упасть. А потом я ощутила влагу под пальцами, и реальность ударила по мне.

— Блин!

Папа истекал кровью. Его грива и спина были в крови. Она стекала с его тела водопадом, обрушивалась ручьями в реку. Белая Змея за нами взревела и взмыла в небо, устремилась за нами.

В другой ситуации это не испугало бы меня. Теперь они оба были драконами, и разница в силе между Ёном и его младшей сестрой была очевидна. Белая Змея была с таким же длинным телом и изогнутыми когтями, но она была вполовину меньше него, бледная тень величия моего отца. Конечно, ей пришлось ждать, пока он ослабеет так, что не сможет покинуть дом. Иначе у нее не было бы шанса.

Белая Змея хоть была трусливой, но хорошо продумала удар. Не только раны подавляли отца. Даже в таком облике его тело было хрупким и будто высушенным. Ребра торчали под чешуей, и он не парил легко по небу, как обычно. Он будто полз, рвал воздух когтями ради каждого дюйма. Хуже, он летел не туда.

— Нет! — закричала я, чтобы меня было слышно поверх ветра. — Не следуй за рекой! Над рекой! Лети в СЗД!

— Невозможно, — выдавил отец, его голос гудел в крови под моими пальцами. — Это территория Миротворца. Я не столкнусь с ним!

Сейчас не нужно было переживать из-за этого, но я не стала бросать вызов уязвленной гордости дракона.

— И не придется! — заорала я. — Я уже все устроила! Просто перелети воду, и дальше все сделаю я. Доверься мне!

Огромный дракон вздохнул с болью, и я стиснула зубы. А потом, когда я решила, что он скажет мне перестать быть глупой смертной, он изменил курс, полетел к горизонту СЗД.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — прогудел он.

И я надеялась, но обратного пути не было. Белая Змея догоняла, ее когти тянулись, чтобы закончить работу раньше, чем мы попадем на территорию Миротворца, и ее хитрый план станет убийством. Но, когда я ощутила жар огня спиной, мы полетели над стеной зданий у воды, и все изменилось.

Я жила в СЗД уже долго. Я думала, что привыкла видеть ее движение, но я еще не видела такого. Как только мы миновали границу, город встретил нас, здания поднялись из земли, чтобы схватить нас в воздухе. Я видела, как люди боялись, в окнах, хватались за катящиеся столы, пока их здания изгибались, чтобы окружить нас.

Отец попытался уклониться — я попыталась уклониться, потому что это пугало — но он был в крови, уставший, слишком медленный. Он смог только сжаться в комок со мной в центре, кулак небоскребов сжался вокруг нас. Я увидела сквозь трещины вторую ладонь, которая поднялась, чтобы сбить Белую Змею в реку, как мошку, узел зданий затянулся плотнее, и свет пропал.

* * *

Я проснулась на полу своей пустой квартиры.

Я была в гостиной, лежала на спине на паркете, который установила мама, моргала при виде единственной лампочки, пережившей мою с Ником охоту на ценности. Когда я смогла сесть, я увидела, что отец лежал рядом со мной. Он был в облике человека, без сознания, и все его тело было в крови. И он был голым.

Я тут же прикрыла глаза. Драконы выглядели идеально, но было то, что никто не хотел видеть, и голый папа было из таких. Я старалась понять, как мы попали сюда, когда что-то мягкое задело мою ладонь.

— Вот.

Я вздрогнула и убрала ладонь с глаз, СЗД склонялась надо мной. Она снова выглядела иначе. Ее лицо было юным и женственным в этот раз, как у подростка, и она держала одеяло.

— Прости, что долго, — она прикусила губу. — Я не могла тянуться над водой.

— Ты отлично справилась, — сказала я, взяла одеяло и накрыла им отца как можно лучше, не глядя. — Ты спасла нас, спасибо. И круто ударила по Белой Змее.

Богиня хитро улыбнулась мне.

— Никто не лезет к моему.

Я застыла, ждала, что слова ударят меня, но мой гнев вытек с кровью отца, потому что я ощущала только усталость. Усталость и смятение.

— Как мы оказались в моей квартире?

— Это место казалось безопасным, — СЗД кивнула на зашторенное окно. — Но мы все еще движемся, так что лучше не смотреть наружу. Смертные разумы плохо выдерживают то, как я движусь по своим лабиринтам.

Для меня это казалось дельным советом.

— Ты можешь помочь передвинуть его? — я кивнула на папу.

Было смело просить, ведь я теперь работала на нее. Но СЗД просто пожала плечами и помогла укутать Ёна и отнести его на матрац, единственную вещь, что осталась в спальне.

— Что теперь будет? — спросила я, когда мы устроили его удобнее. Папа твердо решил

не просить Миротворца о помощи, но он все еще выглядел ужасно. Я не знала, нуждался ли он в драконьем докторе, существовало ли такое вообще. Насколько я знала, драконы были или в порядке, или мертвые.

— Не знаю, — моя новая богиня покачала головой. — Я знаю живых драконов, а не то... какой он, — она махнула на моего папу. — Если бы я не видела, как он летал, я не смогла бы сказать, что он — дракон. Я вообще не ощущаю его магию. Он просто... ничто.

Я сглотнула. Ничто звучало плохо.

— Твоя квартира не сразу вернется в город, — она похлопала меня по ладони. — А мне нужно убрать бардак после твоего спасения. Люди злятся, когда превращаешь их здания в кулак! Ты не готова справляться с таким в свой первый день, так что оставайся тут и отдыхай. Мы начнем работу завтра, ладно?

— Спасибо, — тихо сказала я.

СЗД улыбнулась мне и исчезла. Просто пропала бесследно, словно свет выключили. Я осталась одна. Я расслабилась, когда она ушла, сползла по стене и плюхнулась на пол рядом с папой. Он даже не дрогнул от звука. Он просто лежал, холодный и неподвижный. Если бы он не дышал, напоминал бы мраморные статуи на гробницах.

— Ну же, пап, — шепнула я, ткнув его в плечо. — Проснись. Накричи на меня. Сделай что-нибудь.

Ничего.

Я отдернула дрожащую руку, притянула колени к груди, опустила на них подбородок, стараясь не плакать. Я не могла быть слабой. Пока я не свяжусь с мамой, только я осталась из свиты Великого Ёна. Я не поклонялась ему, как другие, но не собиралась давать ему умирать после такой работы. Пока он был тут, я буду тут, и я заставляла себя не спать, сторожить его, пока мы плыли по пустоте в богине к будущему, к которому приведет моя новая работа.

Больше книг на сайте - Knigoed.net